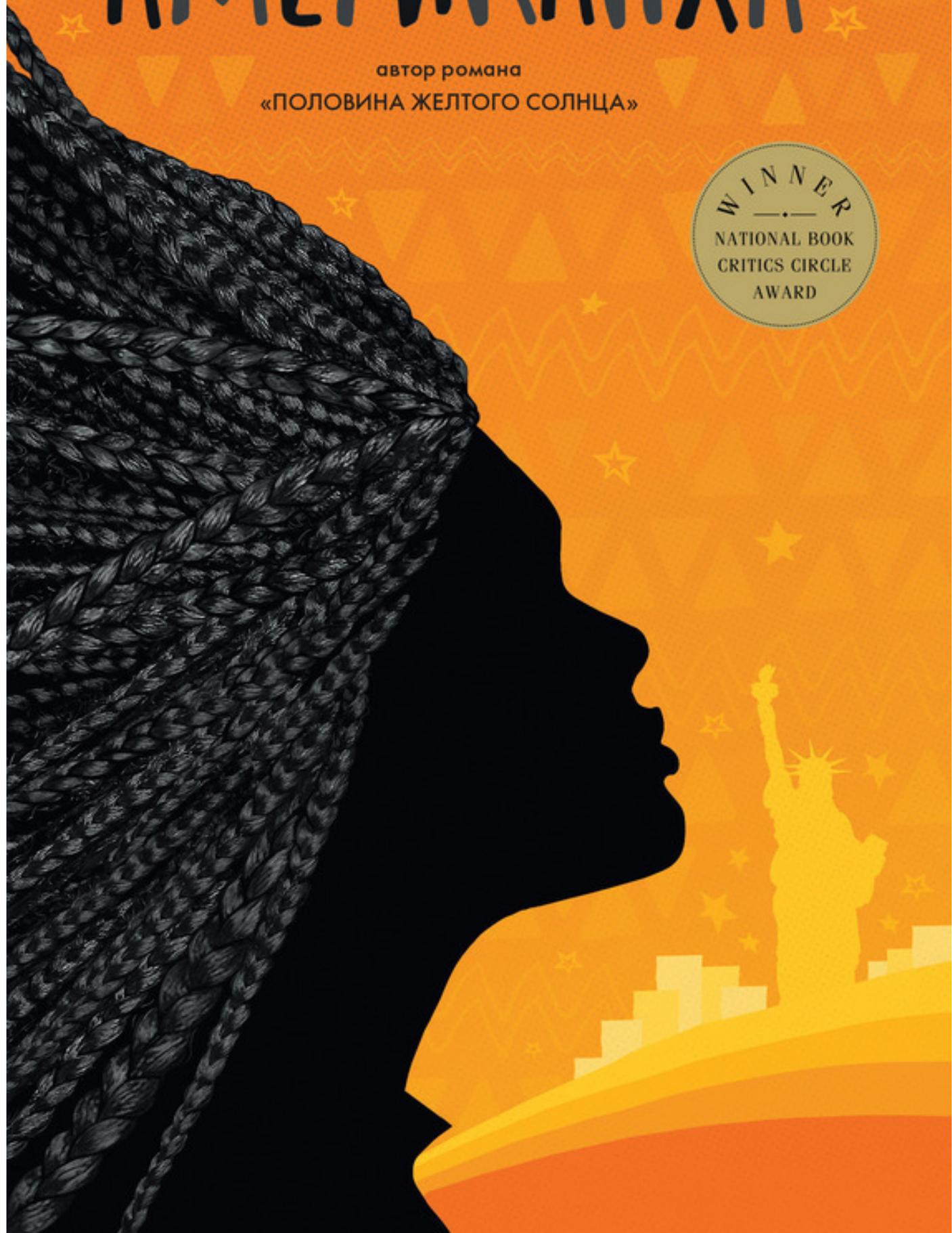

ЧИМАМАНДА НГОЗИ АДІЧІ
АМЕРИКАНХА

автор романа
«ПОЛОВИНА ЖЕЛТОГО СОЛНЦА»

Чимаманда Адичи
Американха

«Фантом Пресс»

2013

УДК 821.111
ББК 84(6Ние)

Адичи Ч. Н.

Американха / Ч. Н. Адичи — «Фантом Пресс», 2013

ISBN 978-5-86471-776-9

Третий роман нигерийского прозаика Чимааманды Нгози Адичи, уже завоевавшей не одну литературную награду за предыдущие свои книги, – самый масштабный и по времени, и по географии действия, и по диапазону идей и проблем, которые Адичи смогла мастерски и увлекательно охватить. Роман о том, что чувствует образованный человек «второго мира», оказавшись в США или в Лондоне, про то, что ждет его дома, если он решит вернуться. Еще подростками Ифемелу и Обинзе влюбились, и дела им не было до диктатуры в родной стране, до зловещей атмосферы всеобщей подавленности и страха. Но, окончив школу, красавица Ифемелу уехала учиться в Америку, где ее ждал новый мир, полный как радостей, так и проблем. Рассудительный Обинзе из профессорской семьи собирался последовать за любимой, но события 11 сентября поставили крест на его планах перебраться в Америку. Он оказывается в Лондоне, где ведет опасную жизнь нелегала. Годы идут, и вот уже Обинзе – богатый человек, живет в родной стране, где его ценят и уважают. А Ифемелу стала успешной журналисткой, ее блог о жизни иммигрантки в Америке чрезвычайно популярен. Казалось бы, у обоих все хорошо, но это лишь начало... Увлекательный, горький, местами смешной роман, охватывающий три континента и множество судеб, он вызывает в памяти предыдущий роман Адичи «Половина желтого солнца», а также «И эхо летит по горам» Халеда Хоссейни и «Рассечение Стоуна» Абрахама Вергезе. Вероятно, главный в этом романе разговор – о том, как живет и меняется в нас представление о родине и о доме, об оттенках расставаний и возвращений. В 2013 году роман получил одну из самых престижных литературных премий США – National Book Critics Circle Award (Национальная премия критиков) и обошел роман Донны Тартт «Щегол».

УДК 821.111
ББК 84(6Ние)

ISBN 978-5-86471-776-9

© Адичи Ч. Н., 2013
© Фантом Пресс, 2013

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Часть вторая	30
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	70
Глава 9	73
Глава 10	79
Глава 11	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Чимаманда Нгози Адичи

Американха

*Эта книга – для следующего нашего поколения, нди на-абиа н'иру:
Токсу, Чисому, Амаке, Чинедуму, Камсьонне и Аринзе.
Моему отцу на его восьмидесятом году жизни.
И, как всегда, Иваре.*

AMERICANAH by Chimamanda Ngozi Adichie
Copyright © 2013 by Chimamanda Ngozi Adichie

© Шаши Мартынова, перевод, 2017
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

Часть первая

Глава 1

Принстон летом не пах ничем, и хотя Ифемелу нравилась спокойная зелень множества деревьев, чистые улицы и величавые дома, магазины с ненавязчиво завышенными ценами и безмолвный, неизменный дух заслуженного благоденствия, именно это отсутствие запаха привлекало ее более всего, поскольку все прочие хорошо известные ей американские города пахли отчетливо. У Филадельфии имелся затхлый аромат истории. Нью-Хейвен пах заброшенностью. Балтимор – рассолом, а Бруклин – разогретым на солнце мусором. У Принстона же запаха не было. Ей нравилось дышать здесь глубоко. Нравилось смотреть на местных, водивших машины с подчеркнутой любезностью и оставлявших свои автомобили свежайших моделей рядом с магазином экологических продуктов на Нассо-стрит, или же у ресторана суси, или у лавочки с пятьюдесятью сортами мороженого, включая красный перец, или у почтового отделения, где безудержно приветливый персонал устремлялся встречать их у самого входа. Ей нравился студгородок, насупленный от знаний, готические постройки с кружевными от вьюна стенами и как в полусвете вечера все преображалось в пространство призраков. Но более прочего ей нравилось, что в этом месте избыточной непринужденности ей удавалось прикидываться другим человеком, тем, кого лично приняли в освященный американский клуб, кого осенили определенностью.

А вот ездить в Трентон заплетать волосы ей как раз не нравилось. Требовать от Принстона парикмахерскую, где плетут косы, неразумно: те немногие черные местные, каких она тут видела, были такие светлокожие и висловолосые, что их с косичками и не вообразить, но все же, пока Ифемелу в палящую послеобеденную жару ждала на станции Принстон-узловая своего поезда, она задумалась, почему *все же* тут негде заплести волосы. Плитка шоколада в сумке растаяла. Немногие прочие, ожидавшие вместе с ней на платформе, – все до единого белые, тощие, в короткой воздушной одежде. Стоявший рядом с ней мужчина ел рожок мороженого, что ей всегда казалось несколько безответственным: взрослый мужчина-американец ест рожок мороженого, в особенности если взрослый мужчина-американец ест рожок мороженого у всех на виду. Поезд догромыхал до станции, и мужчина обернулся к Ифемелу.

– Ну наконец-то, – произнес он с фамильярностью, какая возникает между незнакомцами, разделяющими недовольство той или иной общественной услугой. Она ему улыбнулась. Седеющие волосы зачесаны с затылка вперед – потешное ухищрение скрыть лысину. Наверняка ученый, но не из гуманитариев, иначе был бы застенчивее. Крепкая наука вроде химии небось. Прежде она бы сказала: «Знамо дело» – примечательное американское выражение согласия, а не знания, и затем завела бы с ним беседу – разведать, не скажет ли он что-нибудь полезное для ее блога. Людям льстит, когда их расспрашивают о них самих, а если она помалкивает в ответ, их это подталкивает рассказывать дальше. Их приучили заполнять паузы. Если интересовались, чем она занимается, Ифемелу отвечала расплывчато: «Веду блог о стиле жизни», потому что от реплики «Я веду анонимный блог под названием “Расемнадцатое¹, или Разнообразные наблюдения черной неамериканки за черными американцами (прежде известными как негры)”» им становилось неловко. Впрочем, она все же произносила это несколько раз. Однажды – в беседе с белым мужчиной в дредах, который сидел рядом с ней в поезде,

¹ Отсылка к Юненадцатому (Juneteenth), или Дню независимости, или Дню свободы. Отмечается в 45 американских штатах как годовщина объявления отмены рабства в Техасе (19 июня 1865 г.) и в целом освобождения рабов-афроамериканцев.

волосы как старые крученые веревки, косматые на концах, потасканная рубашка – знак благонадежности, убедивший ее, что перед ней боец-общественник и, возможно, окажется славным гостем в ее блоге. «Вокруг расы нынче перебор шумихи, чернокожим пора бы уже расслабиться, теперь все сводится к классовости, к имущим и неимущим», – сказал он невозмутимо, и с этой фразы она начала пост под названием «Не все белые американцы в дредах – свои в доску». А еще был человек из Огайо, втиснувшийся рядом с ней на каком-то авиаперелете. Явно менеджер среднего звена: костюм-футляр, контрастный воротничок. Уточнил, что это значит – «блог о стиле жизни», и она объяснила, ожидая, что он тут же замкнется или в конце разговора брякнет что-нибудь хмуро-пошлое вроде «Единственная подлинная раса – человечество». Но он сказал: «Никогда про усыновление не писали? В этой стране черные детишки никому не нужны, и я не про межрасовых, а именно про черных. Даже черные семьи их не берут».

Доложил, что они с женой усыновили черного ребенка и соседи смотрели так, будто эта пара решила податься в мученики во имя невесть чего. Ее пост об этом: «Не так-то просты они, скверно одетые белые менеджеры среднего звена из Огайо», на него она получила в тот месяц больше всего комментариев. До сих пор гадала, читал он тот ее текст или нет. Надеялась, что читал. Она частенько, сидя в кафе, или в аэропортах, или на вокзалах, наблюдала за незнакомыми людьми, воображала себе их жизнь, раздумывала, кто из них, вероятно, следит за ее блогом. Теперь уже бывшим. Она выложила последний пост всего несколько дней назад, за ним потянулся хвост из двухсот семидесяти четырех комментариев – пока. Ее читателей прибывало что ни месяц, они ставили на нее ссылки, публиковали у себя ее посты, знали гораздо больше, чем она сама, – вечно пугали и вдохновляли Ифемелу. Сафический Деррида, один из самых частых комментаторов, написал: «Удивительно, до чего близко к сердцу я это все принимаю. Удачи вам с неведомыми “переменами в жизни”, но вы, уж пожалуйста, возвращайтесь в блогосферу поскорее. Своим дерзким, хулиганским, потешным и наводящим на размышления тоном вы создали пространство настоящего разговора на важную тему». Читатели, подобные Сафическому Дерриде, вываливавшие статистические данные и употреблявшие в комментариях слова вроде «овеществлять», нервировали Ифемелу, которая рвалась быть свежей, впечатлять и потому со временем начала ощущать себя стервятником, что обдирает остовы людских историй себе на пользу. Иногда с трудом увязывая сказанное с расовыми вопросами. Иногда не доверяя самой себе. Чем больше писала, тем меньше в ней было уверенности. Каждый следующий пост слушивал с нее очередную чешуйку самости, пока она не показалась себе голой и фальшивой.

Мужчина-с-мороженым уселся в поезде рядом с ней, и, чтобы избежать разговора, она упорно глядела на бурое пятно у себя под ногами – разлитый фраппучино – вплоть до самого Трентона. На платформе толпились черные, многие – жирные, в короткой воздушной одежде. Ее по-прежнему изумляла разница, возникавшая за несколько минут езды на поезде. В первый свой год в Америке она съездила нью-джерсийским транзитным до Пенсильванского вокзала, а дальше на метро, в гости к тете Уджу во Флэтлендз², и ее поразило, что преимущественно щуплые белые сходили на манхэттенских остановках, а поезд катился дальше в Бруклин, и оставались в вагоне почти исключительно жирные черные. Но Ифемелу тогда не думала о них как о «жирных». Думала о них как о «крупных», потому что ее подруга Гиника чуть ли не первым делом сообщила ей: «жирный» в Америке – ругательное слово, в нем уйма осуждения, как в словах «тупой» или «ублюдок», это не просто описание человека вроде «низенький» или «рослый». Ифемелу исключила «жирный» из словаря. Но прошлой зимой это слово вернулось к ней – почти через тринадцать лет, когда человек за ее спиной в очереди в супермаркете пробормотал: «Жирным это барахло есть не стоит», когда она платила за громадный

² Район Бруклина.

пакет «Тоститос». Ифемелу глянула на него изумленно, чуть обиженно и подумала, что вот он, идеальный пост для блога: чужой человек решил, что она жирная. Тэги к посту – «раса, пол, телесные размеры». Но, вернувшись домой, она встала перед зеркалом и приняла от него правду – осознала, что не обращала внимания, слишком долго, как туго теперь сидит на ней одежда, как трутся внутренние поверхности бедер, как подрагивают при движении ее мягкие округлости. Она и *впрямь* жирная.

Слово «жирная» она произнесла медленно, гоня его туда-обратно, и задумалась обо всем прочем, что выучилась не произносить в Америке вслух. Она была жирной. Не фигуристой и не ширококостной – жирной, и лишь это слово казалось правдивым. Не обращала она внимания и на бетонную тяжесть на душе. Дела у ее блога шли хорошо, тысячи новых посетителей в месяц, ей прилично платили за выступления, имелась стипендия в Принстоне и отношения с Блейном. «Ты абсолютная любовь моей жизни», – написал он ей в открытке на прошлый день рождения, и все же лежал у нее на душе бетон. Он там копился уже какое-то время – утренняя хворь усталости, унылое отсутствие границ. Возникли вместе с этим бетоном и рыхлое томление, бесформенная жажда, краткие воображаемые отблески других жизней, какие она могла бы вести, и за несколько месяцев они сплавились в пронзительную тоску по дому. Она рыскала по нигерийским сайтам, по нигерийским профилям в «Фейсбуке», по нигерийским блогам, и каждый щелчок мыши приносил ей очередную байку о юнцах, вернувшихся домой облеченными американскими и британскими учеными степенями, и там эти молодые ребята основывали инвестиционные компании, музыкальные лейблы, запускали линейки модной одежды, журналы, франшизы общепита. Она смотрела на фотографии этих мужчин и женщин и чувствовала тупую боль утраты, словно они разжали ей пальцы и забрали что-то у нее самой. Они жили ее жизнью. Нигерия стала местом, где Ифемелу полагалось быть, единственным, где она могла бы пустить корни без постоянного позыва выдернуть их оттуда и отрясти почву. И конечно, там же был Обинзе. Ее первая любовь, первый любовник, единственный человек, которому никогда не нужно было ничего растолковывать. Теперь он уже и муж, и отец, они не общались много лет, и все же не могла она сделать вид, что его нет в ее тоске по дому или что она о нем не думает, часто, перебирая их прошлое, ища знаки того, что ей не удавалось назвать.

Незнакомец-хам в супермаркете – кто знает, с чем *ему*, изможденному, тонкогубому, приходилось сражаться, – стремился обидеть ее, а на деле разбудил.

Она принялась планировать и мечтать, искать работу в Лагосе. Блейну поначалу ничего не говорила – хотела завершить стипендиальную работу в Принстоне, а затем, когда та завершилась, не сказала, поскольку хотела повременить – чтобы уж не сомневаться. Однако шли недели, а не сомневаться все не получалось. И потому Ифемелу сказала ему, что возвращается домой, и добавила:

– Мне надо, – зная, что он распознает в ее словах необратимость.

– Почему? – спросил Блейн, едва ли не машинально, ошарашенный ее объявлением. Они сидели у него в гостиной в Нью-Хейвене, в волнах тихого джаза и дневного света, она смотрела на него, своего доброго оторопелого мужчину, и ощущала, как этот день приобретает печальное, эпохальное свойство. Они прожили вместе три года, три года вдоль отутюженной складки, вплоть до единственной ссоры, несколько месяцев назад, когда взгляд у Блейна заиндевел от осуждения и он отказался с ней разговаривать. Но ту ссору они пережили в основном благодаря Бараку Обаме, воссоединились вновь – общей на двоих страстью. В ночь выборов, перед тем как Блейн с мокрым от слез лицом поцеловал Ифемелу, он ее крепко обнял, словно победа Обамы была их личной победой. А теперь она говорила ему, что все кончено. «Почему?» – спросил он. У себя на занятиях он рассказывал об оттенках и сложности, а тут затребовал единое объяснение, *причину*. Однако прямого озарения у нее не случилось, причины не было, просто оседала слой за слоем неудовлетворенность, из нее сложился груз, он-то и двигал Ифе-

мелу. Этого она Блейну не сказала: ему было бы обидно узнать, что все это началось у нее не вчера, что их отношения – все равно что радоваться своему дому, но вечно сидеть у окна и смотреть наружу.

– Возьми растение, – сказал он ей в тот день, когда они виделись в последний раз, когда она собирала вещи, что держала у него в квартире. Вид у него был побитый, он стоял на кухне, поникнув плечами. Растение было его, из этого дома, бодрые зеленые листочки на трех бамбуковых стеблях, и когда она приняла его, внезапное сокрушительное одиночество пронзило Ифемелу и застряло у нее внутри на многие недели. Время от времени она ощущала это одиночество до сих пор. Как можно скучать по чему-то, чего уже не хочешь? Блейну было нужно то, чего она не могла ему дать, ей – то, что не мог дать он, вот это она оплакивала: утрату чего-то, что было лишь в принципе возможно.

И вот она, в день, исполненный летнего великолепия, собралась перед отъездом домой заплести волосы. Липкий жар оседал на коже. На платформе в Трентоне стояли люди, втрое громаднее Ифемелу, и она восхищенно разглядывала одну женщину в очень короткой юбке. Эта женщина плевать хотела на стройные ноги в мини-юбках – в конце концов, показывать ноги, которые одобряет весь белый свет, безопасно и легко, но жест толстухи – молчаливая убежденность, какую человек разделяет лишь с самим собой, чувство правоты, не явное для окружающих. Решение Ифемелу вернуться домой – похожей природы: когда б ни одолевали ее сомнения, она считала себя отважной одиночкой, чуть ли не героем, и так изничтожала неуверенность. Толстуха опекала группу подростков, на вид – лет по шестнадцать-семнадцать. Они столпились вокруг нее, смеясь и болтая, на груди и на спине их желтых футболок значилась реклама некоей летней программы. Они напомнили Ифемелу ее двоюродного брата Дике. Один мальчишка, темный, высокий, по-спортивному поджарый и мускулистый, очень смахивал на Дике. Тот, правда, ни за что бы не нацепил тапки, похожие на эспадрильи. «Квелые корки» – так бы он их назвал. Что-то новенькое: первый раз он этот оборот употребил несколько дней назад, когда рассказывал ей, как они с тетей Уджу ходили за покупками. «Мама хотела купить мне эти чокнутые тапки. Ну не, куз, ты ж знаешь, я квелые корки не могу носить!»

Ифемелу встала в очередь на такси у вокзала. Надеялась, что шофер окажется не нигерийцем: стоит им услышать ее акцент, как они либо принимаются рьяно докладывать, что у них мастерская степень, такси – подработка, а дочка у них в деканском списке в Ратгерзе³, либо ведут, надувшись, молча, дают сдачу и им до лампочки ее «спасибо», всю дорогу лелея унижение, что их собрат-нигериец – девчонка к тому же, может, медсестра, или бухгалтерша, или даже врач – смотрит на них сверху вниз. Таксисты-нигерийцы в Америке поголовно убеждены, что на самом деле они не таксисты. Ифемелу была следующей в очереди. Ее таксист оказался черным, средних лет. Она открыла дверцу и глянула на спинку водительского кресла. «Мервин Смит». Не нигериец, но поди знай наверняка. Нигерийцы тут берут себе какие угодно имена. Даже сама она была тут кое-кем другим.

– Как жизнь? – спросил водитель.

Она тут же с облегчением опознала акцент: карибский.

– Все хорошо. Спасибо. – Выдала ему адрес «Африканских причесок Мариамы». В этот салон она ехала впервые – привычный закрылся, потому что хозяйка отбыла обратно в Кот-д'Ивуар выходить замуж, – но Ифемелу знала, что этот салон будет выглядеть так же, как любой другой: все они размещались в той части города, где граффити, сырые здания и никаких белых, вывески яркие, названия – что-нибудь вроде «Африканские косички Аиши и Фатимы», батареи зимой топят слишком сильно, кондиционеры летом не охлаждаются, и там битком фран-

³ Университет Ратгерз (с 1766) – государственный исследовательский университет США, крупнейшее высшее учебное заведение штата Нью-Джерси.

коязычных женщин-плетельщиц из Западной Африки, одна из них – хозяйка, по-английски говорит лучше всех, отвечает на звонки, и прочие к ней относятся почтительно. Частенько имелся ребенок, привязанный к чьей-нибудь спине тряпичным лоскутом. Или детсадовец, спящий на шали, расстеленной поверх выдавшего вида дивана. Время от времени заглядывали дети постарше. Разговоры шумные, стремительные, на французском, волоф или мандинка, а в обращении с клиентами на английском получался ломаный любопытный язык, будто здешние, не погрузившись в сам английский, сразу переняли жаргонный американский. Слова оборваны вполювину. Как-то раз гвинейская плетельщица в Филадельфии сказала Ифемелу: «Ятып, божьмой, ж збес-сь». Неоднократно пришлось повторить, пока Ифемелу не поняла, что эта женщина говорит: «Я, типа, боже мой, аж взбесилась».

Мервин Смит оказался задорным и болтливым. Вел машину и толковал о том, как жарко и что как пить дать начнутся повальные обмороки.

– Такая вот жара приканчивает стариков. Если у них кондиционера нет, приходится топтать в торговые центры, ну. Торговый центр – бесплатный кондиционер. Но иногда их и отвезти некому. О стариках заботиться надо, – говорил он, и молчание Ифемелу никак не портит ему бодрого настроения. – Ну вот, приехали! – объявил он, останавливаясь в обшарпанном квартале.

Салон был посередине, между китайским рестораном под названием «Веселая радость» и круглосуточным магазинчиком, торговавшим лотерейными билетами. Внутри все источало запустение, краска шелушилась, стены уклеены громадными плакатами с вариантами плетеных причесок и плакатами поменьше с надписью: «Быстрый возврат налогов». Три женщины, все в шортах по колено и футболках, трудились над прическами клиенток. Маленький телевизор в углу на стене с громкостью выше необходимой показывал какой-то нигерийский фильм: мужчина лупцует жену, жена съезжилась, кричит, скверный звук режет уши.

– Здрасьте! – сказала Ифемелу.

Все повернулись к ней, но лишь одна – видимо, одноименная салону Мариама – ответила:

– Здрасьте. Пожалте.

– Я бы хотела заплестись.

– Какие хотите косички?

Ифемелу сказала, что хочет средние твисты, и спросила, сколько это будет стоить.

– Двести, – ответила Мариама.

– Я в прошлом месяце отдала сто шестьдесят. – Волосы она заплетала последний раз три месяца назад.

Мариама помолчала, уперев взгляд в заплетаемые косички.

– Все же сто шестьдесят? – спросила Ифемелу.

Мариама пожала плечами и улыбнулась:

– Ладно, но в другой раз придете к нам же. Садитесь. Ждите Аишу. Она скоро закончит. –

Мариама указала на самую маленькую плетельщицу с дефектами кожи – розовато-кремовыми кляксами обесцвеченности на руках и шее, что смотрелись тревожно заразными.

– Здрасьте, Аиша, – сказала Ифемелу.

Аиша глянула на Ифемелу, едва-едва кивнув, лицо безучастное, чуть ли не грозное от невыразительности. Было в ней что-то странное.

Ифемелу села у двери; вентилятор на щербатом столике работал на полной мощности, но от духоты в зале не спасал. Рядом с вентилятором лежали расчески, упаковки с накладными волосами, журналы, распухшие от выпавших страниц, стопки разноцветных футляров с видеодисками. В углу прислонилась метла, рядом с конфетным автоматом и ржавой сушилкой для волос, которой не пользовались лет сто. На телеэкране папаша бил двоих детей, одеревенелые тумачи сыпались в воздух над детскими головами.

– Нет! Плохой отец! Плохой человек! – произнесла другая плетельщица, вперяясь в экран и отшатываясь.

– Вы из Нигерии? – спросила Мариама.

– Да, – сказала Ифемелу. – А вы откуда?

– Мы с сестрой Халимой из Мали. Аиша – из Сенегала, – ответила Мариама.

Аиша не откликнулась, а Халима улыбнулась Ифемелу – улыбка теплой многозначительности, приветствие собрату-африканцу, американке она бы так улыбаться не стала. У нее было лютое косоглазие, зрачки в разные стороны, и Ифемелу растерялась, не понимая, какой глаз Халимы уставился на нее.

Ифемелу обмахнулась журналом.

– Ну и жарища, – сказала она. Эти женщины, по крайней мере, не скажут: «Это вам-то жарко? Вы же из Африки!»

– Очень плохая эта жара. Простите, кондиционер вчера сломался, – сказала Мариама.

Ифемелу знала, что кондиционер сломался не вчера, что сломан он существенно дольше, возможно, был сломан всегда, но все же кивнула и сказала, что, наверное, накрылся из-за перегрузки. Зазвонил телефон. Мариама сняла трубку и через минуту ответила:

– Сейчас приходите.

Именно из-за этих слов Ифемелу бросила назначать время в салонах африканских причесок. «Сейчас приходите», – говорят они всякий раз, приезжаешь к ним, а тут два человека ждут в очереди на микрокосички, но хозяйка все равно говорит: «Погодите, сейчас сестра моя подсобит». Телефон зазвонил вновь, Мариама заговорила по-французски, голос возвысился, она бросила плести – чтобы размахивать руками, завопила в трубку. Затем вытащила из кармана и развернула желтый бланк «Вестерн Юниона» и начала читать цифры.

– *Три! Санк! Нон, нон, санк!*⁴

Женщина, которой заплетали волосы – крошечными, мучительными на вид грядками, – резко встряла:

– Эй! Я сюда не на весь день пришла!

– Простите, простите, – сказала Мариама. Но «вестерн-юнионовские» цифры все же договорила и лишь затем продолжила плести, зажав телефон между ухом и плечом.

Ифемелу раскрыла роман – «Тростник» Джина Тумера⁵ – и пролиставла сколько-то страниц. Уже некоторое время собиралась она его почитать и предполагала, что роман ей понравится, поскольку он не понравился Блейну. «Ценное высказывание» – так Блейн назвал его, этим своим трепетно-зловещим тоном, каким толковал, когда речь заходила о романах, будто был уверен, что Ифемелу, чуть погодя и с чуть большей мудростью, научится принимать, что романы, которые ему нравятся, – лучше, романы, написанные молодыми и молодежьими мужчинами, напичканные *штуками*, поразительными, завораживающими собраниями торговых марок, музыки, комиксов и идолов, где эмоций через край, где каждая фраза изящно осознает свое изящество. Ифемелу прочла много их, потому что Блейн рекомендовал, но все они, как сахарная вата, легко испарялись с языка ее памяти.

Она закрыла книгу: слишком жарко, не сосредоточиться. Поела растаявший шоколад, отправила Дике эсэмэску, чтобы позвонил, когда закончится баскетбольная тренировка, и принялась обмахиваться. Прочитала надписи на стене напротив: ЛЮБЫЕ ПЕРЕДЕЛКИ КОСИЧЕК – В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ЗАПЛЕТЕНИЯ; ЧЕКИ НЕ ПРИНИМАЕМ; ДЕНЬГИ НЕ ВОЗВРАЩАЕМ, но старательно не приглядывалась к углам, потому что знала: под трубами, грязью и давно сгнившим барахлом напиханы комья плесневелых газет.

⁴ Три! Пять! Нет, нет, пять! (*искаж. фр.*) – *Здесь и далее примеч. перев.*

⁵ Джин Тумер (1894–1967) – афроамериканский поэт и романист, значимая фигура Гарлемского ренессанса (1920–1930-е гг.) и модернизма; «Сапе» (1923) считается главным романом Тумера.

Наконец Аиша закончила со своей клиенткой и спросила, какого цвета накладные волосы Ифемелу желает.

– Номер четыре.

– Нехороший цвет, – поспешно откликнулась Аиша.

– Я такой себе делаю.

– Смотрится грязным. Номер один не хотите?

– Номер один слишком темный, смотрится фальшиво, – сказала Ифемелу, стаскивая с волос резинку. – Иногда делаю номер два, но четвертый ближе всего к моему природному тону.

Аиша дернула плечом, высокомерно, дескать, ей-то что, если у клиента дурной вкус. Полезла в шкаф, вытащила две упаковки накладок, проверила, одного ли они цвета.

Потрогала волосы Ифемелу:

– А чего не выпрямляете?

– Мне мои волосы нравятся такими, какими их Бог дал.

– Но как же вы их расчесываете? Трудно же, – сказала Аиша.

Ифемелу принесла с собой свою расческу. Осторожно расчесала волосы, густые, мягкие, туго курчавые, пока вокруг головы не образовался нимб.

– Если увлажнять хорошенько, расчесать нетрудно, – заговорила она тоном улещивающего проповедника, какой применяла всякий раз в беседах с другими черными женщинами о достоинствах естественных причесок. Аиша фыркнула: она явно не понимала, зачем нужно страдать, расчесывая естественные волосы, а не выпрямлять их. Она поделила шевелюру Ифемелу пробором, вытащила накладную прядь из кучки на столе и принялась умело плести.

– Слишком туго, – сказала Ифемелу. – Туго не надо. – Аиша продолжала крутить до конца, и Ифемелу подумала, что, может, та не поняла ее, коснулась болезненной косички и сказала: – Туго, туго.

Аиша отпихнула ее руку.

– Нет. Нет. Пусть. Хорошо.

– Туго! – настаивала Ифемелу. – Прошу вас, ослабьте.

Мариама наблюдала за ними. Полился поток французского. Аиша ослабила косичку.

– Простите, – сказала Мариама. – Она не очень понимает.

Но Ифемелу видела по лицу Аиши, что поняла она все очень хорошо. Аиша попросту настоящая базарная тетка, не восприимчивая к косметическим любезностям американского клиентского обслуживания. Ифемелу вообразила Аишу на базаре в Дакаре – так же и плетельщицы в Лагосе, что сморкались в пятерню и вытирали руки о халаты, грубо дергали клиентов за головы, чтоб повернуть их поудобнее, жаловались на густоту, жесткость или длину волос, орали проходившим мимо женщинам, попутно слишком громко разговаривая и плетя слишком туго.

– Знаете ее? – спросила Аиша, глянув в телевизор.

– Что?

Аиша повторила вопрос, показав на актрису на экране.

– Нет, – ответила Ифемелу.

– Но вы же нигерийка.

– Да, но я ее не знаю.

Аиша махнула рукой на стопку видеодисков на столе.

– Раньше – слишком много вуду. Очень плохо. Теперь фильм в Нигерии очень хороший. Большой хороший дом!

Ифемелу нолливудские⁶ фильмы ни в грош не ставила – сплошная чрезмерная наигранность, недостоверные сюжеты, – но кивнула, соглашаясь, потому что «Нигерия» и «хорошо»

⁶ Нигерийская массовая киноиндустрия (разг.).

в одной фразе – роскошь, даже от посторонней сенегалки, и Ифемелу решила отнестись к этому как к благому предвестию ее возвращения домой.

Все, кому она говорила, что возвращается, вроде бы удивлялись, ждали объяснений, а когда она сообщала, что ей просто хочется, на лбах возникали складки растерянности.

– Ты закрываешь блог и продаешь квартиру, чтобы вернуться в Лагос и работать в журнале, где платят так себе, – сказала тетя Уджу и следом повторила все это еще раз, словно пытаясь показать глубину глупости Ифемелу. И лишь Раньинудо, ее старая подруга в Лагосе, придала ее возвращению нормальность.

– В Лагосе навалом возвращенцев из Штатов, так что давай-ка и ты с ними. Каждый день видишь их – они с собой бутылки воды таскают, будто помрут от жары, если поминутно пить не будут, – сказала Раньинудо. Они с Раньинудо держали связь все эти годы. Поначалу писали друг другу изредка, но потом открылись интернет-кафе, возникли мобильные телефоны, расцвел «Фейсбук», и общаться они стали чаще. Именно Раньинудо сказала ей несколько лет назад, что Обинзе женится. «Кстати-о⁷, у него теперь серьезные деньги водятся. Ты глянь, что пропустила!» – сказала Раньинудо. Ифемелу прикинулась безразличной к этой новости. В конце концов, связь с Обинзе пресекла она сама, и столько уже времени прошло, и совсем недавно возникли отношения с Блейном, и она счастливо погрузилась в совместную жизнь. Но, повесив трубку, начала думать об Обинзе – постоянно. Представила его на свадьбе, и от этого осталось в ней чувство, похожее на грусть, смутную грусть. Но ей было за него радостно, говорила она себе, и, чтобы это доказать, она решила написать ему. Не уверенная, по-прежнему ли у него старый адрес, она отправила электронное сообщение, почти готовая к тому, что он не ответит, но ответ пришел. Больше она не писала, потому что осознала в себе к тому времени маленький, еще тлевший огонек. Лучше оставить все как есть. В прошлом декабре, когда Раньинудо сказала ей, что наткнулась на Обинзе в торговом центре «Палмз», при нем была малышка-дочка (и Ифемелу все никак не удавалось представить себе этот новый роскошный современный торговый центр в Лагосе – на ум шла только памятная ей тесная «Мега-Плаза»). «Он такой чистенький был, и дочурка такая милая», – сказала Раньинудо, и Ифемелу чувствовала, как ее ранят все эти перемены в его жизни.

– Фильм в Нигерии теперь очень хороший, – повторила Аиша.

– Да, – воодушевленно согласилась Ифемелу. Вот во что она превратилась – в искателя знаков. Нигерийские фильмы хороши, следовательно, возвращаться домой – хорошо.

– Вы из нигерийских йоруба, – сказала Аиша.

– Нет. Я игбо.

– Вы игбо? – На лице Аиши впервые появилась улыбка – улыбка, явившая в равной мере и мелкие зубы, и темные десны. – Я думаю, вы йоруба, потому что темная, а игбо светлые. У меня два мужчины-игбо. Очень хорошие. Мужчины-игбо заботятся о женщинах ой хорошо.

Аиша почти шептала, в голосе томный намек, а в зеркале пятна у нее на руках и шее сделались кошмарными болячками. Ифемелу вообразила, как некоторые лопаются и сочатся, а некоторые шелушатся. Отвела взгляд.

– Мужчины-игбо заботятся о женщинах ой хорошо, – повторила Аиша. – Я хочу жениться. Они меня любят, но говори, что семья надо с женщиной-игбо. Потому что игбо женись на игбо только.

Ифемелу подавилась смехом.

– Хотите за обоих замуж?

– Нет. – Аиша нетерпеливо отмахнулась. – Я хочу женись один. Но это правда? Игбо женись на игбо только?

⁷ О – усилительная частица в конце слова (с оттенком экспрессии) в устной речи нигерийцев.

– Игбо женятся на ком угодно. Муж моей двоюродной сестры – йоруба. Жена моего дяди – из Шотландии.

Аиша перестала заплетать и всмотрелась в отражение Ифемелу в зеркале, словно решая, верить ей или нет.

– Моя сестра говорит, это правда. Игбо женись на игбо только, – сказала она.

– Откуда вашей сестре знать?

– Она в Африке знай много игбо. Она продай ткань.

– Где она?

– В Африке.

– Где? В Сенегале?

– Бенин.

– Почему вы говорите «Африка», а не называете страну, о которой речь? – спросила Ифемелу.

Аиша хихикнула.

– Вы не знаешь Америка. Вы скажи «Сенегал», и американские, они говорят: «Это где?» Моя друг из Буркина-Фасо, они ее спрашивают: ваша страна Латинская Америка? – Аиша продолжила крутить, на лице – лукавая улыбка, а затем спросила, будто Ифемелу совсем невдомек, как тут вообще все устроено: – Вы долго в Америке?

Ифемелу решила, что Аиша не нравится ей совсем. Захотелось покончить с этой беседой, чтобы далее, в те шесть часов, что ее будут заплетать, говорить только необходимое, и потому сделала вид, что не услышала вопроса, и вытащила мобильный. Дике на ее эсэмэску пока не ответил. Всегда отвечает за минуту-другую, но, может, он все еще на тренировке или с друзьями, смотрит какой-нибудь дурацкий ролик на Ю-Тьюбе. Ифемелу позвонила ему и оставила длинное сообщение на автоответчике, говорила погромче, болтала и болтала о его баскетбольной тренировке, о том, как же в Массачусетсе жарко, и пойдет ли он сегодня с Пейдж в кино. Все равно нейдет – сочинила электронное письмо Обинзе и, не дав себе перечитать его, отправила. Написала, что собирается вернуться в Нигерию. И пусть ее уже ждет там работа, пусть автомобиль ее уже плывет кораблем в Лагос, Ифемелу впервые по-настоящему это почувствовала. *Я недавно решила вернуться в Нигерию.*

Аиша не уgomонилась. Как только Ифемелу оторвала взгляд от телефона, Аиша спросила вновь:

– Вы долго в Америке?

Ифемелу неспешно убрала телефон в сумочку. Много лет назад, когда на свадьбе одной подружки тети Уджу возник подобный вопрос, Ифемелу сказала «два года», и так оно и было, но насмешка на лице нигерийца выучила ее: чтобы заработать награду серьезного отношения среди нигерийцев в Америке, среди африканцев в Америке и, уж конечно, среди иммигрантов в Америке, лет должно быть больше. «Шесть», стала говорить она, когда их было три с половиной. «Восемь» – когда их было пять. Теперь уже тринадцать, врать вроде бы нет нужды, но она все равно соврала.

– Пятнадцать лет, – ответила Ифемелу.

– Пятнадцать? Так долго. – Во взгляде Аиши возникло почтение. – Живете тут, в Трентоне?

– В Принстоне.

– В Принстоне. – Аиша примолкла. – Студент?

– Только что завершила стипендиальный проект, – сказала она, отдавая себе отчет, что Аиша не поймет, что такое «стипендиальный проект», в тот редкий миг вид у нее был оробелый, и Ифемелу ощутила извращенное удовольствие. Да, в Принстоне. Да, такие вот места Аиша только воображать себе может, в таких вот местах не найдешь объявлений «БЫСТРЫЙ ВОЗВРАТ НАЛОГОВ»: людям из Принстона нет необходимости быстро возвращать налоги.

– Но я уезжаю обратно в Нигерию, – добавила Ифемелу, внезапно раскаиваясь. – На следующей неделе.

– Повидать семью.

– Нет, переезжаю насовсем. Жить в Нигерии.

– Почему?

– В каком смысле – почему? Чего бы и нет?

– Лучше шлите туда деньги. Или у вас отец Большой Человек? У вас связи?

– Я там работу нашла, – отозвалась Ифемелу.

– Вы долго в Америке пятнадцать лет и просто возвращайся работать? – Аиша хмыкнула. – Можете там быть?

Аиша напомнила ей слова тети Уджу, когда та наконец свыклась с тем, что Ифемелу и впрямь возвращается: «Ты справишься?» – и от предположения, что Ифемелу неким манером необратимо изменила Америка, у той на коже прорезались шипы. Ее родители тоже, кажется, считали, что Ифемелу, вероятно, не «справится» с Нигерией.

– Ты, во всяком случае, теперь американская гражданка, всегда сможешь вернуться в Америку, – сказал ее отец. И он, и мама спрашивали, поедет ли с ней Блейн, – набрякший надеждой вопрос. Ее умиляло, что теперь они спрашивают о Блейне; понадобилось некоторое время, пока они освоились с существованием ее черного друга-американца. Она воображала, как они втихаря вынашивают планы ее свадьбы: мать раздумывает о заказе банкета, об оттенках нарядов, отец – о каком-нибудь влиятельном друге, чтоб выступил спонсором. Сокрушать их надежды ей не хотелось: надеялись они от самой малости, радовались, и потому Ифемелу сказала отцу:

– Решили, что я приеду первой, а через несколько недель и Блейн подтянется.

– Великолепно, – сказал отец, и она больше ничего не добавляла. Пусть все остается великолепным.

Аиша несколько чересчур сильно дернула ее за волосы.

– Пятнадцать лет в Америке очень долго, – сказала она, словно осмысляла это. – У вас друг? Женись?

– В Нигерию я возвращаюсь еще и повидать своего мужчину, – проговорила Ифемелу, удивив себя саму. «Своего мужчину». Легко же врать чужим людям, создавать с чужими воображаемые варианты собственной жизни.

– Ой! Ладно! – сказала Аиша воодушевленно: Ифемелу наконец-то выдала разумную причину возвращения. – Женись?

– Может быть. Поглядим.

– Ой! – Аиша бросила плести и уставилась на нее в зеркало окаменелым взглядом, и Ифемелу убоилась на миг, что у этой женщины имеются силы ясновидения и она созревает, что Ифемелу врет.

– Хочу вам посмотреть моих мужчин. Зову их. Они идут, и вы их посмотрите. Сначала зову Чиджоке. Он работай таксист. А потом Эмеку. Он работай охранник. Посмотри их.

– Не стоит вызывать их только ради того, чтобы мы познакомимся.

– Нет. Я зову их. Скажи им, что игбо женись не игбо. Они вас слушай.

– Нет, ну что вы. Я так не могу.

Аиша продолжила говорить, словно не услышала:

– Скажи им. Они вас слушают, потому что вы их сестра игбо. Любой хорошо. Я хочу жениться.

Ифемелу глянула на Аишу – маленькую непримечательную сенегалку, кожа лоскутная, два друга-игбо, не очень убедительно, и вот она теперь настаивает на их знакомстве с Ифемелу, чтобы та убедила их жениться на Аише. Хороший бы пост в блоге получился: «Приме-

чательный случай неамериканской черной, или Как давление иммигрантской жизни способно вынудить на чокнутые поступки».

Глава 2

Обинзе увидел ее электронное письмо, сидя в «лендровере» посреди лагосской пробки; пиджак бросил на переднее сиденье, к окну приклеился лицом ребенок-попрошайка с выгоревшими волосами, к другому прижимал пестрые аудиодиски лоточник, радио, настроенное на «Вазобия ФМ», тихо выдавало новости на пиджине, вокруг – серая хмарь надвигавшегося дождя. Обинзе уставился в свой «блэкберри», тело внезапно напряглось. Сперва он промотал письмо, поневоле жалея, что оно не такое уж длинное. «Потолок, *кеду*?⁸ Надеюсь, на работе и в семье все в порядке. Раньинудо сказала, что столкнулась с тобой недавно и что при тебе был ребенок! Гордый папочка. Поздравляю. Я недавно решила вернуться в Нигерию. В Лагосе буду через неделю. Было б здорово не терять связи. Всего доброго тебе. Ифемелу».

Он перечитал сообщение еще раз, медленно, и ощутил порыв огладить – брюки, гладко-выбритую голову. Она называла его Потолком. В последней депеше от нее, присланной незадолго до его женитьбы, она именвала его Обинзе, извинилась за многолетнее молчание, в солнечных словах пожелала ему счастья и упомянула черного американца, с которым жила. Любезное письмо. Оно ему люто не понравилось. До того не понравилось, что он погуглил этого черного американца, – с чего бы ей иначе указывать полное имя этого человека, если не для того, чтобы Обинзе его погуглил? Лектор из Йеля; Обинзе взбесило, что она живет с человеком, который у себя в блоге называет друзей «кошками», но добила Обинзе фотокарточка черного американца – потрепанными джинсами и очками в черной оправе она источала интеллектуальную крутизну, – и Обинзе ответил Ифемелу холодно. «Спасибо за теплые пожелания, я счастлив как никогда», – написал он. Понадеялся, что она ответит насмешливо, – так не похоже на нее, что она даже смутно не ехидничала в первом письме, – но Ифемелу не ответила вовсе, а когда Обинзе после медового месяца в Марокко написал вновь, дескать, хочет поддерживать связь и как-нибудь поболтать, она и тут промолчала.

Пробка сдвинулась. Заморосило. Ребенок-попрошайка побежал следом, волоокий взгляд еще более театрален, жесты заплешны: подносил руку ко рту, вновь и вновь, пальцы сложены щепотью. Обинзе опустил окно, выдал стонайровую⁹ купюру. Его шофер Гэбриел поглядел на него в зеркало заднего вида с суровым осуждением.

– Благослови вас Бог, *ога*!¹⁰ – сказал ребенок-попрошайка.

– Не давайте вы денег этим побирушкам, сэр, – сказал Гэбриел. – Они все богатеи. Они попрошайничеством большие деньги делают. Я слышал об одном таком – он в Икедже¹¹ дом на шесть квартир построил!

– Чего же ты тогда шофером работаешь, а не нищим, Гэбриел? – спросил Обинзе и рассмеялся, немножко слишком залиvisto. Захотел рассказать Гэбриелу, что вот сейчас ему написала университетская подружка, – не только университетская, *но и* школьная. Когда впервые позволила ему снять с нее лифчик, она лежала на спине и тихонько постанывала, распластав ладони у него на голове, а потом сказала: «Глаза я не закрывала, но потолка не видела. Такого раньше никогда не случалось». Другие девчонки сделали бы вид, что к ним ни один парень сроду не прикасался, но эта – нет, ни за что. Была в ней живая искренность. Она стала называть то, чем они вместе занимались, «потолковать», – когда они уютно сплетались, пока его матери не было дома, у него на кровати, в одном белье, целовались, трогали друг друга, облизывали, понарошку двигали бедрами. «Мечтаю потолковать», – написала она однажды на обо-

⁸ Как поживаешь? (*игбо*)

⁹ 1 доллар США = ок. 150 нигерийских найр (курс 2010–2011). 1 найра = 100 кобо.

¹⁰ От «огаранья» (*игбо*) – богатый человек, босс.

¹¹ Столица штата Лагос.

роте его тетрадки по географии, и он потом долго не мог смотреть на эту тетрадку и не ощущать при этом трепета, потаенного волнения. В университете, когда они наконец прекратили играть понарошку, она стала называть Потолком *его* самого, игриво, с намеком, – но, когда они ссорились или же когда дулась, она именовала его Обинзе. Зедом она его не называла никогда – в отличие от его друзей.

– Почему ты зовешь его Потолком? – спросил у нее Оквудиба, друг Обинзе, в один из разморенных дней после экзаменов первого семестра. Она под села к компании, прохладившейся вокруг замызганного пластикового стола в пивбаре рядом со студгородком. Ифемелу отпила из бутылки «Молтины»¹², сглотнула, глянула на Обинзе и ответила:

– Потому что он такой высокий, что до потолка достает, что тут непонятного?

Ее нарочитая неспешность, улыбочка, что растянула ей губы, дала всем понять, что Потолком она зовет его вовсе не поэтому. Да и высоким он не был. Она пнула его под столом, он пнул ее в ответ, оглядывая хохотавших друзей: они все ее немножко боялись и были в нее немножко влюблены. Видела ли она потолок, когда к ней прикасался черный американец? Применяет ли слово «потолковать» с другими мужчинами? Мысль, что, в общем, может, его сейчас огорчила. Зазвонил телефон, и на одно растерянное мгновение он подумал, что это из Америки звонит Ифемелу.

– Милый, *кеду эбе и но?* – Его жена Коси всегда начинала разговор с этих слов: ты где? Обинзе никогда не спрашивал по телефону, где она, но Коси все равно докладывала: «Я захожу в салон», «Я на Третьем материковом мосту»¹³. Словно ей нужно убеждаться в физическом существовании их обоих, когда они не рядом. У нее был высокий девчачий голос. На вечеринку у Шефа им полагалось добраться к семи тридцати, а сейчас уже перевалило за шесть.

Он сообщил ей, что стоит в пробке.

– Но она движется, мы только что повернули на Озумба Мбадиве¹⁴. Подъезжаю.

На шоссе Лекки¹⁵ автомобильный поток под редующим дождиком двигался ходко, и вскоре Гэбриел уже сигналил перед высокими черными воротами их дома. Жилистый привратник Мохаммед в обтерханном белом халате распахнул створки и приветственно вскинул руку. Обинзе оглядел рыжеватый дом с колоннадой. Внутри все обставлено мебелью, которую он привез из Италии, жена, двухгодовалая дочка Бучи, няня Кристиана, сестра жены Чиома на вынужденных каникулах, поскольку университетские преподаватели вновь устроили забастовку, и новая домработница Мари, которую выписали из Республики Бенин, после того как жена решила, что нигерийские домработницы не годятся. В комнатах повсюду прохладно, тихонько трепещут клапаны в отдушниках кондиционеров, а кухня благоухает карри и тимьяном, внизу включен Си-эн-эн, а наверху телевизор настроен на «Мультяшную сеть»¹⁶, и все это пропитывает невозмутимый дух благоденствия. Обинзе выбрался из машины. Походка у него была одеревеневшая, он с трудом поднимал ноги. В последние месяцы из-за всего, что обрел, он почувствовал себя раздувшимся – из-за семьи, домов, автомобилей, банковских счетов, – и время от времени его одолевало желание проткнуть все это булавкой, сдуть, освободиться. Он уже не был уверен – да и вообще-то никогда уверен не был, – доволен ли своей жизнью, потому что действительно доволен, или же доволен, потому что так полагается.

¹² Maltina (с 1976) – безалкогольный напиток, выпускается нигерийской компанией «Нигерийские пивоварни» (с 1946).

¹³ Третий материковый мост – самый протяженный из трех мостов, связывающих остров Лагос с континентом.

¹⁴ Улица К. О. Мбадиве – одна из центральных улиц фешенебельного острова Виктория, делового и финансового центра Лагоса. Кингзли Озумба Мбадиве (1915–1990) – нигерийский националист, политик, государственный деятель, министр.

¹⁵ Шоссе Лекки-Эпе – продолжение улицы Мбадиве, магистраль, соединяющая остров Виктория с полуостровом и районом Лагоса Лекке.

¹⁶ Cartoon Network (с 1992) – американский телеканал в составе корпорации «Тайм Уорнер», транслирующий анимационные фильмы, ныне крупнейший в мире детский канал.

– Милый, – сказала Коси, открывая дверь прежде, чем он успел до нее добраться. Она уже накрутилась, лицо у нее сияло, и он подумал, как это частенько бывало, какая же она красавица: глаза – безупречный миндаль, поразительная симметрия черт. Платье из жатого шелка туго обхватывало талию, и фигурка выглядела совершенно как песочные часы. Он обнял ее, тщательно избегая губ, накрашенных розовым и обведенных розовым чуть темнее.

– Солнышко вечернее! *Аса! Уго!*¹⁷ – сказал он. – Шефу незачем включать на вечеринке свет, раз ты приедешь.

Она рассмеялась. Так же смеялась она – с открытым приемлющим удовольствием от собственной красоты, – когда люди спрашивали: «Не белая ли у вас мать? Вы метиска?» – такая она была светлокочая. Его это вечно расстраивало – радость, с какой она относилась к тому, что ее держат за полукровку.

– Папа-папа! – воскликнула Бучи, подбегая к нему чуть косолапо, как все малыши. Свеженькая после вечерней ванны, в цветастой пижаме, сладко пахнет детским кремом.

– Буч-буч! Папина Буч! – Он подхватил ее, поцеловал, потерся носом о дочкину шею и, поскольку это всегда смешило малышку, прикинулся, что роняет ее.

– Ополоснешься или просто переоденешься? – спросила Коси, поднимаясь вслед за ним по лестнице, где уже выложила для него на кровати синий кафтан. Он бы предпочел сорочку или кафтан попроще, не такой, чрезмерно украшенный вышивкой. Коси купила его за возмутительную сумму у одного из претенциозных дизайнеров с Острова. Но наденет – чтобы сделать ей приятно.

– Просто переоденусь, – сказал он.

– Как на работе? – спросила она неопределенно и любезно, как спрашивала всегда. Он сказал, что размышлял о новом многоквартирнике в Парквью¹⁸, который только что завершил. Надеялся, что его снимет «Шелл»: нефтяные компании – всегда лучшие съемщики, никогда не жалуются на резкое повышение цен, запросто платят в американских долларах, чтобы никому не возиться с плавающей найрой.

– Не волнуйся, – сказала она, коснувшись его плеча. – Бог приведет «Шелл». Все у нас будет хорошо, милый.

Квартиры на самом деле уже сняла некая нефтяная компания, но Обинзе иногда бессмысленно врал ей, вот как сейчас, – что-то в нем надеялось, что она спросит что-нибудь или надерзит, хотя знал, что такому не бывать: ей хотелось лишь, чтобы условия их жизни никак не менялись, а добиваться этого она полностью предоставила ему самому.

* * *

На вечеринке у Шефа ему, по обыкновению, будет скучно, но он все равно посещал все вечеринки у Шефа и всякий раз, когда ставил машину у обширных Шефовых владений, вспоминал, как впервые приехал сюда с двоюродной сестрой Ннеомой. Он только что вернулся из Англии, пробыл в Лагосе всего неделю, но Ннеома уже бурчала, дескать, сколько можно валяться на диване у нее в квартире, читать и кукушаться.

– А, а! *О гини!*¹⁹ У тебя у первого, что ли, такая беда? Надо шевелиться, хлопотать. Все хлопочут. Лагос, он хлопотливый, – говорила Ннеома. У нее были умелые руки с толстыми ладонями и многочисленные деловые интересы: в Дубай она ездила закупать золото, в Китай – женскую одежду, а недавно стала распространителем для одной компании, торгующей моро-

¹⁷ Здесь: Красавица! Орлица! (*игбо*). Орел в традиции *игбо* символизирует чистоту, силу и благородство.

¹⁸ Фешенебельный район острова Виктория.

¹⁹ Что? Что такое? (*игбо*)

женой курятиной. – Я б сказала, помог бы ты мне по бизнесу, но нет, ты слишком мягкий, слишком много по-английски разговариваешь. Мне нужен человек *гра-гра*²⁰.

Обинзе все еще потряхивало от того, что с ним случилось в Англии, он по-прежнему окукливался в слои жалости к себе, и вопрос Ннеомы «У тебя у первого, что ли, такая беда?» расстроил его. Ничего-то она не понимала, эта его сестрица, выросшая в деревне и смотревшая на мир простецки и черство. Но постепенно он осознал ее правоту: он не первый и не последний. Обинзе принялся устраиваться на работы, добытые по газетным объявлениям, но на собеседования его никто не звал, а школьные друзья, ныне трудившиеся в банках и компаниях мобильной связи, стали избегать его, боясь, что он начнет пихать им в руки свое резюме.

Однажды Ннеома сказала:

– Я знаю одного очень богатого человека – Шефа. Гонялся он за мной, гонялся, э, но я ему отказала. Бедовый он в смысле женщин, кого-нибудь СПИДом заразит. Ты ж знаешь таких: им женщина если скажет «нет», ее-то они как раз не забудут. Ну и вот он время от времени звонит мне, и я к нему приезжаю повидаться. Помог мне с капиталом даже, начать свое дело, после того как те бесовы дети украли у меня деньги в прошлом году. Все еще думает, я на него соглашусь когда-нибудь. Ха, *о ди егву*²¹, на кого? Я тебя к нему свожу. Дядя этот, когда в хорошем настроении, бывает очень щедрый. Всех в этой стране знает. Может, записочку даст какому-нибудь директору.

Дворецкий проводил их внутрь; Шеф сидел в позолоченном кресле, похожем на трон, потягивал коньяк, а вокруг толпились гости. Шеф, некрупный мужчина, жизнерадостный и бурливый, вскочил на ноги.

– Ннеома! Ты? Вспомнила сегодня обо мне! – воскликнул он. Обнял Ннеому, отстранился беспардонно оглядеть ее бедра, очерченные юбкой в обтяжку, волны наращенных локонов до плеч. – Хочешь мне инфаркт устроить, э?

– Как же я вам инфаркт устрою? Что мне без вас делать? – игриво отозвалась Ннеома.

– Сама знаешь, что делать, – сказал Шеф, и трое гостей, прожженных мужчин, заржали.

– Шеф, это мой двоюродный брат Обинзе. Его мать – сестра моего отца, профессорша, – сказала Ннеома. – Она платила за мою учебу в школе от начала до конца. Если б не она, я б неизвестно где нынче была.

– Чудесно, чудесно! – сказал Шеф, оглядывая Обинзе так, будто он как-то отвечает за подобную щедрость.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Обинзе. Его поразило, что Шеф, оказывается, эдакий хлыщ, весь из себя привередливо ухоженный: ногти наманикюрены, блестят, черные бархатные туфли, крест с брильянтами на шее. Обинзе предполагал увидеть мужчину покрупнее, с внешностью посуровее.

– Присаживайся. Чего желаешь?

Большие Мужчины и Большие Женщины, как позднее выяснил Обинзе, разговаривали не с людьми – они разговаривали при людях, и в тот вечер Шеф говорил и говорил, проповедуя о политике, а гости его подпевали: «Точно! Вы правы, Шеф! Спасибо!» Все носили форменную одежду лагосских молодежавых и франтоватых: кожаные мокасины, джинсы и рубашки с раскрытым воротом, сплошь знакомых модных марок, однако была в их манере настырная рьяность нуждающихся людей.

После того как гости отбыли, Шеф обратился к Ннеоме:

– Слышала песню «Никто не знает, что там завтра?» – И продолжил петь с ребячливым смаком: – «Никто не знает, что там завтра! Что зав-тра! Никто не знает, что там завтра!»²² –

²⁰ Здесь: Жесткий, оборотистый (*нигер. пиджин*).

²¹ Чудесно, восхитительно (*игбо, ирон.*).

²² «No One Knows» (2007) – песня нигерийско-французской певицы Аши, с альбома «Asa» (2007).

Очередной плюх коньяка в бокал. – На одном этом принципе живет вся страна. Это главный принцип. Никто не знает, что там завтра. Помнишь тех больших банкиров, при правительстве Абачи?²³ Думали, поимели себе эту страну, а потом раз – и в тюрьму их. Глянь на нищего, который за квартиру себе заплатит не мог, а потом Бабангида²⁴ дал ему нефтяную скважину, и у него теперь частный самолет! – Шеф вещал торжествующим тоном, пошлые обобщения предлагал как великие откровения, а Ннеома слушала, улыбалась и соглашалась. Оживлена она была понарошку, будто улыбка пошире и смешок пошутрее наводили на это эго все больший лоск и гарантировали, что Шеф им с Обинзе поможет. Обинзе веселило, насколько это вроде бы очевидно, до чего откровенна Ннеома в своих заигрываниях. Но Шеф всего лишь выдал им в подарок ящик вина и расплывчато сказал Обинзе:

– Заходи на той неделе.

Обинзе навестил Шефа на той неделе, а затем и на следующей: Ннеома велела болтаться рядом, пока Шеф что-нибудь для него не сделает. Дворецкий Шефа всегда подавал свежий перечный суп, остро душистые куски рыбы в бульоне, от которого у Обинзе текло из носа, прояснялась голова и как-то развиднялось будущее, он преисполнялся надежд и потому сидел себе довольный, слушал Шефа и его гостей. Они его завораживали – неприкрытый трепет почти богатых перед очень богатыми: иметь деньги, похоже, означало быть ими поглощенным. Обинзе это отвращало, он томился: жалел их, но и представлял, каково это – быть ими. Однажды Шеф выпил коньяка больше обычного и болтал без разбору о людях, что всаживают тебе нож в спину, и о маленьких мальчиках, у которых хвосты отрастают, и о неблагодарных дураках, которые вдруг начинают думать, что шибко умные. Обинзе не очень понимал, что именно произошло, но кто-то расстроил Шефа, возникла брешь, и, когда все ушли, он сказал:

– Шеф, если я могу чем-то помочь – вы, пожалуйста, скажите. На меня можете полагаться.

Эти слова поразили его самого. Он был сам не своей. Перебрал перечного супа. Вот что это означает – хлопотать. Обинзе – в Лагосе, тут приходится хлопотать.

Шеф глядел на него долго, пронизательно.

– Нам таких, как ты, в этой стране нужно побольше. Людей из приличных семей, с хорошим воспитанием. Ты джентльмен, по глазам вижу. И мать у тебя профессорша. Нелегкое это дело.

Обинзе полуулыбнулся, изображая робость перед такой вот странной похвалой.

– Ты голодный и честный, в этой стране – большая редкость. Разве не так? – спросил Шеф.

– Так, – сказал Обинзе, хотя не был уверен, согласен он с тем, что в нем есть это качество, или же с тем, что качество это редкое. Но неважно: Шеф, похоже, не сомневался.

– Все в этой стране голодные, даже богатые люди, но честных нету.

Обинзе кивнул, и Шеф оделил его еще одним долгим взглядом, после чего молча вернулся к своему коньяку. В следующее посещение Шеф вновь был в своем болтливом настроении.

– Я дружил с Бабангидой. Дружил с Абачей. Теперь военных нету, я дружу с Обасанджо²⁵, – сказал он. – Знаешь почему? Потому что я глупый?

²³ Сани Абача (1943–1998) – нигерийский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, с 1990 г. – министр обороны, с 1992-го – вице-президент Нигерии, с 1993-го, после организованного им переворота, – председатель Временного правящего совета и Федерального исполнительного совета; во время его правления за многочисленные нарушения прав человека против Нигерии были введены санкции, членство в Содружестве наций приостановлено.

²⁴ Ибрагим Бабангида (р. 1941) – нигерийский государственный деятель, глава государства с 1985 по 1993 г., генерал; отменил результаты формально либеральных и демократических выборов 1993 г., далее проводил политику массовых чисток и стравливания между собой разных этнических групп внутри страны.

²⁵ Мэтью Олусегун Арему Обасанджо (р. 1937) – президент Нигерии в 1976–1979 и 1999–2007 гг., обвинялся в нескольких масштабных противозаконных внутривластных распоряжениях на высшем уровне, приведших к гибели сотен мирных

– Разумеется, нет, Шеф, – сказал Обинзе.

– Говорят, Национальный союз поддержки сельского хозяйства разорился, приватизировать будут. Слыхал? Нет. А я откуда знаю? Потому что у меня друзья. Когда ты об этом узнаешь, я уже займу какой надо пост и наварюсь на арбитраже. Такой у нас свободный рынок! – Шеф рассмеялся. – Союз учредили в шестидесятых, у него собственность повсюду. Дома сплошь гнилье, термиты пожрали все перекрытия. Но оно продается. Я собираюсь купить семь владений по пять миллионов за каждое. Знаешь, почем они, если по-белому? Миллион. А чего они стоят на деле – знаешь? Пятьдесят миллионов. – Шеф умолк, уставился на один из зазвонивших мобильников – перед ним на столе их лежало четыре штуки, – пренебрег входящим вызовом и откинулся на спинку дивана. – Мне нужен кто-нибудь, чтоб вести эту сделку.

– Да, сэр, я могу, – сказал Обинзе.

Позднее Ннеома, присев к нему на кровать, взбудоражилась не меньше, давала советы, а сама время от времени шлепала себя по голове: череп у нее зудел под накладными волосами, и почесаться она могла только вот так.

– Вот тебе возможность! Зед, разуй глаза! Это называется громко-громко – оценочный консалтинг, но вообще это нетрудно. Занижаешь оценочную стоимость недвижимости и делаешь все, чтобы со стороны выглядело, будто ты следуешь букве процедуры. Приобретаешь недвижимость, продаешь половину, чтобы выплатить цену приобретения, – и ты в деле! Зарегистрируешь собственную компанию – и оглянуться не успеешь, как построишь дом в Лекки, купишь машин, попросишь наш родной город повеличать тебя по-крупному, друзей – дать в газеты поздравительные заметки, и пожалуйста: любой банк, в какой ни войдешь, тут же захочет тебе займы дать, потому что им кажется, что тебе деньги больше не нужны! А как регистрируешь компанию – ищи белого человека. Накопай кого-нибудь из своих белых друзей в Англии. Расскажи всем, что он твой главный управляющий. Увидишь, как тебе двери то пооткрываются, потому что у тебя *ойинбо*²⁶ в управляющих. Даже у Шефа есть несколько белых, которых он показывает, когда надо. Так оно в Нигерии все. Как есть говорю.

И впрямь так оно и было – в том числе для Обинзе. Легкость всего этого ошарашила его. Впервые принес в банк свое предложение по закупке, он как во сне произнес слова «пятьдесят» и «пятьдесят пять», а «миллионов» оставил за скобками, поскольку не было нужды объявлять очевидное. Потрясло его и то, каким простым стало многое другое, как даже намек на богатство подмазал ему все рельсы. Довольно было лишь подъехать к воротам на БМВ – и привратник уже здоровался и отпирал ему, ни о чем не спрашивая. Даже американское посольство стало иным. Много лет назад ему отказали в визе, тогда его, свежего выпускника, опьяняли американские надежды, однако с новым банковским счетом визу ему дали запросто. В первую его поездку иммиграционный офицер в аэропорту Атланты, общительный и доброжелательный, спросил у него:

– И сколько же при вас наличных? – Обинзе сказал, что немного, и офицер, кажется, удивился: – Нигерийцы вроде вас декларируют тысячи и тысячи долларов, постоянно.

Вот кем он теперь стал – нигерийцем, который, предположительно, заявит в аэропорту о куче наличных. От этого Обинзе до странного растерялся: ум у него с той же скоростью, что и жизнь, не менялся, и между ним и человеком, которым ему полагалось теперь быть, возник зазор.

Он по-прежнему не понимал, почему Шеф решил ему помочь, тем временем упуская – с готовностью – побочные прибыли для себя самого. В дом к Шефу, в конце концов, вел след из поклоняющихся посетителей, родственников и друзей, приводивших родственников и друзей, с полными карманами просьб и молений. Обинзе по временам задумывался, не затребует ли

жителей страны.

²⁶ Белый человек, не имеющий отношения к африканской культуре (*нигер. тиджис*).

Шеф однажды чего-нибудь взамен – с него, голодного честного мальчика, которого он сделал Большим Человеком, и когда на Обинзе накатывало мелодраматическое настроение, он вообразил, что Шеф закажет ему организовать чье-нибудь убийство.

* * *

Как только они прибыли на вечеринку, Коси обошла всю залу, обнимаясь с мужчинами и женщинами, которых едва знала, с избыточным почтением именуя старших «ма» и «сэр», купаясь во внимании, что привлекало к себе ее лицо, но сплющивая личность, дабы ничто в ней не состязалось с ее красотой. Хвалила прически, платья и галстуки. Часто произносила «слава Богу». Когда какая-то женщина спросила у нее упрекающим тоном: «Каким вы кремом для лица пользуетесь? Как вообще может быть у человека такая безупречная кожа?» – Коси милостиво рассмеялась и пообещала прислать собеседнице эсэмэску с подробностями своего ухода за кожей.

Обинзе всегда поражало, до чего важно ей быть безукоризненно приятным человеком, не иметь никаких острых углов. По воскресеньям она приглашала его родственников на дробленый ямс и онугбу²⁷ и следила, чтобы все как следует объелись. «Дядя, вам обязательно надо кушать, а! На кухне еще есть мясо! Давайте еще “Гиннесса” вам принесу!» Когда Обинзе незадолго до свадьбы впервые отвез ее к своей матери в Нсукку²⁸, Коси ринулась помогать накрывать на стол, а когда мать взялась убирать за гостями, встала и обиженно сказала: «Мама, чего это вы прибираетесь, когда я тут?» Любую фразу в разговоре с его дядями она завершала словом «сэр». Вплетала ленты в волосы дочек его двоюродных сестер. Было в ее скромности нечто нескромное: она заявляла о себе.

Сейчас Коси приветственно приседала перед миссис Акин-Коул, знаменитой старухой из знаменито старинного рода, с лицом высокомерным, брови вечно вздернуты, как это бывает у людей, привычных к поклонению. Обинзе частенько представлял себе, как она срыгивает после шампанского.

– Как ваш ребенок? Пошла в школу? – спросила миссис Акин-Коул. – Обязательно отправьте ее во французское заведение. Они хорошие, очень строгие. Разумеется, преподают на французском, но ребенку это на пользу – выучит еще один цивилизованный язык, раз уж английский она дома слышит.

– Хорошо, ма. Ознакомлюсь с французскими школами, – наобещала Коси.

– Французские школы неплохи, но я предпочитаю Сидкот-Холл²⁹. Они дают полную британскую программу, – сказала другая женщина, чье имя Обинзе позабыл. Он знал, что она во время правления генерала Абачи сколотила большие деньги. Поговаривали, трудилась сутенершей – подгоняла девушек армейским офицерам, которые в награду обеспечивали ей раздутые заказы на всякие поставки. Ныне, затянутая в платье с блестками, что обрисовывало ее вздутое пузо, она сделалась одной из примечательных лагосских дам интересного возраста, разошедшихся от разочарований, выжженных желчью, с россыпью прыщиков, погребенных под толстым слоем тонального крема.

– О да, Сидкот-Холл, – согласилась Коси, – он уже первый в моем списке. Я знаю, там преподают по британской программе.

Обинзе обыкновенно помалкивал, просто смотрел и слушал, но сегодня почему-то сказал:

²⁷ Традиционный суп игбо из листьев вероники, мясного и рыбного ассорти, раков, пальмового масла, кукурузы и специй.

²⁸ Нсукка – город к северу от Лагоса, в штате Энугу.

²⁹ Школы Сидкот – британские независимые школы-интернаты, первая основана квакерами в Северном Сомерсете в 1699 г.

– А мы все разве учились в школах не по нигерийской программе?

Женщины воззрились на него, их растерянные лица подразумевали, что ну никак не все-рез же он. И в некотором смысле так и было. Разумеется, сам он желал своей дочери только лучшего. Временами, вот как сейчас, он чувствовал себя чужим в этом свежем для себя кругу, среди людей, убежденных, что новейшие школы, новейшие программы обеспечат детям благо. Подобной уверенности он не разделял. Слишком долго оплакивал он то, что могло бы случиться, и сомневался в том, как все должно быть.

Когда был моложе, он обожал людей с детством как сыр в масле, с заграничными акцентами, но нащупал в них негласное томление, грустный поиск чего-то такого, что никак не удавалось найти. Он не хотел, чтобы его ребенок был хорошо образован и при этом томим неопределенностью. Во французскую школу Бучи не пойдет, в этом он не сомневался.

– Если решите навредить своей дочери, отправив ее в какую-нибудь школу с недоделанными нигерийскими учителями, винить потом придется только себя, – сказала миссис Акин-Коул. Говорила она с неопределенным иностранным акцентом – и британским, и американским, и каким-то еще в придачу, – акцентом состоятельной нигерийки, не желавшей, чтобы мир забыл, до чего она выдавшая виды, а золотая карточка «Британских авиалиний» у нее под завязку забита милями.

– У одной из моих подруг сын учится на материке, и, знаете ли, у них всего пять компьютеров на всю школу. Всего пять! – Обинзе вспомнил наконец имя этой женщины. Адамма.

Миссис Акин-Коул сказала:

– Все меняется.

– Согласна, – отозвалась Коси. – Но мне понятно и мнение Обинзе.

Она была на обеих сторонах, угождала всем, всегда жертвовала правдой в пользу мира, всегда стремилась вписаться. Обинзе наблюдал, как она беседует с миссис Акин-Коул, как блещат золотые тени у нее на веках, и стыдился собственных мыслей. Коси такая самоотверженная женщина – такая благожелательная, самоотверженная женщина. Он потянулся к ней, взял ее руку в свою.

– Сходим в Сидкот-Холл и во все французские школы, и на нигерийские, вроде Краун-Дей, тоже посмотрим. – Коси посмотрела на него умоляюще.

– Да, – сказал он, сжимая ей руку. Она поняла, что это его извинения, а позднее он извинится как следует. Надо было помалкивать, оставить ее беседу невозмущенной.

Она часто говорила ему, дескать, ее подруги ей завидуют, что он ведет себя как муж-иностранец: готовит ей завтрак по выходным и каждый вечер проводит дома. И в этой гордости у нее в глазах он видел более глянцевою, улучшенную версию себя. Он уже было собрался сказать что-то миссис Акин-Коул, бессмысленное и умиротворяющее, но тут услышал, как позади него Шеф возвысил голос:

– Но вот мы тут с вами беседуем, а прямо сейчас нефть течет по незаконным трубам, и ее продают в бутылках в Котону!³⁰ Да! Да!

Шеф нагрнулся к ним.

– Моя прелестная принцесса! – сказал Шеф Коси, обнял ее, прижал к себе, и Обинзе задумался, не выходил ли Шеф к ней с предложениями. Не удивился бы. Как-то раз при нем к Шефу приехал какой-то человек со своей подругой, и, когда она вышла в туалет, Обинзе услышал, как Шеф говорит тому человеку: «Нравится мне эта девушка. Отдай мне, а я тебе – славный кусок земли в Икедже».

– Вы так хорошо выглядите, Шеф, – сказала Коси. – Даже молодо!

³⁰ Котону – финансовый центр и крупнейший город Бенина.

– Ах, дорогая моя, стараюсь, стараюсь. – Шеф игриво подергал себя за атласные лацканы черного пиджака. Он и впрямь хорошо выглядел – худощавый, осанистый, – в отличие от многих своих сверстников, на вид – будто беременных. – Мой мальчик! – обратился он к Обинзе.

– Добрый вечер, Шеф. – Обинзе пожал ему руку обеими своими, слегка поклонившись. Он видел, что прочие мужчины на вечеринке тоже кланяются, толпясь вокруг Шефа, соревнуясь, кто кого пересмеет, когда Шеф шутит.

Вечеринка сделалась люднее. Обинзе огляделся и заметил Фердинанда, коренастого приятеля Шефа: тот баллотировался в губернаторы на последних выборах, проиграл и, как все проигравшие политики, отправился в суд – оспаривать результаты выборов. У Фердинанда было стальное безнравственное лицо, а если взглянуть в его руки, под ногтями, возможно, обнаружилась бы кровь его врагов. Они с Фердинандом встретились взглядами, Обинзе отвел глаза. Встревожился, что Фердинанд подойдет поговорить о подковерной сделке на землю, о которой упоминал, когда они в прошлый раз наткнулись друг на друга, и потому промямлил, что ему нужно в туалет, и ускользнул от своей компании.

У буфетного стола заметил молодого человека, разочарованно глядевшего на холодную мясную нарезку и пасты. Обинзе привлекла его неотесанность: в том, как этот человек был одет, как он держался, сквозила чужеродность, которую не скроешь даже при большом желании.

– На другой стороне есть еще один стол, с нигерийской едой, – сказал ему Обинзе; молодой человек глянул на него и благодарно рассмеялся. Его звали Йеми, он оказался газетным репортером. Неудивительно: фотоснимки с Шефовых вечеринок постоянно украшали воскресные газеты.

Йеми учил английский в университете, и Обинзе спросил, какие ему нравятся книги, – рвался поговорить о чем-нибудь интересном уже наконец, но вскоре понял, что для Йеми книга не тянула на литературу, если в ней нет многосложных слов и зубодробительных пассажей.

– Беда в том, что этот роман слишком прост, – этот малый никаких больших слов не использует, – сказал Йеми.

Обинзе огорчился, что Йеми так плохо образован – и не догадывается, что образован плохо. Обинзе захотелось стать учителем. Он вообразил, как стоит перед полным классом Йеми, преподает. Ему бы подошла учительская жизнь, как подошла его матери. Он часто представлял себе, чем еще мог бы в принципе заниматься – даже и теперь: преподавать в университете, издавать газету, учить профессиональному настольному теннису.

– Не знаю, по какой части вы ведете дела, сэр, но я всегда ищу работу получше. На магистра сейчас доучиваюсь, – сказал Йеми тоном истинного лагосца, который вечно хлопочет, глаз востр на все, что поярче да получше. Обинзе, собравшись вернуться к Коси, дал ему свою визитку.

– Я уже задумалась, куда ты делся, – сказала она.

– Прости, наткнулся тут на одного. – Обинзе сунул руку в карман, нащупал «блэкберри». Коси спросила, не хочет ли Обинзе еще поесть. Он не хотел. Хотел домой. Его захватило стремление вернуться к себе в кабинет и ответить на письмо Ифемелу – он бессознательно уже сочинял его в уме. Если она собирается возвратиться в Нигерию, это означает, что она больше не в паре с черным американцем. Но, вероятно, она привезет его с собой, – все же она из тех женщин, какие подталкивают мужчин запросто перевернуть свою жизнь, из тех женщин, какие, поскольку не просят определенности и не ждут ее, позволяют возникнуть своеобразной уверенности. В их студенческие годы, когда держала его за руку, Ифемелу стискивала ее, пока обе ладони не делались скользкими от пота, и приговаривала игриво: «Если вдруг мы в последний раз держимся за руки, давай уж держаться хорошенько. Потому что нас хоть сейчас может сбить мотоцикл или машина, или я вдруг увижу на улице настоящего мужчину моей мечты и брошу тебя – или ты увидишь настоящую женщину своей мечты и бросишь меня».

Очень может быть, что черный американец будет вместе с ней, цепляясь за Ифемелу. И все-таки Обинзе чуял по ее письму, что она теперь одна. Вытащил «блэкберри» – рассчитать американское время, когда письмо было отправлено. В обед. У фраз был оттенок поспешности; он задумался, чем она тогда занималась. И подумал вдогонку, что еще Раньинудо сказала ей о нем.

Декабрьской субботой, когда он столкнулся с Раньинудо в торговом центре «Палмз», у него на одной руке сидела Бучи – они ждали у входа, когда Гэбриел подгонит машину, – а в другой он держал пакетик с печеньями для Бучи.

– Зед! – окликнула его Раньинудо. В средней школе она была болтушкой-сорванцом, очень высокой, тощей и прямолинейной, не вооруженной девчачьей загадочностью. Всем пацанам она нравилась, но за ней никто не бегал, и они любовно именовали ее Отстань-от-меня – она это произносила всякий раз, когда б кто ни спрашивал, отчего у нее такое необычное имя: «Да, это такое имя игбо, оно означает “Отстань от меня!”» Он удивился, до чего шикарно она теперь смотрится, до чего иначе: короткие волосы-шпы, тугие джинсы, тело налитое, изгибистое. – Зед! Зед! Сто лет, сто зим! Ни слуху ни духу от тебя. Это твоя дочка? Благодать-то! Я тут на днях была с дружкой одним, Деле который. Знаешь Деле, из банка «Хейл»? Сказал, то здание рядом с конторой «Эйса» на Банановом острове³¹ – твое. Поздравляю. И впрямь все хорошо у тебя-о. И Деле сказал, ты такой скромник.

От ее чрезмерной суеты, от почтения, что тихонько сочилось из нее, ему стало не по себе. В ее глазах он перестал быть Зедом из школы, а байки о его богатстве заставили ее считать, что он изменился сильнее, чем вообще мог. Люди часто говорили ему, какой он скромник, но они не настоящую скромность имели в виду, а то, что он не бахвалится своим членством в клубе богатеев, не пользуется правами, какие от этого возникают, – хамить, ни с кем не считаться, принимать приветствия, но не здороваться самому, – и поскольку слишком многие подобные ему такими правами пользовались, его предпочтения путали со скромностью. Он не хвастался, не рассказывал о своих владениях, из чего люди делали вывод, что владений у него куда больше, чем на самом деле. Даже его ближайший друг Оквудиба частенько говорил ему о его скромности, и Обинзе это слегка коробило, поскольку ему хотелось, чтобы Оквудиба понял: если Обинзе – скромный, значит, хамство – норма. Кроме того, скромность всегда казалась ему обманчивой, изобретенной для чужого удобства: тебя хвалят за скромность, когда ты не вынуждаешь людей чувствовать себя ущербнее, чем на самом деле. Обинзе ценил искренность, всегда хотел быть по-настоящему искренним – и всегда боялся, что в нем этого нет.

В машине по дороге домой с вечеринки Коси сказала:

– Милый, ты же, наверное, голоден. Ты хоть что-нибудь, кроме того рулетика, съел?

– Еще сую³².

– Тебе надо питаться. Слава Богу, я попросила Мари приготовить, – сказала она и добавила, хихикнув: – А мне вот надо было уважить себя и тех улиток не трогать! Кажется, я их съела штук десять. Такие они вкусные и перченые.

Обинзе рассмеялся, смутно скучая, но радуясь, что ей радостно.

* * *

Мари была неприметной, и Обинзе не понимал, причина ли тому ее застенчивость или же такое впечатление возникало из-за ее спотыкливого английского. Она проработала у них всего месяц. Последняя домработница, приведенная в дом кем-то из родственников Гэбриела, – коренастая девица со спортивной сумкой. Когда Коси взялась ее досматривать – такой досмотр вещей прислуги был для Коси обычным делом, поскольку она желала знать, что при-

³¹ Искусственный остров и район внутри Лагоса.

³² Острые шашлычки, популярное в Западной Африке блюдо.

несли к ней в дом, – Обинзе рядом не было, но он пришел, услышав крик Коси, этот ее раздраженный, визгливый тон, какой она применяла к прислуге, чтобы укреплять свой авторитет и не допускать неуважения. Сумка девушки лежала на полу открытая, из нее дыбилась одежда. Коси стояла рядом и держала, зажав в кончиках пальцев, упаковку презервативов.

– Это еще зачем? Э? Ты ко мне в дом пришла проституткой работать?

Девушка поначалу стояла потупившись, молча, а затем глянула Коси в лицо и сказала тихо:

– На моей предыдущей работе муж мадам постоянно со мной сильничал.

Глаза у Коси выпучились. Она было двинулась вперед, словно собиралась задать девушке трепку, но замерла.

– Прошу тебя, забирай свою сумку и уходи сейчас же, – проговорила она.

Девушка помялась, вид у нее сделался слегка изумленный, а затем она подобрала сумку и направилась к двери. Когда она ушла, Коси сказала:

– Ты представляешь, какая чушь, милый? Она явилась с презервативами и прям открыла рот да сказала эту ерунду. Ты представляешь?

– Ее бывший наниматель насильовал ее, и она решила на этот раз обезопаситься, – сказал Обинзе.

Коси уставилась на него.

– Тебе ее жалко. Ты этих домработниц не знаешь. Как тебе может быть ее жалко?

Ему захотелось спросить: *а как тебе может не быть ее жалко?* Но робкий страх в ее глазах заставил его промолчать. Промолчать его заставила ее неуверенность – такая громадная и такая обыденная. Она тревожилась из-за домработницы, которую ему и в голову не пришло бы соблазнять. Лагос мог сотворить такое с женщиной, которая замужем за молодым состоятельным мужчиной. Он знал, как легко соскользнуть в паранюю относительно домработниц, секретарш, *лагосских девишек*, этих утонченных чудиц гламура, что глотали мужей целиком, пропихивали их по своим украшенным камнями глоткам. И все же ему хотелось, чтобы Коси боялась меньше – и меньше приспособливалась.

Несколько лет назад он рассказал ей о привлекательной банковской служащей, что явилась к нему в контору поговорить об открытии счета, – молодая женщина в облегающей блузке с одной избыточно расстегнутой пуговкой, она пыталась скрыть отчаяние во взгляде.

– Милый, твой секретарь обязан не пускать этих вот банковских девиц к тебе в контору! – сказала Коси, словно перестала видеть его, Обинзе, а вместо него возникли размытые фигуры, классические типы: богатый мужчина, девица из банка, получившая согласие на нужную сумму депозита, – простой обмен. Коси ожидала, что он будет ей изменять, и ставила себе задачу предельно сократить ему возможности.

– Коси, ничего не случится, пока я сам этого не захочу. А я не захочу никогда, – сказал он, тем и успокаивая, и укоряя.

С годами их брака она вырастила в себе неукротимую неприязнь к одиноким женщинам и неукротимую любовь к Богу. До их свадьбы она раз в неделю ходила в англиканскую церковь в Марине³³ – то был ритуал для галочки, она исполняла его, потому что ее так воспитали, – но после свадьбы она переключилась на Дом Давидов³⁴, потому что, по ее словам, в этой церкви верили в Библию. Позднее, когда он обнаружил, что в Доме Давидовом имеется особая молитвенная служба «Удержи мужа», его это расстроило. Расстроило его и другое: он как-то раз спросил, почему ее лучшая университетская подруга Элохор к ним почти не заходит, и Коси ответила: «Она все еще не замужем». Будто это самоочевидная причина.

³³ Портовый район в материковой части Лагоса.

³⁴ Искушенная христианская церковь Божья, Дом Давидов (с 1952) – международная христианская пятидесятническая церковь, основанная в Нигерии.

* * *

Мари постучала в дверь кабинета и вошла с подносом риса и жареных бананов. Ел он медленно. Поставил диск Фелы³⁵ и принялся набирать электронное письмо на компьютере: с «блэкберри» и пальцам, и уму было тесно. С Фелой он познакомил Ифемелу еще в университете. Прежде она считала Фелу чокнутым курильщиком травы, который на своих концертах выходил в одном белье, но постепенно полюбила афробит, и они, бывало, валялись на матрасе в Нсукке и слушали, и Ифемелу, когда начинался припев «беги-беги-беги»³⁶, вскакивала, быстро и похотливо двигала бедрами. Интересно, помнит ли она это. Интересно, помнит ли она, как его двоюродный брат прислал из-за рубежа шесть кассет со смесью всякого и как Обинзе наделал ей копий в знаменитом магазине электроники на рынке, где музыка орала весь день напролет, звенела в ушах даже после того, как оттуда уйдешь. Обинзе хотел, чтобы у нее была вся та же музыка, что и у него. Ни Бигги, ни Уоррен Дж с Доктором Дре, ни Снуп Догг³⁷ по-настоящему ее так и не увлекли, а вот Фела – другое дело. На Феле они сошлись.

Он писал и переписывал письмо, не упоминая в нем жену, не пользуясь местоимениями первого лица множественного числа, пытаясь уравновесить серьезное и забавное. Не хотел ее отталкивать. Хотел сделать все для того, чтобы на сей раз она ответила. Щелкнул «отправить» и затем через несколько минут проверил, не ответила ли. Он устал. Не физически – в спортзал он ходил постоянно и чувствовал себя как никогда хорошо, – а от опустошающей вялости, из-за которой немел ум. Обинзе встал и вышел на веранду; внезапный горячий воздух, рев соседского генератора, запах дизельного выхлопа принесли ему ясность. Заполосненные крылатые насекомые вокруг электрической лампочки. Глядя в душливую тьму вдали, он почувствовал, будто способен воспарить – достаточно лишь отпустить себя.

³⁵ Фела Кути (Олуфела Олусегун Олудотун Рансоме-Кути, 1938–1997) – нигерийский мультиинструменталист, музыкант, композитор, один из основателей афробита.

³⁶ Из песни «Sorrow, Tears, and Blood» (1977) с одноименного альбома.

³⁷ Кристофер Джордж Латор «Бигги» Уоллес (1972–1997) – американский хип-хоп-музыкант, продюсер, один из «отцов» хип-хопа. Уоррен Гриффин III (р. 1971) – американский рэпер Западного побережья. Андре Ромелл «Доктор Дре» Янг (р. 1965) – рэпер, продюсер, один из «отцов» джи-фанка (вместе с Уорреном Дж; они сводные братья). Снуп Догг (Калвин Кордосар Бродэс-мл., р. 1971) – американский рэпер, продюсер, актер.

Часть вторая

Глава 3

Мариама закончила возиться с прической своей клиентки, опрыскала ей голову блеском для волос и, когда клиентка ушла, объявила:

– Я иду за китайской едой.

Аиша и Халима перечислили, чего хотят – очень острую «курицу генерала Цзо», куриные крылышки, апельсиновую курицу, – с готовностью людей, произносивших это ежедневно.

– Хотите что-нибудь? – спросила Мариама у Ифемелу.

– Нет, спасибо, – ответила Ифемелу.

– У вас прическа долго. Вам надо еду, – возразила Аиша.

– Все в порядке. У меня есть батончик мюсли, – сказала Ифемелу. Была у нее с собой и мелкая морковь в пакетике на молнии, хотя до сих пор она закусывала только своим раста-
явшим шоколадом.

– Какой батончик? – переспросила Аиша.

Ифемелу показала ей батончик – здоровая пища, стопроцентное цельное зерно и настоящие фрукты.

– Это не еда! – усмехнулась Халима, оторвавшись от телевизора.

– Она тут пятнадцать лет, Халима, – сказала Аиша, будто протяженная жизнь в Америке объясняла, почему Ифемелу питается батончиками из мюсли.

– Пятнадцать? Долго, – сказала Халима.

Аиша подождала, пока Мариама уйдет, и вытащила из кармана мобильный телефон.

– Извините, я быстро звоню, – сказала она и вышла на улицу. Когда вернулась, лицо у нее сияло и была в нем возникшая благодаря этому звонку улыбка прелесть разгладившихся черт, какой Ифемелу прежде не заметила. – Эмека сегодня работай поздно. Приди только Чиджоке знакомь, пока мы закончим, – сказала она, словно они с Ифемелу замыслили это вместе.

– Слушайте, незачем приглашать их. Я даже не знаю, что им сказать, – проговорила Ифемелу.

– Скажи Чиджоке, игбо могу женись на не игбо.

– Аиша, я не могу велеть ему на вас жениться. Он женится на вас, если сам захочет.

– Они хотят женись на мне. Но я не игбо! – Глаза у Аиши заблестели – эта женщина явно была немножко не в себе.

– Они вам так говорили? – спросила Ифемелу.

– Эмека говори, его мать скажи ему, он женись на американке, она себя убьет, – сказала Аиша.

– Нехорошо.

– А я, я – африканка.

– Может, она себя не убьет, если он на вас женится.

Аиша тупо уставилась на нее.

– Мать вашего друга хочу, чтоб он на вас женись?

Ифемелу сначала подумала о Блейне, но следом осознала, что Аиша, конечно, имеет в виду ее воображаемого друга.

– Да. Все спрашивает, когда мы поженимся. – Ее поразило, как гладко она это произнесла, будто убедила даже себя саму, что не живет воспоминаниями, заплесневевшими от тринадцати миновавших лет. Но это могло быть правдой: матери Обинзе она, в конце концов, нравилась.

– Эх! – сказала Аиша с доброжелательной завистью.

Вошел мужчина с сухой сереющей кожей и копной седых волос, принес с собой пластиковый поднос с травяными настоями на продажу.

– Нет-нет-нет, – сказала ему Аиша, вскинув отваживающую ладонь.

Мужчина удалился. Ифемелу стало его жалко, такой он голодный с виду в этой своей затасканной дашики, и задумалась, сколько он вообще способен заработать такой торговлей. Надо было купить у него что-нибудь.

– Вы говори с Чиджоке игбо. Он слушает вас, – сказала Аиша. – Вы говори игбо?

– Конечно, я говорю на игбо, – насупленно ответила Ифемелу и задумалась, не намекает ли Аиша, что Америка изменила клиентку. – Полегче! – добавила она, потому что Аиша потащила частую расческу по пряди ее волос.

– У вас волосы жесткие, – сказала Аиша.

– Ничего они не жесткие, – уверенно возразила Ифемелу. – Вы не ту расческу взяли. – Она забрала из рук Аиши расческу и положила ее на столик.

* * *

Ифемелу выросла в тени материнских волос. Черные-черные они были, такие толстые, что на них в салоне уходило две емкости выпрямителя, такие густые, что сохли под колпаком фена часы напролет, а освобожденные от розовых пластиковых бигуди, они раскидывались вольно, полно, ликующе струились у матери по спине. Отец называл их венцом славы. «Это у вас свои такие?» – спрашивали прохожие и тянули руки, чтобы почтительно потрогать. Другие уточняли: «Вы не с Ямайки?» – будто лишь чужеземная кровь могла объяснить такие роскошные волосы, не редевшие даже у висков. В детстве Ифемелу часто смотрелась в зеркало и дергала себя за волосы, распрямляла кудряшки, заставляла их сделаться как у матери, но они оставались щетинистыми и росли неохотно – плетельщицы говорили, что режутся ее волосами, как ножом.

Однажды, когда Ифемелу исполнилось десять, мама пришла домой с работы какая-то другая. Одежда на ней была та же – бурое платье с поясом на талии, – но лицо горело, взгляд рассеянный.

– Где большие ножницы? – спросила она. Ифемелу притащила их, и мама поднесла их к голове и, горсть за горстью, отстригла себе все волосы. Ифемелу глазела, оторопев. Волосы лежали на полу мертвой травой. – Неси большой мешок, – сказала мама. Ифемелу подчинилась, словно зачарованная, – происходило что-то непонятное. Она смотрела, как мама ходит по квартире, собирает все католические предметы, снимает распятия со стен, достает четки из шкафов, молитвенники с полок. Мама складывала их в полиэтиленовый мешок, а затем отнесла его на задний двор, быстрым шагом, взгляд, вперенный вдаль, бестрепетен. Развела костер рядом с мусорной ямой, на том же месте, где обычно жгла свои использованные прокладки, и сначала бросила в огонь свои волосы, завернутые в старую газету, а затем один за другим – предметы веры. Темно-серый дым завихрился в воздухе. Ифемелу на веранде заплакала – почуяла: что-то случилось, а женщина у костра все плескала керосин, когда огонь замирал, и отступала, когда он вспыхивал, женщина лысая, безучастная – не ее мать, не могла она быть ей матерью.

Когда мама вернулась в дом, Ифемелу попятилась, но мама прижала ее к себе.

– Я спасена, – сказала она. – Миссис Оджо проповедовала мне сегодня на перемене, и я обрела Христа. Все старое миновало, все стало новым. Слава Господу. С воскресенья начнем ходить в Возрожденных святых. В этой церкви верят в Библию, не то что в Святом Доминике.

Материны слова были чужие. Она произносила их слишком жестко, и вид у нее был, как у кого-то другого. Даже голос, обычно высокий, женственный, сделался ниже, сгустился.

В тот день Ифемелу видела, как отлетает суть ее матери. Прежде мама молилась по четкам время от времени, крестилась перед едой, носила красивенькие образа святых на шее, пела на латыни и смеялась, когда отец передразнивал ее ужасное произношение. Смеялась и когда он говорил: «Я агностик, уважающий религию» – и сообщала ему, какой он везучий, что женился на ней: пусть и ходит он в церковь только на свадьбы и похороны, все равно попадет в рай – на крыльях ее веры. Но после того вечера мамин Бог изменился. Он стал требовательным. Выпрямленные волосы оскорбляли Его. Его оскорбляли танцы. Она торговалась с Ним – предлагала голодание в обмен на благоденствие, на продвижение по службе, на доброе здоровье. Она постилась, пока не исхудала до костей: сухие посты по выходным, а по будням – одна вода, до самого вечера. Отец Ифемелу следил за матерью встревоженным взглядом, уговаривал есть чуть больше, поститься чуть меньше и всегда увещевал ее осторожно, чтобы она не обозвала его посланцем дьявола, чтобы не пренебрегала его словами, как это случилось с одним двоюродным родственником, что жил у них.

– Я пощусь ради обращения твоего отца, – часто говорила она Ифемелу. Месяцы напролет воздух в доме был как треснутое стекло. Все ходили вокруг мамы на цыпочках, а она стала чужой – тощей, костлявой, суровой. Ифемелу боялась, что однажды мама просто переломится пополам и умрет.

И тут, в пасхальную субботу – мрачный день, первая тихая пасхальная суббота в жизни Ифемелу, – мама выбежала из кухни и объявила:

– Я видела ангела!

Раньше в этот день царили сплошная суета и готовка, множество кастрюль в кухне, множество родственников в квартире, Ифемелу с мамой идут ко всенощной, помогают зажигать свечи, поют в море мерцающих огней, а затем возвращаются домой – продолжать готовить большой пасхальный обед. А теперь в квартире стало тихо. Родственники держались подальше, на обед – обычные рис и похлебка. Ифемелу сидела в гостиной с отцом, и когда мама сказала: «Я видела ангела!» – Ифемелу заметила отчаяние у папы в глазах, краткий, быстро исчезающий проблеск.

– Что стряслось? – спросил он умиротворяющим тоном, каким разговаривают с детьми, будто бы если пошутить над безумием жены, оно стремительно сгинет.

Мама рассказала им о видении, какое ей только что было: пылающий образ рядом с плитой, ангел с книгой, обернутой красной тканью, и этот ангел велел ей уйти из Возрожденных святых, потому что пастор там – колдун, посещает еженощные дьявольские бдения на дне морском.

– Слушай, что тебе ангел говорит, – сказал папа.

И мама оставила ту церковь и начала отпускать волосы, но перестала носить ожерелья и сережки, потому что, по словам пастора в Чудесном источнике, это богопротивно и не пристало добродетельной женщине. Вскоре после, в день несостоявшегося переворота, пока торговцы, жившие на нижних этажах, рыдали, потому что переворот мог бы спасти Нигерию и рыночные торговки, глядишь, получили бы места в кабинете министров, у мамы вновь случилось видение. На сей раз ангел возник у нее в спальне, над гардеробом, и повелел ей уйти из Чудесного источника и примкнуть к Путеводному собранию. Посреди первой службы, на которую Ифемелу пришла с матерью, в общинном зале с мраморными полами, окруженная надушенными людьми, под перекрестным огнем богатых голосов, Ифемелу посмотрела на свою мать и увидела, что та плачет и смеется одновременно. В этой церкви кипучей надежды, где топали и хлопали, где Ифемелу воображала над паствой вихрь влиятельных ангелов, дух ее матери обрел дом. В этой церкви было битком недавно разбогатевших, и маленький автомобиль ее матери на стоянке оказался самым старым, краска блеклая, вся в царапинах. Если молиться вместе с преуспевающими, говорила мама, Господь благословит ее – как благословил их. Она вновь начала носить украшения, пить «Гиннесс», постилась теперь лишь раз в неделю и частенько

приговаривала «*мой* Бог велит мне» и «в *моей* Библии сказано», будто прочие люди не просто другие, а заблудшие. На «доброе утро» или «добрый день» она бодро отвечала: «Благослови вас Бог!» Ее Бог сделался добродушным и не обижался, когда им повелевают. Каждое утро мама будила домашних на молитву, все преклоняли колени на колючем ковре в гостиной, пели, хлопали в ладоши, покрывали наступающий день кровью Христовой, и тишину рассвета пронзали мамины слова: «Господь, отец мой небесный, повелеваю тебе заполнить сей день благословениями и доказать мне, что ты – Бог! Господь, жду от тебя процветания! Не позволишь нечестивым победить, не позволишь врагам моим одержать верх надо мной!» Отец Ифемелу как-то раз сказал, что молитвы – бредовые битвы с воображаемыми врагами Господними, и все же настаивал, чтобы Ифемелу каждое утро поднималась к молитве. «Мама от этого радуется», – объяснил он.

В церкви, когда приходило время свидетельствовать, мама спешила к алтарю первой.

– У меня нынче утром заложило нос, – начинала она, – но пастор Гидеон начал молиться, и все прошло. Нет теперь ничего. Славим Господа! – И паства выкрикала: «Аллилуйя!» – и следовали другие свидетельства. «Я не учился, потому что болел, но экзамены все равно сдал блестяще!», «У меня была малярия, помолился – и исцелился!», «Кашель исчез, как только пастор начал молиться!» Но первой всегда выходила мама, летела вперед, улыбалась, облеченная светом спасения. Ближе к концу службы пастор Гидеон в остроплечем костюме и остроносых туфлях подскакивал и провозглашал: «Наш Господь – не бедный Господь, аминь? Наша доля – процветать, аминь?» Мать Ифемелу высоко вскидывала руку к небесам и отвечала: «Аминь, Бог Отец, аминь».

Ифемелу не считала, что это Бог дал пастору Гидеону его большой дом и все автомобили, – он их, конечно, купил на деньги со сборов, какие происходили трижды за службу; не считала она, что Бог сделает то же, что и для пастора Гидеона, для всех остальных, потому что это невозможно, однако ей нравилось, что мама теперь питалась как обычно. В мамин взгляд вернулось тепло, вид у нее снова был радостный, и она опять оставалась с папой после трапез за столом и громко пела в ванне. Ее новая церковь поглотила ее, но не разрушила. Мама сделалась предсказуемой, ей стало легко врать. «Я на библейские чтения» или «Я в Собрание» – так проще всего можно было линять из дома в подростковые годы. Ифемелу церковь была неинтересна, никакого религиозного рвения она не чувствовала – быть может, оттого, что в матери его имелось с избытком. И все же от маминой веры было уютно. Ифемелу она виделась белым облаком, что благословенно плыло над ней, куда бы Ифемелу ни шла. Пока в их жизни не появился Генерал.

* * *

Мама ежеутренне молилась за Генерала. Говорила: «Отец небесный, повелеваю тебе благословить наставника Уджу. Пусть его враги никогда не одержат верх над ним!» Или так: «Покрываем наставника Уджу драгоценной кровью Христовой!» И Ифемелу бормотала вместо «аминь» какую-нибудь белиберду. Мать произносила слово «наставник» вызывающе, густым голосом, словно сила выговора и впрямь может обратить Генерала в наставника, а также переделать мир так, чтобы в нем молодые врачи могли позволить себе «мазду» тети Уджу, зеленую, глянцевою, угрожающе зализанную машину.

Четачи, соседка сверху, спросила Ифемелу:

– Твоя мама сказала, что наставник тети Уджу дал ей и кредит на машину?

– Да.

– Э! Повезло тете Уджу-о! – сказала Четачи.

Многозначительная насмешка на лице соседки не ускользнула от Ифемелу. Четачи со своей матерью уже небось сплетничали об этой машине – обе были из тех людей, какие ходят в гости, лишь бы поглядеть, что там есть у других, оценить новую мебель или электронику.

– Господь пусть благословит этого человека-о. Я-то надеюсь тоже познакомиться с наставником, когда вуз окончу, – сказала Четачи.

От злорадства Четачи Ифемелу ошетибилась. И все же мама сама виновата: слишком рвалась рассказывать соседям историю своего наставника. Не стоило – никого это не касалось, чем там тетя Уджу занимается. Ифемелу подслушала, как мама рассказывает кому-то во дворе: «Понимаете, Генерал, когда молодой был, хотел стать врачом и теперь помогает молодым врачам, Господь и впрямь направляет его в жизнь других людей». Тон у нее был искренний, радостный, убедительный. Она в свои слова верила. Ифемелу этого не понимала – не понимала способность матери рассказывать самой себе байки о такой действительности, которая никак не походила на всамделишную. Когда тетя Уджу рассказала о своей новой работе: «В больнице не было вакансий врачей, но Генерал заставил их открыть для меня одну» – таковы были ее слова, мать Ифемелу поспешно отозвалась: «Это чудо!»

Тетя Уджу улыбнулась – тихой улыбкой, что хранит молчание: чудом она это, конечно, не считала, но говорить не стала. Или, вероятно, что-то чудесное и было в ее новой работе советником при военном госпитале на острове Виктория, в ее новом доме в квартале «Дельфин» – скоплении двухуровневых новостроек, излучавших свежую чужестранность, некоторые выкрашены в розовый, какие-то – в голубой теплого неба, квартал оторочен парком, а в нем трава, густая, как новый ковер, и скамейки, где можно посидеть, а это редкость даже на Острове. Всего несколько недель назад тетя была выпускницей, все ее сокурсники говорили о выезде за рубеж – сдавать американские или британские врачебные экзамены, поскольку в противном случае оставалось лишь бродить по иссушенным пустырям безработицы. Страна изголодалась по надежде, машины днями напролет стояли в долгих потных очередях за бензином, пенсионеры вздымали потрепанные плакатики с требованиями выплат, преподаватели собирались на которую уже по счету забастовку. Но тетя Уджу не хотела уезжать: она, сколько Ифемелу себя помнила, мечтала о частной клинике – и держалась за эту мечту крепко.

– Нигерия не всегда будет такой, я уверена, что найду временную работу, будет лихо, да, но однажды я открою свою клинику – на Острове! – объявила тетя Уджу в разговоре с Ифемелу. А чуть погода оказалась на свадьбе у подруги. Отец невесты был вице-маршалом авиации, поговаривали, что, может, и глава государства заглянет, и тетя Уджу пошутила, не попросить ли его сделать ее военным врачом при Асо-Рок³⁸. Сам он в итоге не явился, зато пришли многие его генералы, и один велел своему адъютанту пригласить тетю Уджу после приема к нему в машину на стоянке, она пришла к темному «пежо» с флажком на капоте и сказала: «Добрый вечер, сэр» – мужчине на заднем сиденье, он отозвался: «Вы мне нравитесь. Хочу о вас позаботиться». «Может, чудо было в тех словах “Вы мне нравитесь. Хочу о вас позаботиться”», – думала Ифемелу, но не в мамином смысле. «Чудо! Господь истин!» – сказала в тот день мама, глаза налиты верой.

* * *

Тем же тоном она произнесла:

– Дьявол – лжец. Он хочет пресечь наше благословение, ему не удастся.

Папа потерял тогда работу в федеральном агентстве. Его уволили за то, что он отказался называть свою новую начальницу Маменькой. В тот день он вернулся домой раньше обыч-

³⁸ Асо-Рок – крупный скальный монолит на периферии города Абуджа, столицы Нигерии; нигерийский Президентский комплекс, Национальная ассамблея и Верховный суд страны размещаются у его подножия.

ного, сокрушенный, в горестном недоумении, с письмом об увольнении в кулаке, жаловался на абсурд: как может взрослый мужчина именовать взрослую женщину Маменькой лишь потому, что она решила, будто так лучше всего выказывать ей почтение.

– Двенадцать лет преданного труда. Немыслимо, – сказал он.

Мама погладила его по спине, сказала, что Господь подаст новую работу, а пока они перебытуют на ее зарплату завуча школы. Он каждое утро уходил искать работу, стиснув зубы, туго повязав галстук, и Ифемелу размышляла, заглядывает ли он во все подряд компании, наудачу, – но вскоре он уже оставался дома, в халате и майке, рассиживал на выдавшем виды диване перед проигрывателем.

– Ты с утра не мылся? – спросила его мама как-то вечером, когда вернулась с работы изнуренной, прижимая к груди папки, под мышками – сырые разводы. Затем добавила раздраженно: – Если нужно звать кого-нибудь Маменькой, чтобы зарплату получать, – называл бы!

Он ничего не ответил: на миг показалось, что он растерялся – сжался и растерялся. Ифемелу стало его жалко. Она спросила, что за книга лежит у него на коленях обложкой вниз, знакомая книга, он ее уже читал. Надеюсь, что он заведет с ней длинный разговор о чем-нибудь вроде истории Китая, она будет слушать, как обычно, вполуха, подбадривать его. Но настроения разговаривать у него не было. Он пожал плечами, словно бы говоря, что если ей любопытно, может сама глянуть. Слова матери ранили его чересчур легко: он слишком чутко к ней относился, держал ухо востро на ее голос, взгляд его был с ней постоянно. Недавно, перед тем как его уволили, он сказал Ифемелу:

– Когда доберусь до повышения, куплю твоей матери что-нибудь по-настоящему памятное. – Ифемелу спросила, что же, отец улыбнулся и загадочно произнес: – Оно само себя явит.

Глядя на отца, сидевшего на диване, Ифемелу думала, до чего он сейчас похож на то, чем он на самом деле был, – на человека с поблекшими устремлениями, недалекого госслужащего, желавшего иной жизни, алкавшего больше образования, чем мог себе позволить. Он часто рассуждал о том, что не пошел в университет, потому что надо было работать – кормить семью, что он в школе был умнее многих тех, кто теперь уже защитил докторскую. У него был формальный высокопарный английский. Домработницы едва понимали его, но все равно очень млели. Однажды их бывшая помощница по дому Джесинта пришла в кухню, принялась тихонько хлопать в ладоши и сказала Ифемелу:

– Ты бы слышала большое слово своего отца! *О ди егву!*

Ифемелу часто представляла его в школьном классе, в 50-е: рьяный колониальный подданный, облаченный в скверно сидевшую форму из дешевого хлопка, рвется произвести впечатление на своих учителей-миссионеров. Даже почерк у него был манерный, сплошь завитки и росчерки, гладкое изящество, на вид – словно отпечатанное. В школьные годы Ифемелу он честил ее за упрямство, мятежность, непримиримость – эти слова превращали ее мелкие проступки в эпохальные, чуть ли не достойные гордости. Но его выпренный английский, когда она выросла, стал ее раздражать: отец в него рядился, это был заслон от неуверенности. Отца не оставляло в покое то, чего он не имел, – университетская степень, жизнь в верхах среднего класса, – и его вычурные слова сделались ему доспехом. Ей больше нравилось, когда он говорил на игбо, лишь тогда, казалось, он не сознает своих тревог.

Из-за потери работы он сделался тише, между ним и внешним миром выросла тонкая стена. Он больше не бормотал «нация утонченного лизоблюдства», когда начинались вечерние новости по НТВ³⁹, больше не произносил долгих монологов о том, как правительство Бабангиды сделало из нигерийцев недалёковидных идиотов, больше не подтрунивал над мамой. И главное – начал подключаться к утренним молитвам. Прежде никогда в них не участвовал,

³⁹ Нигерийское телевизионное ведомство, главный государственный телевизионный канал Нигерии (с 1977); в начале существования у НТВ была монополия на телевидение в стране.

мама лишь однажды настояла – перед поездкой в родной город. «Помолимся и покроем дороги кровью Христовой», – сказала она, а он ответил, что дороги были б безопаснее – не такие скользкие, если б не покрывала их никакая кровь. Мама нахмурилась, а Ифемелу хохотала и хохотала.

Хоть в церковь не начал ходить. Ифемелу возвращалась из церкви с матерью, и они заставляли отца на полу – он копался в своих пластинках, пел вместе с проигрывателем. Он всегда выглядел свежим, отдохнувшим, словно пребывание наедине с музыкой напитывало его. Но, потеряв работу, он почти перестал слушать музыку. Они с мамой приходили домой и заставляли его за обеденным столом – он склонялся над листками бумаги, писал письма в газеты и журналы. И Ифемелу понимала: дали б ему такую возможность – теперь он бы Маменькой свою начальницу все же назвал.

* * *

Раннее воскресное утро, а кто-то колотил во входную дверь. Ифемелу нравились воскресные утра, неспешное смещение времени, когда она, облаченная к церкви, сидела в гостиной с отцом, пока мама готовилась. Иногда они с отцом разговаривали, а иногда помалкивали в обоюдной приятной тишине, как в то утро. Из кухни доносился лишь гул холодильника – пока не застучали в дверь. Грубое вторжение. Ифемелу открыла и увидела хозяина их квартиры, круглого дядю с выпученными красноватыми глазами, который, по слухам, начинал день со стакана чистого джина. Хозяин, глядя мимо Ифемелу на отца, заорал:

– Три месяца уже! Я все еще жду свои деньги!

Голос его был Ифемелу знаком – бесстыжие вопли, что вечно доносились из квартир их соседей, откуда-то извне. А теперь он пришел в их квартиру, и от этой сцены ее покорило – хозяин вопил у *них* на пороге, а отец устоял на хозяина стальное лицо, молча. Прежде они никогда не просрочивали оплату. Жили в этой квартире, сколько Ифемелу себя помнила – здесь было тесно, кухонные стены почернели от керосиновой копоти, и Ифемелу стеснялась, когда одноклассники приходили к ним в гости, – но оплату они не задерживали никогда.

– Фанфарон, – проговорил отец, когда хозяин удалился, и больше не сказал ничего. Нечего было добавить. Они задержали оплату.

Появилась мама, чересчур надушенная и с песней на устах, лицо сухое и сияющее от пудры, на тон светлее необходимого. Протянула папе запястье, тонкий золотой браслет не застегнут.

– Уджу пойдет после церкви, заберет нас посмотреть дом в «Дельфине», – сказала мама. – Пойдешь с нами?

– Нет, – ответил он коротко, словно обновленная жизнь тети Уджу – тема, которую он предпочел бы избегать.

– А зря, – сказала она, но папа не отозвался, прилежно застегивая браслет у мамы на руке, и напомнил ей проверить воду в машине.

– Господь истин. Глянь на Уджу – ей по карману дом на Острове! – счастливо сказала мама.

– Mamochka, но ты же знаешь, что тетя Уджу ни кобо не платит за то, что там живет, – сказала Ифемелу.

Мама глянула на нее:

– Ты платье гладила?

– Его не надо гладить.

– Оно мятое. *Ngwa*⁴⁰, иди погладь. Хоть свет есть. Или переоденься в другое.

⁴⁰ Здесь: быстро (*игбо*).

Ифемелу неохотно встала.

– Не мятое у меня платье.

– Иди погладь. Незачем сообщать миру, что нам трудно. У нас еще не худший случай. Сегодня Воскресные труды с сестрой Ибинабо, давай-ка пошустрее, нам пора.

* * *

Сестра Ибинабо располагала могуществом, а поскольку делала вид, что это ее могущество – пустячок, впечатление получалось еще более сильное. Болтали, будто пастор исполнял все, что она ни скажет. Почему – не очень понятно: одни говорили, что она вместе с ним основала эту церковь, другие – что она владеет страшной тайной его прошлого, а третьи – что у нее попросту больше духовной силы, чем у него, но пастором ей никак, потому что она женщина. Она была способна, если б захотела, не допустить пасторского одобрения чьего-нибудь брака. Она знала всех и вся и, кажется, ухитрялась быть всюду одновременно – с видом потрепанным, будто жизнь изрядно и долго ее помотала. Трудно сказать, сколько ей было лет – то ли пятьдесят, то ли шестьдесят, тело жилистое, лицо замкнутое, как ракушка. Она никогда не смеялась, но тоненько и благочинно улыбалась часто. Матери благоговели перед ней, носили ей подарочки и с готовностью отдавали своих дочек на Воскресные труды. Сестра Ибинабо, спасительница юниц. Ее приглашали увещевать беспокойных и беспокоящих девчонок. Некоторые мамы интересовались, нельзя ли их дочками пожить с Ибинабо – в квартире за церковью. Но Ифемелу всегда чуяла в сестре Ибинабо глубокую кипучую враждебность к девушкам. Они сестре Ибинабо не нравились, она просто приглядывала за ними и предостерегала их, словно задетая тем, что в них было еще свежо, а в ней самой давно усохло.

– Я видела тебя в прошлую субботу в тесных брюках, – сказала сестра Ибинабо одной девушке по имени Кристи театральным шепотом, тихим ровно в той мере, чтобы оставаться шепотом, но прекрасно слышным всем вокруг. – Все допустимо, но не все полезно. Любая девушка в тесных брюках стремится ко греху искушения. Лучше такого избегать.

Кристи кивнула смиренно, изящно, стыд ее – при ней.

Два узких окна в церковной подсобке света пропускали мало, и весь день напролет там горела электрическая лампочка. Конверты с собранными средствами громоздились на столе, а рядом – стопка разноцветных салфеток, словно хрупкая ткань. Девушки взялись распределять задачи. Вскоре кто-то уже надписывал конверты, кто-то резал и складывал салфетки, склеивал из них цветы и нанизывал пушистыми гирляндами. В следующее воскресенье на особом благодарственном молебне эти гирлянды окажутся на толстой шее у Шефа Оменки и на шеях потоньше – у членов его семьи. Он пожертвовал церкви два новых фургона.

– Присоединяйся вон к той группе, Ифемелу, – распорядилась сестра Ибинабо.

Ифемелу скрестила руки на груди – как частенько бывало, когда она собиралась сказать что-то, о чем лучше бы помалкивала, – и слова выскочили у нее из глотки:

– Чего это я должна делать украшения для вора?

Сестра Ибинабо уставилась на нее потрясенно. Возникла тишина. Девушки замерли в ожидании.

– Что ты сказала? – переспросила сестра Ибинабо тихонько, предлагая Ифемелу возможность извиниться, запихнуть слова обратно в себя. Но Ифемелу понимала, что остановиться не сможет, сердце колотилось, несло по скоростной трассе.

– Шеф Оменка – Четыреста девятнадцатый⁴¹, это всем известно. В этой церкви полно Четыреста девятнадцатых. Почему мы должны делать вид, что этот зал выстроен не на грязные деньги?

⁴¹ Отсылка к Уголовному кодексу Нигерии, часть VI, раздел 419: незаконное (мошенническое) обогащение. В разговорном

– Это Божий труд, – тихо произнесла сестра Ибинабо. – Не можешь делать труд Божий – лучше уходи. Иди.

Ифемелу поспешила прочь из подсобки, за ворота, к автобусной остановке, зная, что эта история достигнет ушей ее матери, находившейся в церкви, в считанные минуты. Ифемелу испортила этот день. Поехали бы домой к тете Уджу, приятно пообедали бы. А теперь мама будет сварливой и колючей. Лучше б Ифемелу промолчала. Она же в прошлом все-таки делала гирлянды для Четыреста девятнадцатых – для тех, кому отводились особые места в первом ряду, для людей, что даровали машины с той же легкостью, с какой раздают жвачки. Она бывала на их приемах, ела рис, мясо и салат – еду, оскверненную мошенничеством, ела, зная все это, и не подавилась – даже не собиралась. И все же что-то сегодня было по-другому. Когда сестра Ибинабо разговаривала с Кристи, с ядовитым ехидством, какое выдавала за духовное наставничество, Ифемелу смотрела на нее – и внезапно увидела в ней что-то похожее на собственную мать. Ее мама добрее и проще, но, как и сестра Ибинабо, – человек, отрицавший действительность как она есть. Человек, которому нужно распахивать плащ религии над собственными мелкими желаньями. Быть в этой комнатке, полной теней, Ифемелу внезапно захотелось менее всего. Прежде это казалось безвредным – материна вера, насквозь пропитанная благодатью, – но вдруг перестало. Ифемелу мимолетно пожалела, что у нее именно ее мать, и из-за этого ей стало не стыдно и не грустно, а разом, вперемешку и стыдно, и грустно.

На автобусной остановке было зловеще пустынно, и она вообразила людей, обычно толпившихся здесь, в церквях, они поют и молятся. Она подождала автобуса, раздумывая, домой ехать или еще куда-нибудь, пересидеть. Лучше все же домой – и разбираться там со всем, с чем предстояло разобраться.

* * *

Мама дернула ее за ухо едва ли не нежно, словно не желая причинять настоящую боль. Она так делала с детства Ифемелу. «Поколочу!» – говаривала мама, когда Ифемелу бедокурила, но никаких колотушек ни разу не случилось, только вялый дерг за ухо. Сейчас мама потянула ее за ухо дважды, чтобы подчеркнуть сказанное.

– Дьявол тобой помыкает. Молись про это. Не суди. Предоставь судить Богу!

Отец сказал:

– Следует воздерживаться от твоей естественной склонности к провокациям, Ифемелу. Ты уже прославилась в школе нарушениями субординации, и я говорил тебе, что это уже подпортило твои исключительные академические заслуги. Не нужно создавать подобных последствий еще и в церкви.

– Да, папочка.

Приехала тетя Уджу, и мама рассказала ей, что произошло.

– Давай сделай Ифемелу внушение. Ты единственная, кого она послушает. Спроси у нее, за что она рвется позорить меня перед всей церковью. Она оскорбила сестру Ибинабо! Это все равно что оскорбить пастора! Чего эта девочка такая непутевая? Я уже говорила – и не раз, – что лучше б она была мальчишкой, с таким-то поведением.

– Сестра, ты же знаешь, у нее беда с тем, что она не всегда понимает, когда лучше держать рот на замке. Не волнуйся, я с ней поговорю, – сказала тетя Уджу, играя свою роль миротворца, утешая жену двоюродного брата.

Она всегда ладила с матерью Ифемелу, то были простые отношения двоих, кто тщательно избегает бесед хоть какой-то глубины. Вероятно, тетя Уджу была благодарна матери Ифемелу за то, что та приняла ее, приняла ее положение особого родственника на содержании. Пока

росла, Ифемелу не чувствовала себя единственным ребенком – с ними жили двоюродные, тети и дяди. В квартире вечно стояли чемоданы и сумки, иногда родственник-другой недели напролет ночевал на полу в гостиной. В основном родня отца – они приезжали в Лагос осваивать ремесло, учиться или искать работу, чтобы семья в его деревне не бурчала, дескать, вот у человека один ребенок, а другим растить своих он не помогает. Отец чувствовал, что обязан им, настаивал, чтобы все были дома до восьми вечера, следил, чтобы всем хватало еды, и запирали дверь в спальню, даже когда уходил в туалет, потому что любой мог зайти и украсть что-нибудь. Но тетя Уджу была другая. Слишком умная, чтобы прозябать в той глуши, говорил он. Называл ее своей младшей сестрой, хотя она была дочерью брата его отца, и берег ее лучше прочих, был с ней ближе, чем со всеми остальными. Каждый раз, когда видел, что Ифемелу и тетя Уджу угнездились на кровати и болтают, говорил с нежностью: «Вы две». После того как тетя Уджу уехала учиться в Ибаданский университет⁴², он сказал Ифемелу чуть ли не с горечью: «Уджу оказывала на тебя успокаивающее влияние». В их близости он, казалось, видел доказательство собственного правильного выбора, словно сознательно сделал семье подарок – буфер между женой и дочерью.

Так вот, тетя Уджу сказала Ифемелу в спальне:

– Надо было просто делать гирлянды. Я же тебе говорила, что нельзя все подряд производить вслух. Пора тебе это понять. Необязательно *говорить* все подряд.

– А чего мама не может просто радоваться тому, что тебе дает Генерал, и не делать вид, что это все от Бога?

– Кто сказал, что это не от Бога? – спросила в ответ тетя Уджу и скорчила гримасу, оттянув уголки рта вниз. Ифемелу расхохоталась.

Согласно семейной легенде, Ифемелу была неприветливой трехлетней, вопившей, если кто-нибудь чужой подходил к ней слишком близко, но, впервые увидев тетю Уджу, тринадцатилетнюю, с прыщавым лицом, приблизилась, забралась к ней на колени и не слезала оттуда. Ифемелу не знала, вправду такой была или это стало правдой после неоднократного пересказа истории начала их дружбы. Тетя Уджу шила ей детские платьица, а когда обе стали постарше, они вместе штудировали модные журналы, вместе выбирали фасоны. Тетя Уджу научила ее делать пюре из авокадо и мазать на лицо, растворять «Робб» в горячей воде и подставлять лицо под пар⁴³, подсушивать прыщики зубной пастой. Тетя Уджу носила ей романы Джеймса Хедли Чейза, завернутые в газетку, чтобы никто не видел полуголых женщин на обложке; выпрямляла ей волосы горячим методом, когда Ифемелу подцепила вшей от соседней; поддерживала разговоры, когда у Ифемелу пришли месячные, дополнив материну лекцию, напичканную библейскими цитатами о добродетели, где ни словом не упоминалось о резах в животе и о прокладках. Когда Ифемелу познакомилась с Обинзе, она сказала тете Уджу, что обрела любовь всей жизни, и тетя Уджу наказала разрешить себя целовать и трогать, но внутрь засовывать ничего не давать.

⁴² Ибадан – город на юго-западе Нигерии, третий по численности в стране; Ибаданский университет – старейший в стране и лучший в части континента южнее Сахары, основан в 1948 г., организован в традиции британского высшего образования.

⁴³ «Robb» (бальзам) – препарат для ингаляций, помогает от заложенности носа, простуд, кашля; состав (в виде солей): камфара, ментол, эвкалиптовое масло, масло кедрача, метилсалицилат. Популярен в Нигерии уже более 50 лет, исходный рецепт – китайского происхождения.

Глава 4

Боги, витающие божества, что даруют и отнимают подростковые любви, решили, что Обинзе должен гулять с Гиникой. Обинзе был новеньким, славный мальчик, пусть и невысокий. Его перевели из университетской старшей школы в Нсукке, но уже через несколько дней до всех дошли бурливые слухи о его матери. Она подралась в Нсукке с мужчиной – другим преподавателем, по-настоящему подралась, с тумаканами и оплеухами, и победила к тому же, порвала на нем одежду, и за это ее отстранили от работы, она уехала в Лагос, пока не придет время вернуться. Необычная история: дрались базарные торговки, чокнутые тетки, но не женщины-профессора. Обинзе, спокойный и замкнутый на вид, придавал этой истории еще больше интриги. Его быстро приняли в клан вальяжных, беспечно крутых юнцов – Больших Пацанов. Он болтался с ними по коридорам, стоял на задах актового зала во время собраний. Никто из них не заправлял рубашки в штаны, и за это им вечно доставалось – изысканно доставалось – от учителей, но Обинзе ежедневно являлся в школу опрятно заправленный, и вскоре Большие Пацаны тоже начали заправляться, даже Кайоде Да Силва, крутейший из всех.

Кайоде на все каникулы уезжал к родителям в Англию, их дом на фотоснимках, какие видела Ифемелу, смотрелся громадным и угрожающим. Его подруга Йинка была ему под стать – она тоже часто ездила в Англию, жила в Икойи⁴⁴ и говорила с британским акцентом. В их классе она была самой популярной девочкой, школьная сумка у нее из натуральной кожи с тисненой монограммой, сандалии всегда не такие, как у всех. Вторая после нее – Гиника, близкая подруга Ифемелу. Гиника за рубеж ездила нечасто и потому не носила на себе отпечатка *выездной*, как Йинка, но зато у нее карамельная кожа и волнистые волосы, которые, если не заплетать, струились вниз по шее, а не торчали, как афро. Каждый год ее выбирали самой красивой девочкой в классе, а она ехидно говорила: «Все потому, что я полукровка. Куда мне тягаться с Зайнаб?»

В общем, естественный порядок вещей: боги свели в пару Обинзе и Гинику. Кайоде поспешно устроил вечеринку у себя в гостевом флигеле, пока родители были в Лондоне. Гинике он сказал:

- Познакомлю тебя на вечеринке с моим друганом Зедом.
- Он ничего, – сказала, улыбаясь, Гиника.

– Надеюсь, материны драчливые гены ему не передались-о, – съязвила Ифемелу. Она порадовалась, что Гинике кто-то понравился: почти все Большие Пацаны в школе пробовали с ней встречаться, но надолго не задержался ни один; Обинзе вроде бы тихий, хорошая пара.

Ифемелу с Гиникой явились на вечеринку вместе, гулянка только начиналась, на танц-поле никого, мальчишки носятся с кассетами, застенчивость и неловкость пока не рассеялись. Всякий раз, когда Ифемелу приходила в дом к Кайоде, она пыталась вообразить себе, как вообще тут живется – в Икойи, в величественном имении, где двор отсыпан гравием, а слуги облачены в белое.

- Ты глянь, вон Кайоде с этим новеньким, – сказала Ифемелу.
- Не буду глядеть, – сказала Гиника. – Идут к нам?
- Да.
- У меня тесные туфли.
- Танцевать можно и в тесных туфлях, – сказала Ифемелу.

Мальчишки подошли. Обинзе чересчур наряден – в толстом вельветовом пиджаке, а на Кайоде футболка и джинсы.

⁴⁴ Самый богатый район Лагоса, расположен на восточной оконечности о. Лагос.

– Эй, девчонки! – сказал Кайоде. Он был высокий и поджарый, с непринужденными манерами привилегированного. – Гиника, знакомься, это мой друг Обинзе. Зед, это Гиника, королева, которую Бог сотворил для тебя, если ты готов за это потрудиться! – Он ухмыльнулся, уже слегка пьяный, – золотой мальчик, творящий золотую пару.

– Привет, – сказал Обинзе Гинике.

– Это Ифемелу, – сказал Кайоде, – также известная как Ифемско. Подручная Гиники. Будешь плохо себя вести – она тебя выпорет.

Все рассмеялись, как по команде.

– Привет, – сказал Обинзе. Встретился взглядом с Ифемелу и не отвел его, удержал.

Кайоде светски трепался, рассказывая Обинзе, что родители Гиники – тоже университетская профессура.

– Короче, вы оба – книжная публика, – сказал Кайоде. Обинзе пора было уже взять беседу на себя и заговорить с Гиникой, и Кайоде бы отвалил, Ифемелу – следом, и воля богов свершилась бы. Но Обинзе почти ничего не говорил, и Кайоде пришлось тащить разговор на себе, голос у него делался все бойчее, он время от времени поглядывал на Обинзе, словно понукая его. Ифемелу не уловила, когда это произошло, но, пока Кайоде говорил, произошло все же что-то странное. Что-то внутри нее зародилось, затлело. Она осознала – вполне внезапно, – что хочет дышать с Обинзе одним воздухом. Остро осознала она и прочее, в тот самый миг: голос Тони Брэкстон из кассетника – «быстро или нет, оно не отпускает, трясет»⁴⁵, – запах оставленного отцом Кайоде бренди, украдкой вынесенного из главного дома, тугая белая сорочка трет ей под мышками. Тетя Уджу заставила завязать ее рыхлым бантом на уровне пупа, и Ифемелу размышляла, действительно это стильно или же смотрится глупо.

Музыка резко прервалась. Кайоде сказал:

– Иду-иду. – И умчал выяснять, что случилось, и в возникшей тишине Гиника тербила металлический браслет на запястье.

Обинзе вновь поймал взгляд Ифемелу.

– Тебе в этом пиджаке не жарко? – спросила она. Вопрос выскочил прежде, чем она успела остановить себя, – уж так она привыкла затачивать слова, наблюдать страх в глазах мальчишек. Но он улыбался. Ему было весело. Он ее не боялся.

– Очень жарко, – ответил он. – Но я сельский пентюх, и это моя первая городская гулянка, уж прости. – Он медленно стянул с себя пиджак, зеленый, с заплатками на локтях, а под ним оказалась рубашка с длинным рукавом. – Теперь придется таскать его с собой.

– Могу подержать, – предложила Гиника. – И не обращай внимания на Ифем, нормально и в пиджаке.

– Спасибо, ничего страшного. Сам буду носить, в наказание за то, что вообще его надел. – Он поглядел на Ифемелу, в глазах – искра.

– Я не в том смысле, – сказала Ифемелу. – Просто тут так жарко, а пиджак на вид тяжелый.

– Мне нравится твой голос, – сказал он, едва не перебив ее.

Ифемелу никогда не терялась – прокаркала:

– Мой голос?

– Да.

Музыка заиграла опять.

– Потанцуем? – спросил он.

Она кивнула.

⁴⁵ Из песни «Another Sad Love Song», сингла, а затем трека с альбома американской поп- и соул-певицы Тони Брэкстон (р. 1967) «Tony Braxton» (1993).

Он взял ее за руку и улыбнулся Гинике, словно милой дуэнье, чей долг исполнен. Ифемелу считала, что любовные романы «Миллза и Буна»⁴⁶ – глупые, они с подружками, бывало, разыгрывали сценки оттуда: Ифемелу или Раньинудо изображали мужчину, а Гиника или Прийе – женщину, мужчина хватал женщину, женщина вяло сопротивлялась, а затем падала ему на грудь с пронзительными стонами, после чего все ржали. Но на оживлявшемся танцполе у Кайоде ее вдруг пронзило маленькой правдой этих романов. И впрямь все так, потому что из-за мужчины живот напрягается и узел в нем не желает расслабляться, все суставы в теле разбалтываются, конечности отказываются двигаться в такт музыке, а все, что обычно не требует усилий, вдруг делается свинцовым. Одеревенело двигаясь, Ифемелу видела краем глаза, как Гиника наблюдает за ними растерянно, рот чуть приоткрыт, будто она не до конца верит в происходящее.

– Ты сказал вот прям «сельский пентюх», – проговорила Ифемелу, перекивая музыку.

– Что?

– Никто так не говорит – «сельский пентюх». Так только в книжках пишут.

– Расскажи мне, какие книжки ты читаешь, – отозвался он.

Он ее подначивал, а она не уловила шутку, однако все равно посмеялась. Потом-то она пожалела, что не запомнила каждое слово, сказанное ими друг другу, пока танцевали. Она запомнила лишь, что ее несло. Когда погасили свет и начался блюзовый танец, она хотела оказаться где-нибудь в темном углу у него в объятиях, но он сказал:

– Пойдем наружу, поболтаем.

Они сели на бетонные блоки за гостевым флигелем, рядом с чем-то похожим на туалет привратника – узким сарайчиком, откуда ветер доносил застойную вонь. Они говорили и говорили, жадно узнавая друг друга. Он рассказал, что отец у него умер, когда ему было семь, и он отчетливо помнит, как отец учил его кататься на трехколесном велосипеде на трехрядной улице рядом с их домом в студгородке, но иногда с ужасом понимал, что не в силах вспомнить отцово лицо, и как его переполняло ощущение предательства, и как он бросался всматриваться в фотографию в рамке на стене у них в гостиной.

– Твоя мама никогда не хотела снова замуж?

– Даже если б хотела, вряд ли пошла бы – из-за меня. Я хочу, чтобы она была счастлива, но не чтобы повторно выходила замуж.

– Я бы тоже этого хотела. А она правда подралась с другим преподавателем?

– Ты, значит, слышала эту байку.

– Говорят, ей поэтому пришлось уйти из Нсуккского университета.

– Нет, не дралась она. Она состояла в комиссии, и они выяснили, что тот профессор злоупотреблял фондами, и моя мама публично его обвинила, он рассердился, ударил ее и сказал, что не потерпит, чтобы с ним женщина так разговаривала. Ну, моя мама встала, заперла дверь в зале заседаний и спрятала ключ у себя в лифчике. Сказала ему, что бить его не может, потому что он сильнее, но ему придется перед ней извиниться публично, при всех, кто видел, как он ее ударил. И он извинился. Но она понимала, что он не от души. Она сказала, что он извинился типа «ну ладно, извините, если вам так хочется, давайте ключ». Она в тот день вернулась домой злая не на шутку и говорила, как все изменилось и что это значит, раз теперь кто-то может просто взять и стукнуть другого человека. Она писала об этом служебные записки и статьи, и студсоюз в это втянулся. Люди говорили, дескать, как он мог ее ударить, она же вдова, и это ее раздражало еще больше. Она говорила, бить ее нельзя, потому что она полноценный человек, а не потому, что у нее нет мужа, чтоб за нее постоял. Некоторые ее студентки заказали себе

⁴⁶ Импринт (с 1971) канадского издательства «Арлекин» (осн. 1949), прежде – самостоятельное британское издательство (осн. 1908), специализировавшееся на «дамских» любовных романах.

футболки с надписью «Полноценный человек». Похоже, это ее прославило. Она обычно очень тихая, и друзей у нее немного.

– И она поэтому приехала в Лагос?

– Нет. Она планировала этот академический отпуск уже давно. Помню, первый раз она мне сказала, что мы на пару лет уедем, и я встал на уши – подумал, что мы в Америку, но потом она сказала, что поедет в Лагос, и я спросил: в чем смысл? С тем же успехом можно остаться и в Нсукке.

Ифемелу рассмеялась.

– Но хоть можно прилететь сюда на самолете из Нсуки.

– Да, но мы приехали по земле, – отозвался Обинзе, смеясь. – Зато теперь я счастлив, что мама выбрала Лагос, иначе мы бы с тобой не встретились.

– Или с Гиникой, – подначила она.

– Перестань.

– Твои пацаны тебя убьют. Тебе положено бегать за ней.

– Я бегаю за тобой.

Этот миг она запомнит навсегда – эти слова. *Я бегаю за тобой.*

– Я тебя недавно в школе видел. Даже спрашивал Кая о тебе, – сказал он.

– Что, правда?

– Видел тебя с Джеймсом Хедли Чейзом, у лаборатории. И сказал, во, точно, есть надежда. Она читает.

– Кажется, я их все читала.

– Я тоже. Какой у тебя любимый?

– «Мисс Шамвей машет волшебной палочкой».

– А у меня – «Хотите остаться в живых?»⁴⁷. Я однажды всю ночь не спал, лишь бы дочитать.

– Да, этот мне тоже нравится.

– А другие книги? Тебе какая классика нравится?

– Классика, *ква*?⁴⁸ Мне нравятся только детективы и остросюжетка. Шелдон, Ладлэм,

Арчер.

– Но и настоящие книги тоже читать надо.

Она глянула на него, его пыл ее позабавил.

– Ну ты и масложуй!⁴⁹ Университетская цаца! Вот чему тебя мамаша-профессорша учит.

– Я серьезно. – Он умолк. – Я тебе дам попробовать. Мне американцы нравятся.

– Но и настоящие книги тоже читать надо, – передразнила она.

– А поэзия тебе как?

– Какое мы там последнее в классе разбирали? «Старый мореход»?⁵⁰ Скукотища.

Обинзе рассмеялся, и Ифемелу, не увлекшись темой поэзии, спросила:

– И что же Кайоде тебе сказал про меня?

– Ничего плохого. Ты ему нравишься.

– Не хочешь говорить, что он сказал.

– Он сказал: «Ифемелу – клевая девчонка, но с ней хлопот не оберешься. Она умеет спорить. Говорить умеет. Никогда не соглашается. А вот Гиника – просто милая девочка». –

⁴⁷ Джеймс Хедли Чейз (Рене Брабазон Реймонд, 1906–1985) – британский прозаик, автор почти сотни детективов; «Miss Shumway Waves a Wand» (1944), «Want To Stay Alive?..» (1971).

⁴⁸ *Здесь*: да ладно (*разг., избо*).

⁴⁹ Устойчивое нигерийское жаргонное наименование богатых привередливых людей.

⁵⁰ «Сказание о старом мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner», 1797–1799) – поэма английского поэта Сэмюэла Коулриджа.

Он примолк, а затем добавил: – Он не знал, что именно я надеялся услышать. Мне девчонки, которые слишком милые, неинтересны.

– А, а! Ты меня оскорбляешь? – Ифемелу толкнула его в притворном негодовании. Ей всегда нравился собственный образ «хлопот не оберешься», образ не такой, как все, и иногда он представлялся ей панцирем, под которым безопасно.

– Сама понимаешь же, что я тебя не оскорбляю. – Он обнял ее за плечи и мягко притянул к себе, их тела впервые соприкоснулись, и она ощутила, как деревенеет. – Я думал, ты такая отличная, но дело не только в этом. Ты похожа на человека, который будет делать что-нибудь, только если сам хочет, а не потому что кто-то так делает.

Она оперлась головой о его голову и почувствовала – впервые – то, что часто будет с ним чувствовать: любовь к себе. Из-за него она себе нравилась. С ним ей было легко, словно ее кожа становилась ей по размеру. Она сказала ему, как хотела бы, чтобы Бог существовал, но боялась, что Его нет, как тревожилась о том, что ей пора понимать, чем заниматься в жизни, но пока не понимала даже, что хочет изучать в университете. Говорить с ним о странном представлялось таким естественным. Раньше так никогда не было. Ее пугало доверие, такое внезапное и при этом такое полное, – и близость. Всего несколько часов назад они друг о друге не знали совсем ничего, и все же было меж ними в те мгновения перед танцем некое знание, и сейчас ей в голову лезло только то, что она хочет ему рассказать, сделать с ним вместе. Похожие черты их жизней – добрый знак: они оба – единственные дети в семье, между днями их рождений всего двое суток, городки, где они родились, в штате Анамбра. Он из Аббы, она – из Умунначи, а сами города в нескольких минутах друг от друга.

– А, а! Один мой дядя постоянно к вам в деревню ездит! – сказал он ей. – Я там с ним был несколько раз. У вас там жуткие дороги.

– Я знаю Аббу. Там дороги хуже некуда.

– Ты в свою деревню часто ездешь?

– Каждое Рождество.

– Всего раз в год! Я с мамой часто езжу, по крайней мере пять раз в год.

– Зато я лучше на игбо говорю, чем ты, спорим?

– Быть того не может, – сказал он и перешел на игбо: – *Ама м ату ину*. Я даже поговорки знаю.

– Да. Основные-то всем известны. Лягушка после обеда просто так не запрыгает.

– Нет. Я и серьезные знаю. *Акота ифе ка уби, э лез оба*. Коли выкопали шире фермы, амбар продан.

– Ха, ты меня проверяешь, что ли? – переспросила она, смеясь. *Ачо афу ади ако н'акпа дибиа*. Чего только нет в мешке у шамана.

– Неплохо, – отозвался он. – *Э гбуо дике н'огу уно, е луо на огу агу, э лоте я*. Если убил воина в домашней драке, вспомнишь его, когда на врага пойдешь.

Они поперебрасывались поговорками. Она вспомнила еще две и сдалась, а он все рвался вперед.

– Откуда ты все это знаешь? – спросила она, под большим впечатлением. – Многие ребята и на игбо-то не говорят, какое там поговорки.

– Я просто слушаю, когда дядья разговаривают. Думаю, отец бы одобрил.

Помолчали. Из гостевого флигеля, где собрались пацаны, плыл сигаретный дым. В воздухе висел шум вечеринки: громкая музыка, надсадные голоса, высокий смех ребят и девчонок, все куда расслабленнее и свободнее, чем будут назавтра.

– Мы не поцелуемся разве? – спросила она.

Он с виду оторопел.

– А это еще с чего?

– Просто спросила. Мы тут уже давно сидим.

- Я не хочу, чтобы ты считала, будто мне только этого и надо.
- А как же то, чего я хочу?
- А чего ты хочешь?
- Сам-то как думаешь?
- Мой пиджак?

Она рассмеялась:

- Да, твой знаменитый пиджак.
- Ты меня смущаешь, – сказал он.
- Ты серьезно? Это *ты* смущаешь *меня*.
- Вряд ли что-то способно тебя смутить, – сказал он.

Они поцеловались, прижавшись лбами, держась за руки. Поцелуй его был упоителен, едва ли не головокружителен, совсем не как у ее бывшего друга Мофе, у которого поцелуи, по ее мнению, были слишком слюнявые.

Когда она через несколько недель рассказала об этом Обинзе – «Где ты так целоваться научился? Совсем другое дело, не то что слюнявая возня с моим бывшим», – он расхохотался и повторил ее слова «слюнявая возня!», а затем объяснил, что дело не в методе, а в чувстве. Он делал то же самое, что и ее бывший, но разница в данном случае – в любви.

- Ты же понимаешь, что это была любовь с первого взгляда, для нас обоих, – сказал он.
- Для нас обоих? Навязываешься? Чего это ты говоришь за меня?
- Я просто объявляю факт. Перестань бузить.

Они сидели рядышком на парте на задах в его почти пустом классе. Задрезжал расстроенный звонок конца перемены.

- Да, это факт, – согласилась она.
- Что?

– Я тебя люблю. – Как легко эти слова выскочили, как громко. Она хотела, чтобы он слышал, – и чтобы слышал мальчишка, сидевший впереди, очкастый, задумчивый, и чтобы слышали девичьи в коридоре у класса.

- Факт, – сказал Обинзе с улыбкой.

Из-за нее он вступил в дискуссионный клуб, а когда она заканчивала выступать, хлопал громче и дольше всех, пока друзья не говорили ему: «Обинзе, ну хватит уже». Из-за него она вступила в спортивную секцию и, сидя на трибуне с его бутылочкой воды, смотрела, как он играет в футбол. Но любил он настольный теннис, потел и вопил за игрой, блестел от энергии, лупил по белому шару, а она любовалась его мастерством, как он вставал вроде бы далеко от стола и все же ухитрялся дотянуться до шарика. Он уже был непобедимым чемпионом школы – как и в предыдущей школе, по его словам. Когда она играла с ним, он смеялся и приговаривал: «Если бить по шару со злостью, не выиграешь-о!» Из-за нее друзья стали звать Обинзе «женская шаль». Однажды они с друзьями болтали о встрече после школы – поиграть в футбол, и кто-то сказал: «А Ифемелу тебе разрешила?» И Обинзе тут же ответил: «Да, но сказала, что у меня всего час». Ей нравилось, как смело он ни от кого не прячет их отношения, носит их на себе, как яркую рубашку. Иногда она боялась, что слишком счастлива. Погружалась в угрюмость, огрызалась на Обинзе или отдалялась от него. И ее радость металась в ней, хлопала крыльями внутри, словно ища, как бы вылететь наружу.

Глава 5

После вечеринки у Кайоде между Ифемелу и Гиникой все стало натянуто, возникла непривычная неловкость.

– Ты же понимаешь, я не знала, что оно вот так сложится, – говорила ей Ифемелу.

– Ифем, он смотрел на тебя с самого начала, – сказала Гиника и, показывая, что ей не обидно, подначила Ифемелу – дескать, вот, увела у меня парня без всяких усилий. Ее живость была напускной, чрезмерной, и Ифемелу обременило виной – и желанием возместить сторицей. Неправильно это вроде бы: близкой подруге Гинике, пригожей, приятной, любимой всеми Гинике, с которой никаких ссор, пришлось снизить и изображать, что ей все равно, хотя, когда б речь ни заходила об Обинзе, в ее тоне сквозила обида. «Ифем, у тебя на нас время-то найдется? Или сплошной Обинзе?» – спрашивала она.

И вот, когда однажды Гиника явилась в школу с темными кругами под покрасневшими глазами и сказала: «Папуля объявил, что мы в следующем месяце уезжаем в Америку», Ифемелу чуть не вздохнула с облегчением. Она будет скучать по своей подруге, но отъезд Гиники вынудил обеих отжать их дружбу насухо и выложить, освеженную, на солнышко, вернуться к тому, как оно прежде бывало.

Родители Гиники уже некоторое время обсуждали, как уйдут из университета и начнут все заново в Америке. Однажды, навещая Гинику у нее дома, Ифемелу услышала слова ее отца:

– Мы не бараны. Этот режим обращается с нами как с баранами, и мы уже ведем себя, словно мы стадо. Я уже много лет не могу заняться никаким серьезным исследованием, потому что каждый день организую забастовки и вещаю о невыплаченных зарплатах, а в классах даже мела нет. – Он был низкорослый и темный, а рядом с крупной пепельновласой мамой Гиники смотрелся еще мельче и темнее, нерешительнее, словно колебался, что же выбрать.

Когда Ифемелу доложила родителям, что семья Гиники наконец уезжает, отец вздохнул и сказал:

– Им повезло, хоть такой выбор есть.

А мама добавила:

– Благословенны они.

Но Гиника ныла и плакала, воображая картины печальной жизни в чужой Америке, без друзей.

– Лучше б я тут с вами жила, а они пусть едут, – сказала она Ифемелу. Они все собрались дома у Гиники – Ифемелу, Раньинудо, Прийе и Точи – и сидели у нее в спальне, копясь в одежде, которую Гиника с собой не брала.

– Ты, Гиника, главное, нос не задирай, когда вернешься, – сказала Прийе.

– Она вернется и будет серьезной американхой, как Биси, – сказала Раньинудо.

Все заржали – над словом «американха», пропитанным ехидством, надставленным против правил, и над Биси, девчонкой на класс младше. Та из короткой поездки в Америку вернулась со странным акцентом, делала вид, что больше не понимает йоруба, и принялась добавлять в конце любого английского слова смазанное «р».

– Ну, Гиника, серьезно, я бы что угодно отдала, лишь бы на твоём месте оказаться, – сказала Прийе. – Не понимаю, чего ты не хочешь ехать. Всегда же сможешь вернуться.

В школе все вились вокруг Гиники. Все хотели сходить с ней в буфет, повидаться после занятий, словно ее грядущий отъезд сделал ее еще более желанной. Ифемелу с Гиникой ошивались на перемене в коридоре, к ним прибились Большие Пацаны – Кайоде, Обинзе, Ахмед, Эменике и Осахон.

– Гиника, а куда именно в Америке ты едешь? – спросил Эменике. Он благоговел перед людьми, уезжавшими за рубеж. После того как Кайоде вернулся с родителями из поездки в

Швейцарию, Эменике склонился перед ним – потрогать ботинки Кайоде, и проговорил: «Хочу к ним прикоснуться – они ходили по снегу».

– В Миссури, – сказала Гиника. – Отец нашел там работу.

– Твоя мать – американка, *аби*?⁵¹ У тебя, значит, американский паспорт?

– Да. Но мы туда не ездили с моего третьего класса.

– Американский паспорт – крутейшая штука, – сказал Кайоде. – Я бы хоть завтра свой британский на него обменял.

– Я б тоже, – сказала Йинка.

– Мне он чуть не достался-о, – сказал Обинзе. – Мне восемь месяцев было, когда родители свозили меня в Америку. Я все повторяю маме, что надо было ехать раньше и рожать меня там!

– Невезука, чувак, – сказал Кайоде.

– А у меня нет паспорта. Мы когда последний раз ездили, я к матери в паспорт был вписан, – сказал Ахмед.

– Я у матери в паспорте значился до третьего класса, когда отец сказал, что пора нам уже отдельные паспорта, – сказал Осахон.

– А я за рубеж вообще не выезжал, но отец обещал меня в университет отправить за границу. Подать бы прямо сейчас на визу, не дожидаясь, пока школу окончу, – сказал Эменике. Следом воцарилась полная тишина.

– Не бросай нас сейчас, погоди до окончания, – произнесла наконец Йинка, и они с Кайоде прыснули. Остальные тоже расхохотались, даже сам Эменике, но было за этим смехом колючее эхо. Они знали, что он врет: Эменике сочинял байки про своих богатых родителей, которых, всем известно, у него не было, – он совершенно утонул в нужде изобретать себе не свою жизнь. Разговор заглох, переключился на учителя математики, не знавшего, как решать системы уравнений.

Обинзе взял Ифемелу за руку, и они тихонько оставили компанию. Они это проделывали часто – незаметно уходили от друзей, садились в уголке в библиотеке или отправлялись гулять на улицу, за лаборатории. Они шли, и Ифемелу хотелось рассказать Обинзе, что она не понимает, как это – «вписан в паспорт к матери», что у ее матери и паспорта не было. Но Ифемелу ничего не сказала, шла рядом молча. Он в этой школе устроился даже лучше, чем она. Она была популярна, всегда во всех вечериночных списках, и на собраниях ее всегда называли в числе «первых трех» учеников у них в классе, и все же Ифемелу чувствовала, что окутана прозрачной дымкой чужеродности. Ее бы тут не было, если бы она не сдала так здорово вступительные экзамены, если бы ее отец не был упорно настроен отдать ее в школу, где «укрепляется и характер, и будущее». В начальной школе все было по-другому, полно детей вроде нее, чьи родители – учителя и госслужащие, ездившие на автобусе, и никаких шоферов в тех семьях не было. Ифемелу вспомнила удивление на лице Обинзе – удивление, которое он быстро скрыл, когда спросил: «Какой у тебя номер телефона?» – а Ифемелу ответила: «У нас нет телефона».

Сейчас он нежно сжимал ее руку. Восхищался ее прямолинейностью и тем, что она не такая, как все, но глубже увидеть, кажется, не мог. Находиться среди людей, ездивших за рубеж, для него было естественным. Обинзе свободно владел знаниями о всяких зарубежных штуках, особенно американских. Все тут смотрели американские фильмы и обменивались выцветшими американскими журналами, а он знал подробности жизней американских президентов столетней давности. Все смотрели американские сериалы, а он знал, что Лиза Боне уходит из «Шоу Козби» и будет сниматься в «Сердце ангела», и о том, что у Уилла Смита были громадные долги, прежде чем тот согласился сниматься в «Новоявленном принце Бель-

⁵¹ Правда? Верно? (*шгер. тиджси*).

Эйра»⁵². «Ты смотришься черной американкой» – таков был его высший комплимент, каким Обинзе одарил Ифемелу, когда она наряжалась в какое-нибудь миленькое платье или заплетала волосы в толстые косы. Манхэттен для него – вершина. Он часто повторял: «Это нам не Манхэттен» или «Съезди на Манхэттен, глянь, как там». Он дал ей «Гекльберри Финна», страницы помяты перелистыванием, она взялась читать прямо в автобусе, но через несколько глав бросила. Наутро с решительным стуком положила книгу ему на парту.

– Нечитаемый бред, – сказала она.

– Книга написана на разных американских диалектах, – сказал Обинзе.

– И что? Я все равно не понимаю.

– Нужно терпение, Ифем. Если правда разберешься, там интересно, не захочешь бросить.

– Я уже бросила. Пожалуйста, держи при себе свои «настоящие книжки» и предоставь мне читать то, что мне нравится. И кстати, я по-прежнему выигрываю в скрэбл, мистер Читай-настоящие-книжки.

Сейчас они входили в класс, и она высвободила ладонь из его пальцев. Когда б ни возникало у нее такое настроение, ее пронзало паникой из-за любой мелочи, и обыденные события становились судьбоносными. На сей раз детонатором оказалась Гиника: она стояла у лестницы с рюкзаком на плече, лицо позолочено солнцем, и Ифемелу внезапно подумала, сколько у Гиники и Обинзе общего. Дом Гиники при университете Лагоса, тихий коттедж, сад, заросший бугенвиллеей, возможно, походил на дом Обинзе в Нсукке, и она представила, как Обинзе вдруг осознает, до чего лучше ему подходит Гиника, и радость, это хрупкое, сверкающее нечто между Ифемелу и Обинзе, исчезнет.

* * *

Как-то раз утром после собрания Обинзе сказал ей, что его мама приглашает ее в гости.

– Твоя мама? – переспросила ошарашенная Ифемелу.

– Думаю, она хочет познакомиться со своей будущей невесткой.

– Обинзе, давай серьезно!

– Помню, в шестом классе я привел одну девушку на прощальную вечеринку, мама нас подвозила и подарила той девушке носовой платок. Сказала: «Леди носовой платок нужен всегда». Мама у меня бывает странной, *ша*⁵³. Может, хочет и тебе носовой платок выдать.

– Обинзе Мадувеси!

– Она раньше никогда такого не предлагала, но у меня и серьезной подруги раньше не было. Думаю, просто хочет познакомиться. Сказала, чтоб ты приходила на обед.

Ифемелу устала на него. Какая мать в своем уме пригласит девушку сына в гости? Странное дело. Само выражение «приходить на обед» – оно книжное. Если вы Парень и Девушка, в дом друг к другу вы не ходите, а записываетесь на продленку, во Французский клуб, куда угодно – чтобы видеться после школы. Ее родители, само собой, об Обинзе ничего не знали. Приглашение мамы Обинзе ее напугало и взволновало, она дни напролет ломала голову, как лучше одеться.

– Да просто будь собой, – сказала тетя Уджу, а Ифемелу ответила:

– Как же мне просто быть собой? Что это вообще значит?

⁵² «The Cosby Show» (1984–1992) – американский комедийный сериал на телеканале NBC; Лиза Мишель Боне (р. 1967) – афроамериканская актриса. «Angel Heart» (1987) – американский детектив и фильм ужасов, реж. Алан Паркер. «The Fresh Prince of Bel-Air» (рус. прокатное название «Принц из Беверли-Хиллз», 1990–1996) – американский комедийный сериал на телеканале NBC.

⁵³ Впрочем (*нигер. тиджси*).

И вот в один прекрасный день она все же отправилась в эти гости, простояла у двери квартиры сколько-то, пока собралась с духом и позвонила, внезапно пылко понадеявшись, что никого не окажется дома. Обинзе открыл.

– Привет. Мама только что пришла с работы.

В гостиной было просторно, на стенах никаких фотографий, одна лазоревая картина – портрет длинношейей женщины в тюрбане.

– Только это и наше. Остальное досталось вместе с квартирой.

– Мило, – промямлила Ифемелу.

– Не нервничай. Помни: она тебя сама позвала, – прошептал Обинзе, и тут появилась его мама.

Она походила на Оньеку Онвену, и сходство оказалось потрясающим: крупноногая, полнотелая красавица, круглое лицо обрамлено коротким афро, безупречная кожа глубокого коричневого тона какао. Музыка Оньеки Онвену была для Ифемелу в детстве источником светящейся радости, который не померк и позднее. Ифемелу навсегда запомнила день, когда отец пришел домой с новым альбомом «В свете зари»⁵⁴: лицо Оньеки Онвену на обложке стало откровением, и Ифемелу потом долго еще водила пальцем по этим чертам. Песни, когда б отец ни ставил эту пластинку, придавали квартире дух праздника, делали из отца человека более расслабленного, он подпевал этим песням, пропитанным женственностью, и Ифемелу виновато воображала, как отец женат на Оньеке Онвену, а не на ее матери. Приветствуя мать Обинзе словами «Добрый вечер, ма», Ифемелу почти готова была, что та запоет в ответ – голосом столь же несравненным, как у Оньеки Онвену. Но голос оказался низким, глухим.

– До чего красивое у тебя имя. Ифемелуamma, – сказала она.

Ифемелу несколько секунд стояла язык проглотив.

– Спасибо, ма.

– Переведи, – сказала она.

– Перевести?

– Да, как бы ты перевела свое имя? Обинзе говорил тебе, что я немного перевожу? С французского. Я преподаю литературу – не английскую, между прочим, а другие литературы на английском, а переводы – это у меня увлечение. Так вот, твое имя в переводе с игбо на английский означает примерно «Сделано в славные времена» или «Сделанное красиво» – или как ты думаешь?

Ифемелу думать не могла. Было в этой женщине что-то, понуждавшее Ифемелу говорить что-нибудь умное, а в голове – пусто.

– Мама, она пришла с тобой познакомиться, а не переводить свое имя, – сказал Обинзе с шутливым отчаянием.

– У нас есть что-нибудь попить для гостей? Ты суп вынул из морозилки? Пойдемте в кухню, – сказала мама. Она протянула руку и извлекла какую-то пылинку у него из волос, а затем отвесила ему легкий подзатыльник. От их привольной игривой манеры общения Ифемелу стало неловко. Все между ними было свободно, без страха последствий, совсем не такие у нее отношения с родителями.

Они готовили вместе: мама помешивала суп, Обинзе делал гарри⁵⁵, а Ифемелу подпирала стенку, потягивая колу. Она предложила помочь, но мама сказала:

– Нет, дорогая моя, может, в следующий раз, – словно не позволяла кому попало помогать на ее кухне. Она была милой и откровенной, даже радушной, но имелась в ней некая закрытость, нежелание обнажаться перед миром – то же и в Обинзе. Она научила сына уметь

⁵⁴ Оньека Онвену (р. 1952) – нигерийская певица, автор песен, актриса, журналистка, политический деятель. «In The Morning Light» – альбом 1984 г.

⁵⁵ Распространенное в Западной Африке блюдо, готовится из клубней маниоки.

уютно пребывать внутри себя самого даже в толпе. – Какие у тебя любимые романы, Ифемелунамма? – спросила мама. – Обинзе читает сплошь американские, знаешь, да? Надеюсь, ты не такая опрометчивая.

– Мамочка, ты просто пытаешься заставить меня полюбить эту книгу. – Он махнул рукой на лежавшее на столе издание – «Суть дела» Грэма Грина⁵⁶. – Моя мама перечитывает эту книгу дважды в год. Не знаю почему, – обратился он к Ифемелу.

– Это мудрая книга. Истории человеческих жизней лишь тогда имеют значение, когда выдерживают проверку временем. Американские книжки, которые ты читаешь, – они легкие. – Обернулась к Ифемелу: – Этот юноша слишком влюблен в Америку.

– Я читаю американские книжки, потому что за Америкой будущее, мамочка. И не забывай: твой супруг получил там образование.

– В те поры в Америку ездили учиться одни болваны. Считалось, что американские университеты на том же уровне, что британские старшие классы. Я того мужчину изрядно пообтесала, с тех пор как мы поженились.

– И несмотря на это ты оставляла свои вещи у него в квартире, чтобы отвадить других девушек?

– Я тебе говорила пропускать мимо ушей, что тебе там твой дядя плетет.

Ифемелу слушала заворуженно. Мать Обинзе, ее прекрасное лицо, ее ученость, белый фартук в кухне – ничего общего ни с одной известной Ифемелу матерью. По сравнению с ней ее отец – неуч, со всеми его чересчур громоздкими словами, а мама – мелкая провинциалка.

– Руки можешь помыть над раковиной, – сказала ей мама Обинзе. – Кажется, вода еще есть.

Все сели за обеденный стол, поели гарри с супом, Ифемелу изо всех сил старалась, следуя заветам тети Уджу, «быть собой», хотя все еще не понимала, что это «собой» означает. Она казалась себе недостойной, не способной проникнуться вместе с Обинзе и его матерью духом этого дома.

– Суп очень славный, ма, – сказала она вежливо.

– О, это Обинзе готовил, – сказала мама. – Он тебе говорил, что умеет готовить?

– Да, но я не думала, что он способен сварить суп, ма, – отозвалась Ифемелу.

Обинзе ухмылялся.

– А ты дома готовишь? – спросила мама.

Ифемелу хотела соврать, сказать, что готовит и любит это занятие, но вспомнила слова тети Уджу.

– Нет, ма, – выговорила она. – Мне не нравится готовить. Я бы «Индоми»⁵⁷ ела кругло-суточно.

Мама рассмеялась, словно очарованная прямоотой Ифемелу, и, когда смеялась, походила на Обинзе, только лицом помягче. Ифемелу ела поданное медленно, размышляя, как желала бы остаться тут с ними, в этом их обаянии, навеки.

* * *

По выходным, когда мать Обинзе пекла, в их квартире пахло ванилью. На пироге поблескивали кусочки манго, маленькие бурые кексы наполнились изюмом. Ифемелу разводила масло и чистила фрукты. У нее дома мама не пекла, а духовку обжили тараканы.

⁵⁶ Грэм Грин (1904–1991) – английский прозаик, сотрудник британской разведки (в 1940-х); «The Heart of the Matter» (1948).

⁵⁷ «Indomie» (с 1972) – индонезийская марка лапши быстрого приготовления, в широкой продаже в т. ч. и в Нигерии.

– Обинзе только что сказал «задок», ма. Он сказал, оно лежит в задке вашей машины, – сказала Ифемелу. В их американо-британских стычках она всегда была на стороне его мамы.

– Задок – это у тапочек, а не у автомобиля, мой дорогой сын, – отозвалась его мама. Когда Обинзе произносил «коришневый» с «ш», его мама обращалась к Ифемелу: «Ифемелуamma, прошу тебя, передай моему сыну, что я не говорю по-американски. Пусть он, пожалуйста, скажет все то же самое по-английски».

После обеда они смотрели фильмы в видеозаписи. Садилась в гостиной, вперялись в экран, и Обинзе говорил:

– Мамуля, *челу*⁵⁸, дай послушать, – когда его мама время от времени комментировала убедительность той или иной сцены, или предвосхищала события, или рассуждала вслух, в парике кто-нибудь или нет. Как-то в воскресенье посреди кино мама ушла в аптеку – за лекарством от аллергии.

– Я забыла, что они сегодня закрываются рано, – сказала она.

Не успел завестись ее двигатель – с глухим ревом, – как Ифемелу с Обинзе ринулись к нему в спальню и рухнули на кровать, целуясь и ласкаясь, закатывая одежду, сдвигая ее, стаскивая наполовину. Теплая кожа. Дверь и форточка открыты, оба чутко прислушивались, не возвращается ли мамина машина. Заслышав ее, оба в считанные секунды оправились, вернулись в гостиную, нажали на «воспр.» видеоманитофона.

Мама Обинзе вошла и глянула на экран.

– Когда я уезжала, была та же сцена, – сказала она тихо. Пала ледяная тишина, даже по фильму. А затем в окно всплыли вопли торговки фасолью. – Ифемелуamma, идем со мной, – произнесла мама, направляясь в глубь квартиры.

Обинзе привстал, но Ифемелу остановила его.

– Не надо, она позвала меня.

Его мама пригласила ее к себе в спальню, попросила присесть на кровать.

– Если между тобой и Обинзе что-то произойдет, ответственность на вас обоих. Но природа несправедлива к женщинам. Дело делается двоими, а если возникают последствия – бремя только на одном. Понимаешь?

– Да. – Ифемелу упорно отводила взгляд, вперяла его в черно-белый линолеум.

– Вы с Обинзе занимались чем-то серьезным?

– Нет.

– Я тоже была молода. Я знаю, каково это – влюбиться в юности. Хочу дать тебе совет. Я осознаю, что в конце концов ты поступишь, как сочтешь нужным. Мой совет: погоди. Можно любить, не занимаясь любовью. Это прекрасный способ явить свои чувства, но с ним приходит ответственность, громадная ответственность, и торопиться незачем. Советую тебе подождать, пока вы по крайней мере не поступите в университет, подождать, пока не станешь самой себе хозяйкой чуть побольше. Понимаешь?

– Да, – сказала Ифемелу. Она не понимала, что означает «быть самой себе хозяйкой».

– Я знаю, что ты умная девочка. У женщин здравого смысла больше, чем у мужчин, и тебе придется быть здравомыслящей. Убеди его. Вы оба должны договориться, что подождете, что спешки нету.

Мама Обинзе умолкла, и Ифемелу задумалась, договорила ли она. Тишина звенела у нее в голове.

– Спасибо, ма, – сказала Ифемелу.

– А когда решите начать, я хочу, чтобы ты пришла ко мне. Хочу знать, что ты ответственная.

⁵⁸ Здесь: Погоди (*игбо*).

Ифемелу кивнула. Она сидела на кровати матери Обинзе, в спальне у этой женщины, кивая и соглашаясь доложить ей, когда она начнет заниматься сексом с ее сыном. Но стыда в ней при этом не было. Вероятно, все дело в тоне мамы, в том, какой он ровный, какой нормальный.

– Спасибо, ма, – повторила Ифемелу, поглядев наконец маме в лицо – открытое, ничем не отличавшееся от того, каким оно было обычно. – Я приду.

Она вернулась в гостиную. Обинзе вроде бы нервничал, сидел на краю журнального столика.

– Прости, пожалуйста. Я с ней поговорю, когда ты уйдешь. Пусть со мной беседует, если надо.

– Она сказала, чтоб я больше никогда сюда не являлась. Что я веду ее сына по кривой дорожке.

Обинзе сморгнул.

– Что?

Ифемелу рассмеялась. Позднее изложила ему, о чем они говорили с его матерью, и он покачал головой.

– Мы должны ей доложить, когда начнем? Это еще что за чепуха? Она, может, и презервативы нам покупать будет? Чего она вообще?

– Да кто тебе сказал, что мы когда-нибудь что-нибудь начнем?

Глава 6

На неделе тетя Уджу спешила домой – ополоснуться в душе и ждать Генерала, а по выходным слонялась в ночнушке, читала, готовила или смотрела телевизор, потому что Генерал уезжал в Абуджу к жене и детям. Она избегала солнечных лучей и натиралась кремами из изящных флаконов, чтоб кожа у нее, и так-то от природы светлая, сделалась еще светлее, здоровее и блестела. Иногда, когда она раздавала указания своему шоферу Соле, или садовнику Бабе Цветику, или двум своим домработницам – уборщице Иньянг и кухарке Чикодили, – Ифемелу вспоминала тетю Уджу, деревенскую девушку, привезенную в Лагос много лет назад, на которую мать Ифемелу безобидно жаловалась, что та, дескать, слишком дремучая, все время стены трогает, – на ногах, что ли, эти деревенские люди стоять не могут, не повозив ладонями по стенке? Ифемелу размышляла, воспринимает ли себя тетя Уджу глазами той девочки, какой когда-то была. Вероятно, нет. Тетя Уджу обосновалась в своей новой жизни с легкостью, сам Генерал впитал ее в себя даже больше, чем ее новообретенное богатство.

Ифемелу, впервые посетив тетин дом в «Дельфине», не хотела уезжать оттуда. Ванная заморозила ее: кран с горячей водой, напор струи в душе, розовый кафель. Занавески в спальне из грубого шелка, и Ифемелу сказала тете Уджу:

– А, а, зряшная трата ткани – на занавески! Давай из них платье сошьем.

В гостиной стеклянные двери разъезжались и закрывались бесшумно. Даже в кухне кондиционер. Ифемелу хотела здесь жить. Друзья бы обалдели: она вообразила, как они сидят в маленькой комнате по соседству с гостиной, которую тетя Уджу называла «телекомнатой», и смотрят программы по спутниковому каналу. И она попросила родителей отпустить ее к тете Уджу пожить в будни.

– От нее до школы ближе, не придется ездить на двух автобусах. Я бы уезжала в понедельник и возвращалась в пятницу, – сказала Ифемелу. – Я бы тете Уджу по дому помогала.

– Насколько я понимаю, у тети Уджу достаточно помощников, – проговорил отец.

– Хорошая мысль, – сказала мама отцу. – Там ей будет удобно учиться, по крайней мере каждый день свет есть. Не придется домашние задания делать при керосине.

– Пусть навещает Уджу после школы и по выходным. Но жить там она не будет, – сказал отец.

Мама примолкла, оторопев от его решительности.

– Ладно, – сказала она, бросив на Ифемелу беспомощный взгляд.

Дулась Ифемелу долго. Отец часто баловал ее, потакая в ее капризах, но в этот раз он не обращал внимания на ее обиду, ее нарочитую молчанку за обеденным столом. Делал вид, что не заметил, когда тетя Уджу привезла им новый телевизор. Сидел на потрепанном диване, читал потрепанную книгу, пока шофер втаскивал бурую коробку «Сони». Мама Ифемелу запела церковную песню – «Господь подарил мне победу, вознесу его еще выше», ее часто пели при сборе денег после службы.

– Генерал привез больше, чем мне в доме нужно. Этот некуда было ставить, – пояснила тетя Уджу, не обращая ни к кому в отдельности, пытаясь отмахнуться от благодарностей. Мама открыла коробку, бережно вытащила пенопластовые прокладки.

– Наш старый-то уже ничего и не показывает, – сказала она, хотя все знали, что вполне еще показывает. – Ты посмотри, какой он тоненький! – добавила она. – Ты глянь!

Отец оторвался от книги.

– Да, верно, – сказал он и опустил взгляд.

* * *

Вновь заходил хозяин. Вломился в квартиру, проскочил мимо Ифемелу в кухню, добрался до щитка, выдернул провод и отрезал их от того небольшого электричества, какое им перепало.

Когда он ушел, отец проговорил:

– Вот же хамство. Требовать с нас плату за электричество за два года. Мы год оплатили.

– Но само жилье-то – нет, – сказала мама, в тоне – тончайший упрек.

– Я поговорил с Акунне о займе, – сказала папа. Акунне, папин почти двоюродный брат, ему не нравился. То был зажиточный человек из его родного города, к кому все таскались со своими бедами. Отец называл Акунне дремучим чурбаном, транжирой.

– И что он сказал?

– Сказал, чтоб я заглянул в следующую пятницу. – Пальцы у папы дрожали – казалось, он подавляет в себе некий порыв. Ифемелу быстро отвела взгляд, надеясь, что он не видел, как она за ним наблюдает, и попросила объяснить один трудный вопрос из домашнего задания. Чтобы отвлечь его, чтобы показалось, будто жизнь еще могла состояться.

* * *

Отец не просил тетю Уджу о помощи, но если тетя Уджу предлагала деньги, то не отказывался. Все лучше, чем быть в долгу у Акунне. Ифемелу рассказала тете Уджу, как хозяин стучал к ним в квартиру – громко, даже чересчур, в угоду соседям – и швырялся оскорблениями в отца.

– Ты не мужик, что ли? А ну плати мои деньги. Я тебя вышвырну из квартиры, если до следующей недели не заплатишь!

Ифемелу изобразила хозяина, и по лицу тети Уджи скользнула призрачная печаль.

– Как этот никчемный человек может позорить моего брата? Я попрошу Огу дать мне денег.

Ифемелу замерла.

– У тебя нет денег?

– Мой счет почти пуст. Но Ога мне даст. Ты в курсе, что мне не платили зарплату с самого начала работы? Каждый день у бухгалтеров новая история. Все началось с того, что моей должности и не существует официально, хотя я ежедневно принимаю пациентов.

– Но врачи же бастуют, – возразила Ифемелу.

– Военные госпитали платят все равно. Хотя заработков моих на такой съем не хватило бы, *ша*.

– У тебя нет денег? – переспросила Ифемелу медленно, чтобы окончательно прояснить, чтобы убедиться. – А, а, тетя, но как так можно – без денег-то?

– Ога мне больших денег никогда не дает. Он платит по всем счетам и хочет, чтобы я просила все, что мне нужно. Некоторые мужчины – они такие.

Ифемелу вытаращилась. Тетя Уджу, у нее большой розовый дом с громадной спутниковой тарелкой, торчащей на крыше, у нее в генераторе дизтоплива под завязку, у нее холодильник забит мясом – и при этом никаких денег на счете.

– Ифем, не надо такое лицо, будто кто-то умер! – Тетя Уджу рассмеялась с обычной ехидцей. Посреди завалов этой ее новой жизни она вдруг показалась маленькой и растерянной – палевый ларчик для украшений на туалетном столике, шелковое платье, брошенное на постель, – и Ифемелу стало за нее боязно.

* * *

– Он дал мне даже больше, чем я попросила, – сказала тетя Уджу Ифемелу в следующие выходные, чуть улыбнувшись, будто позабавленная поступком Генерала. – После парикмахерской поедем домой, отдам брату.

Ифемелу оторопела, узнав, во сколько обходилось тете Уджу выпрямление волос в салоне; высокомерные парикмахерши примеривались к каждой входящей клиентке, скользили взглядами с макушки до пят, решая, сколько внимания уделить той или иной. Вокруг тети Уджу они увивались и суетились, присаживались в поклоне, приветствуя, воспевали ее сумочку и туфли. Ифемелу замороженно наблюдала. Здесь, в лагосской парикмахерской, разные чины имперской женственности проявлялись отчетливее всего.

– Ох уж эти девицы. Я все ждала, что они возденут руки и начнут умолять, чтоб ты погадила и позволила им поклоняться и этому, – сказала Ифемелу, когда они ушли из салона.

Тетя Уджу расхохоталась и огладила шелковистые накладные пряди, спадавшие ей на плечи, – китайские, последняя модель, блестящие, прямее некуда, и никогда не перепутываются.

– Знаешь, мы живем в подхалимской экономике. Величайшая беда этой страны – не коррупция. Беда в том, что есть много квалифицированных людей, занятых не тем, чем должны бы, потому что они никому не лизут задницу, или не знают, какую задницу лизнуть, или даже не знают, как это – лизать задницу. Мне повезло – я лизу правильную задницу. – Она улыбнулась. – Простая удача. Ога сказал, что я хорошо воспитана, что я не то что прочие лагосские девицы, которые спят с ним с первой же ночи, а наутро выдают список, что он им должен купить. Я тоже переспала с ним сразу, но ни о чем не попросила – вот дура, если вдуматься, – но спала я с ним не потому, что мне от него что-то надо. Ах эта штука под названием власть. Меня влекло к нему, хоть у него зубы, как у Дракулы. Меня притягивала его власть.

Тете Уджу нравилось говорить о Генерале, разные варианты одной и той же истории, повторенные, обсмакованные. Ее шофер донес ей – она завоевала его благодарностью, организовав его жене дородовые осмотры и прививки ребенку, – что Генерал велел докладывать ему, подробно, сколько времени и где Уджу проводит, и всякий раз, когда рассказывала об этом, тетя Уджу вздыхала в конце:

– Неужели он думает, что я не смогу видетсья с другим мужчиной втайне от него, если пожелаю? Я просто не желаю.

Они сидели в холодной утробе «мазды». Шофер выезжал с территории парикмахерской, тетя Уджу поманила привратника, выкрутила окно вниз и дала ему немного денег.

– Спасибо, мадам! – сказал он и козырнул.

Она совала найровые банкноты всем работникам салона, охранникам на входе, полицейским на перекрестках.

– С их зарплат и одному-то ребенку школу не оплатишь, – приговаривала тетя Уджу.

– Этих грошей, которые ты им подаешь, на школьную оплату не хватит, – возражала Ифемелу.

– Зато он позволит себе какую-нибудь мелочь, у него улучшится настроение, и он сегодня вечером жену не станет колотить, – возразила тетя Уджу. Посмотрела в окно и сказала: – Тормози, Сола, – захотела хорошенько рассмотреть аварию на Осборн-роуд⁵⁹: автобус влетел в автомобиль, передок автобуса и зад машины всмятку, оба водителя верещат друг на друга, их разделяет растущая толпа. – Откуда эти люди? Откуда они берутся, когда авария? – Тетя Уджу

⁵⁹ Одна из центральных улиц о. Лагос.

откинулась на сиденье. – Знаешь, я уже и забыла, что такое ездить на автобусе. Так легко ко всему этому привыкаешь.

– Дойди до Фаломо⁶⁰ да сядь в автобус, – сказала Ифемелу.

– Это не то же самое. И никогда уже не будет, раз есть другие варианты. – Тетя Уджу посмотрела на нее: – Ифем, брось тревожиться за меня.

– Я и не тревожусь.

– Ты тревожишься с тех пор, как я тебе сказала о своем счете.

– Если б так себя вел кто-то другой, ты бы сказала, что она дура.

– Я бы даже тебе не советовала так поступать. – Тетя Уджу отвернулась к окну. – Он изменится. Я заставлю его измениться. Нужно просто не торопиться.

Дома тетя Уджу вручила папе пластиковый пакет, набитый наличными.

– Плата за квартиру, за два года, брат, – сказала она со стеснительной небрежностью и пошутила на тему дырки у него на майке. В лицо ему она не смотрела, пока говорила, а он – ей, пока благодарил.

* * *

У Генерала были пожелтевшие глаза, что навело Ифемелу на мысль о его детстве впроголодь. Крепкое коренастое тело говорило о драках, которые он сам затевал и выигрывал, а торчавшие из-под губ зубы придавали ему смутно угрожающий вид. Его веселое мужланство Ифемелу удивило.

– Я деревенский мужик! – объявил он радостно, словно извиняясь за капли супа, летевшие ему на рубашку и на стол, когда он ел, или за громкую отрыжку после. Он приезжал вечерами, облаченный в зеленый мундир, при нем – один-два бульварных журнальчика, а его адъютант, услужливо семеня следом, нес чемоданчик и клал его на обеденный стол. Журнальчики Генерал забирал с собой редко, и экземпляры «Винтажных», «Первых людей» и «Лагосской жизни» захламляли квартиру тети Уджу, сплошь размытые фотоснимки и кричащие заголовки.

– Знала бы ты, чем эти люди занимаются, э, – приговаривала тетя Уджу, постукивая наманикюренным ноготком по журнальной фотографии. – Их настоящие истории – они даже не в журналах. Ога – вот кто суть-то знает. – И она рассказывала о каком-нибудь мужчине, занимавшемся сексом с каким-то большим генералом, чтоб получить доступ к нефти, или о том, что к главе государства еженедельно возят самолетом заграничных проституток. Она пересказывала эти байки с восторженным весельем, словно думала, будто осведомленность Генерала о гнусных сплетнях – обаятельный и простительный каприз. – Ты знаешь, он боится уколов? Целый Генерал командования, а при виде иглы пугается! – сказала тетя Уджу тем же тоном. С ее точки зрения, это было очаровательно.

Ифемелу не в силах была усмотреть в Генерале очарование – с этими его шумными неотесанными манерами, в том, как он шлепал тетю Уджу по заду, когда они отправлялись наверх, приговаривая: «Это все мне? Это все мне?» И как он болтал и болтал, не обращая внимания ни на какие попытки его перебить, пока не досказывал до конца. Одна из его любимых баек, он часто повторял ее Ифемелу, попивая «Звезду»⁶¹ после ужина, – о том, до чего тетя Уджу не такая, как все. Он излагал ее самодовольным тоном, словно эта ее отличность от других отражала его хороший вкус.

– Когда я впервые сказал ей, что собираюсь в Лондон, и спросил, чего она хочет, она выдала мне список. Я, не глядя, сказал, дескать, знаю, чего ей надо. Духи, туфли, сумочку, часы,

⁶⁰ Микрорайон на о. Лагос.

⁶¹ «Stag» (1949) – одна из старейших марок нигерийского пива.

тряпки небось? Видал я лагосских девушек. Но знаешь, что там было? Одни духи и четыре книги! Потрясающе. *Чаи*⁶². Я битый час проторчал в книжной лавке на Пикадилли. Купил ей двадцать книжек! Ну какая еще лагосская лялька книжек попросит?

Тетя Уджу смеялась, ни с того ни с сего по-девичьи податливо. Ифемелу прилежно улыбалась. Думала, что это недостойно и безответственно: этот старый женатый мужчина рассказывает истории про тетю Уджу – будто показывает нечистое нижнее белье. Она пыталась смотреть на него глазами тети Уджу – как на человека чудесного, человека, искушенного в земных удовольствиях, – но у нее не получалось. Ифемелу сознавала легкость бытия, радость тети Уджу по будням – сама она чувствовала себя так же, ожидая встречи с Обинзе после школы. Но с тетей Уджу и Генералом было иначе, неправильно, зря тетя Уджу чувствует такое к Генералу. Бывший возлюбленный тети Уджу, Олуджими, был совсем другой – пригожий, с приятным голосом, весь неброско лощеный. Они были вместе почти все университетские годы, видишь их рядом – и сразу понимаешь, почему они вместе.

– Я из него выросла, – сказала тетя Уджу.

– Разве когда вырастаешь вот так, не переходишь к чему-то лучшему? – спросила Ифемелу. Тетя Уджу рассмеялась, будто это и впрямь шутка.

В день переворота близкий друг Генерала позвонил тете Уджу и спросил, не с ней ли он. В верхах начались волнения: кое-кого из военных чинов уже арестовали. Генерала у тети Уджу не оказалось, она не знала, где он, забегала вверх-вниз по своей двухуровневой квартире, растревожилась, бросилась звонить, но все без толку. Вскоре начала задыхаться, дышала с трудом. Паника переросла в приступ астмы. Она хватала ртом воздух, тряслась, воткнула себе в руку шприц, попыталась вколоть лекарство, капли крови запятнали белье, Ифемелу вылетела на улицу и замолотила в дверь соседки, у которой сестра тоже была врачом. Наконец Генерал позвонил и сообщил, что с ним все в порядке, переворот не состоялся и с главой государства все хорошо; тетя Уджу перестала трястись.

* * *

В мусульманский праздник, один из тех двухдневных, когда немусульмане в Лагосе говорили любому, кого можно было счесть мусульманином, обычно привратникам – выходцам с севера, «Счастливой Саллы»⁶³, а по НТВ без конца показывали, как люди режут баранов, Генерал пообещал заехать – впервые собирался провести официальный выходной с тетей Уджу. Все утро она проторчала в кухне, надзирая за Чикодили, время от времени громко напевала, была с Чикодили несколько фамильярнее обыкновенного, чуточку слишком поспешно смеялась с нею вместе. Наконец готовка завершилась, дом пропах специями и соусами, и тетя Уджу отправилась наверх принять душ.

– Ифем, иди сюда, помоги, пожалуйста, убрать у меня там волосы. Ога сказал, они ему мешают! – проговорила тетя Уджу, смеясь, а затем улеглась на спину, раскинула и задрала ноги повыше, подложив под себя старый бульварный журнал, и Ифемелу взялась за мыло для бритья.

Тетя Уджу покрывала лицо отшелушивающей маской, но тут позвонил Генерал и сообщил, что приехать уже не сможет. Тетя Уджу, с лицом упыря – белым как мел, кроме кожи у глаз, – положила трубку, отправилась в кухню и принялась убирать еду в пластиковые контейнеры, прятать в холодильник. Чикодили взирала растерянно. Тетя Уджу возилась лихорадочно, дергала ручку холодильника, хлопала дверками буфета и, толкнув котелок с джоллофом, сбила

⁶² Ну и ну; вот это да; ух ты (*нигер. тиджси*).

⁶³ Имеется в виду Ураза-байрам, праздник окончания поста в месяц Рамадан; Салла (Маленькая Салла) – название этого праздника на языке хауса, так его именуют, в частности, в Нигерии.

кастрюлю с эгуси⁶⁴ с плиты. Воззрилась на желтовато-зеленую массу, растекшуюся по кухонному полу, словно не понимая, как это случилось. Повернулась к Чикодили и заорала:

– Чего уставилась, будто муму?⁶⁵ Давай убирай это все!

Ифемелу наблюдала за всем этим с порога кухни.

– Тетя, кричать тут надо на Генерала.

Тетя Уджу замерла, глаза выпучены от бешенства.

– Ты со мной, что ли, так разговариваешь? Я тебе ровесница, что ли?

Тетя Уджу бросилась на нее. Ифемелу не ожидала, что тетя Уджу ее стукнет, но когда удар ладонью наотмашь все же прилетел Ифемелу в лицо и на щеке проступили следы от пальцев, со звуком, что донесся словно бы издалека, – не удивилась. Они вытаращились друг на друга. Тетя Уджу открыла рот, будто собралась что-то сказать, но промолчала и ушла наверх. Обе понимали, что теперь между ними кое-что будет по-другому. Тетя Уджу не спустилась вплоть до самого вечера, когда явились в гости Адесува и Уче. Она именовала их «подругами в кавычках». «Собираюсь в парикмахерскую с моими подругами в кавычках», – говаривала она, в глазах – тень смеха. Она знала, что подруги они ей лишь потому, что она любовница Генерала. Но они ее веселили. В гости приходили настойчиво, сравнивали свои соображения о покупках и путешествиях, просили ее ходить с ними на вечеринки. Странно это – что тетя Уджу знала о них и чего не знала, сказала она как-то раз Ифемелу. Знала, что у Адесувы есть земля в Абудже, подаренная ей, когда она встречалась с главой государства, и что один известный состоятельный человек из хауса купил Уче бутик в Сурулере⁶⁶, однако не знала, сколько у Адесувы или Уче братьев и сестер, где живут их родители, учились ли эти женщины в университетах.

Чикодили впустила их. На них были вышитые кафтаны, китайские накладные пряди струились по спинам, пряные духи, речь – сплошь матерая бывалость, смех отрывистый, ехидный. «Говорила я ему, покупал бы на мое имя-о. Знала ж, не даст он никаких денег, пока не скажешь, что кто-то заболел. Ну конечно, он не знает, что я счет в банке открыла». Они собирались на вечеринку Саллы на Виктории, зашли за тетей Уджу.

– Что-то мне не хочется, – сказала им тетя Уджу, пока Чикодили подавала апельсиновый сок, пакет на подносе, рядом два стакана.

– А, а. Чего это? – спросила Уче.

– Серьезные Большие Люди придут, – сказала Адесува. – Когда с кем-нибудь познакомишься – не угадать.

– Не хочу я ни с кем знакомиться, – отозвалась тетя Уджу, и все примолкли, будто каждой нужно было перевести дух: слова тети Уджу – порыв ветра, разметавший их предубеждения. Тетя Уджу должна желать знакомств с мужчинами, ушки на макушке, а Генерала считать вариантом, который можно обменять на лучший. Наконец одна из них, то ли Адесува, то ли Уче, сказала:

– Этот твой апельсиновый сок дешевой марки-о! Ты «Просто сок»⁶⁷ не покупаешь больше? – Тепловатая шуточка, но все рассмеялись – чтобы разрядить обстановку.

После того как они ушли, тетя Уджу подошла к обеденному столу, за которым Ифемелу читала.

⁶⁴ Джоллоф – рис, приготовленный с томатной пастой, распространенное блюдо в странах Западной Африки, исходно – с территории Сенегала. Суп эгуси – густой суп-пюре на основе сушеных и молотых семян тыквенных растений.

⁶⁵ Болван, тупица (*нигер. тиджин*).

⁶⁶ Район в континентальной части Лагоса.

⁶⁷ «Just Juice» – марка дорогого сока новозеландской компании «Фрукор» (осн. 1962).

– Ифем, я не знаю, что на меня нашло. *Ндо*⁶⁸. – Она взяла Ифемелу за запястье, а затем провела рукой, едва ли не созерцательно, по тисненому заголовку романа Сидни Шелдона. – Должно быть, я спятила. У него пивное пузо, зубы, как у Дракулы, жена, дети – и он старый.

Впервые в жизни Ифемелу почувствовала себя старше тети Уджу, мудрее и сильнее тети Уджу и пожалела, что не может вырвать ее из всего этого, встряхнуть и вернуть к прежней, с ясным зрением, к той, что не возлагает надежд на Генерала, раболепствуя перед ним, бреясь для него, вечно готовой ретушировать его недостатки. Так не должно быть. Ифемелу слегка позлорадствовала, когда позднее подслушала, как тетя Уджу кричит в трубку:

– Чепуха! Ты с самого начала знал, что собираешься в Абуджу, зачем я тогда тратила время на приготовления!

У торта, который наутро доставил шофер, с надписью голубой глазурью «Прости меня, любовь моя», было горькое послевкусие, но тетя Уджу несколько месяцев хранила его в морозилке.

* * *

Беременность тети Уджу грянула, как внезапный звук в ночной тиши. Она приехала к ним домой в исшитом блестящими бубу⁶⁹, сверкавшем на свету, блестящем, как струящееся небесное видение, и сказала, что хотела бы доложить обо всем родителям Ифемелу, пока они не узнают из сплетен сами.

– *Ади м име*⁷⁰, – сказала она просто.

Мать Ифемелу расплакалась – громко, театрально навзрыд, оглядываясь по сторонам, словно видела вокруг себя осколки собственной личной истории.

– Боже, за что ты оставил меня?

– Я не планировала, само случилось, – сказала тетя Уджу. – Забеременела от Олуджими, еще в университете. Сделала тогда аборт, больше не буду. – Слово «аборт», грубое и прямое, рубануло воздух в комнате, потому что все знали, чего недоговаривает мама: уж конечно есть способы с бедой тети Уджу управиться. Отец Ифемелу отложил было книгу, но тут вновь взял ее в руки. Откашлялся. Утешил жену.

– Ну, спрашивать о намерениях этого мужчины я не могу, – сказал он наконец тете Уджу. – А потому следует спросить о твоих намерениях.

– Буду рожать.

Отец подождал, пока она скажет еще что-нибудь, но тетя Уджу умолкла, и отец откинулся на спинку дивана, потрясенный.

– Ты взрослый человек. Не такое я тебе прочил, Обиануджу, но ты взрослая.

Тетя Уджу подошла и присела на подлокотник. Заговорила тихо, примиряюще, тоном странным из-за его обыденности, однако без фальши – собранно.

– Брат, я и себе такого не прочила, но так вышло. Прости, что разочаровываю тебя после всего, что ты для меня сделал, и умоляю меня простить. Впрочем, я эти обстоятельства использую изо всех сил. Генерал – ответственный человек. Он о своем ребенке позаботится.

Отец Ифемелу безмолвно пожал плечами. Тетя Уджу обняла его, словно утешение сейчас нужно было ему.

⁶⁸ Прости, извини (*игбо*).

⁶⁹ Один из вариантов названия просторного африканского одеяния в виде прямого платья до щиколоток с очень большими проймами, без вшитых рукавов.

⁷⁰ Я беременна (*игбо*).

* * *

Позднее эта беременность стала видаться Ифемелу символической. Она воплотила начало конца, из-за нее все далее казалось стремительным, месяцы спешили, время несло вперед. Тетя Уджу, вся в ямочках от жизнелюбия, лицо сияет, ум занят планами, живот выпирает. Раз в несколько дней она придумывала новое имя девочке.

– Ога счастлив, – говорила она. – Счастлив, что даже в его возрасте способен забить гол, хоть и старик!

Генерал стал заезжать чаще, иногда и по выходным, привозил ей грелки, травяные пилюли, всякое, что, по слухам, было полезно при беременности. Сказал ей:

– Конечно, рожать будешь за границей, – и спросил, где она предпочитает – в Америке или в Англии? Он хотел, чтоб в Англии, и тогда сможет поехать с ней: американцы запретили въезд высокопоставленным чинам из военного правительства. Но тетя Уджу выбрала Америку, чтобы ее ребенок мог получить там гражданство. Планы составлены, больница выбрана, мебелированный кондоминиум в Атланте снят.

– Что такое «кондоминиум» вообще? – спросила Ифемелу.

Тетя Уджу пожала плечами.

– Кто его знает, что американцы имеют в виду? Лучше у Обинзе спроси, он-то знает. Во всяком случае, это жилье. И у Оги там люди, они мне помогут.

Узнав от своего шофера, что жена Генерала прослышала о беременности и пришла в ярость, тетя Уджу несколько сдулась; похоже, произошла напряженная встреча его и ее родственников. Генерал о жене почти не говорил, но тетя Уджу знала достаточно: супруга Генерала, юрист, бросила работу, чтобы растить четверых его детей в Абудже, на газетных фотографиях смотрелась женщиной дородной и приятной.

– Знать бы, что она думает... – сказала тетя Уджу созерцательно.

Пока она была в Америке, Генерал велел выкрасить одну спальню в сияющий белоснежный. Приобрел детскую кроватку с ножками, словно изящные свечи. Накупил мягких игрушек и с избытком плюшевых мишек. Иньянг усадила их в ряд на кровати, нескольких пристроила на полку и, решив, что никто не заметит, одного забрала к себе в комнату. У тети Уджу родился мальчик. По телефону голос у нее был хмельной, восторженный:

– Ифем, он такой лохматый! Представляешь? Какая жалость!

Она назвала его Дике в честь своего отца и дала ему свою фамилию, из-за чего мама Ифемелу рассердилась и взъелась.

– У ребенка должна быть фамилия отца, или этот человек собирается отказаться от своего ребенка? – вопрошала мама, пока они все сидели в гостиной и усваивали новость об этом рождении.

– Тетя Уджу сказала, что проще дать ребенку ее фамилию, – сказала Ифемелу. – И он разве похож на человека, который отказывается от ребенка? Тетя Уджу сказала, что он даже поговаривал, будто придет платить за нее невестин выкуп.

– Не приведи Господи, – сказала мама, чуть ли не выплевывая слова, и Ифемелу вспомнила о жарких молитвах за наставника тети Уджу.

Мама, когда тетя Уджу вернулась, некоторое время пожила в «Дельфине» – мыла и кормила лепетавшее гладкокожее дитя, но с Генералом общалась холодно и официально. Отвечала ему односложно, будто он предал ее, нарушив правила ее притворства. Отношения тети Уджу приемлемы, а вот такое вопиющее их доказательство – нет. Дом пропах детской присыпкой. Тетя Уджу была счастлива. Генерал часто держал Дике на руках и то намекал, что ребенка надо еще раз покормить, то говорил, что надо бы вызвать врача – по поводу какой-нибудь сыпи на шее.

* * *

На праздник в первый день рождения Дике Генерал заказал живой оркестр. Всё устроили в саду, рядом с генераторной будкой, праздник длился до последнего гостя, все приглашенные – неспешные, объевшиеся, а еду им выдали и с собой, в фольге. Пришли и друзья тети Уджу, и друзья Генерала, лица у последних решительные, словно бы говорившие: к черту подробности, ребенок друга есть ребенок друга. Дике, недавно начавший ходить, ковылял между гостями в костюме и красном галстуке-бабочке, тетя Уджу – следом, все пыталась успокоить его на несколько секунд, чтобы сфотографироваться. Наконец он устал и расплакался, дергая себя за бабочку, Генерал взял его на руки и дальше ходил с ним. Именно образ Генерала и засел у Ифемелу в уме, Дике обнимает его за шею, лицо у Генерала сияет, зубы торчат в улыбке, а сам он приговаривает: «Так на меня похож-о, но, слава богу, зубы у него в маму».

Генерал погиб неделю спустя, при крушении военного самолета.

– В тот же день, в тот же самый день фотограф принес снимки с дня рождения Дике, – частенько повторяла тетя Уджу, рассказывая эту историю, словно в этом был некий особый смысл.

Был субботний вечер, Обинзе с Ифемелу сидели в телекомнате, Иньянг – наверху с Дике, тетя Уджу – на кухне с Чикодили, и тут зазвонил телефон. Ифемелу сняла трубку. Голос на том конце адъютанта Генерала, плохая трескучая связь, но ему все равно удалось разъяснить: авиакатастрофа случилась в нескольких милях от Джоса⁷¹, тела обуглило, уже ходили слухи, что это глава государства подстроил, чтобы избавиться от военных, собравшихся, как он боялся, устроить переворот. Ифемелу оторопело сжала трубку изо всех сил. Обинзе пришел в кухню вместе с ней и стоял рядом с тетей Уджу, пока Ифемелу повторяла слова адъютанта.

– Ты врешь, – сказала тетя Уджу. – Это ложь.

Она ринулась к телефону, словно не веря и ему тоже, а затем сползла на пол, бескостно, горестно, и заплакала. Ифемелу обнимала ее, укачивала, никто не понимал, что делать, и тишина между ее всхлипами казалась слишком тихой. Иньянг с Дике спустилась к ним.

– Мама? – произнес Дике растерянно.

– Унеси Дике наверх, – сказал Обинзе Иньянг.

В ворота замолотили. Двое мужчин и три женщины, родственники Генерала, вынудили Адаму открыть ворота и теперь стояли у входа и орали.

– Уджу! Пакуй вещички и выметайся сейчас же! И ключи от машины отдай!

Одна из женщин, костлявая, распаленная, красноглазая, визжала:

– Шлюха обыкновенная! Не дай бог тебе трогать собственность нашего брата! Проститутка! Не жить тебе спокойно в Лагосе! – С этими словами она стащила с головы шарф и повязала его на поясе, изготовившись к драке.

Поначалу тетя Уджу молча смотрела на них, замерев у порога. А затем попросила их уйти – хриплым от слез голосом, но вопли родственников лишь усилились, и тогда тетя Уджу собралась вернуться внутрь.

– Ладно, не уходите, – сказала она. – Стойте где стоите. Стойте, а я пойду позову своих ребят из казарм.

И лишь тогда они ушли, приговаривая: «Мы со своими ребятами вернемся».

Тетя Уджу продолжила плакать.

– У меня ничего нет. Все на его имя. Куда я с сыном подамся теперь?

Она сняла трубку и уставилась на нее, не понимая, кому бы ей позвонить.

– Позвони Уче и Адесуве, – сказала Ифемелу. – Уж *они-то* знают, что делать.

⁷¹ Сравнительно небольшой город в Средней Нигерии (в глубине страны).

Тетя Уджу так и сделала, нажав на кнопку громкой связи, оперлась о стену.

– Уезжай немедленно. Забери из дома все подчистую, – сказала Уче. – Быстро-быстро, пока его люди не вернулись. Вызови кран и забери генератор. Особенно генератор надо забрать.

– Я не знаю, где найти кран, – проямлила тетя Уджу с несвойственной ей беспомощностью.

– Мы тебе его устроим, быстро-быстро. Генератор надо забрать. Обеспечит тебе жизнь, пока не возьмешь себя в руки. Придется куда-нибудь уехать ненадолго, чтоб они тебе хлопот не наделали. Езжай в Лондон или в Америку. У тебя есть американская виза?

– Да.

Последние мгновения пролетели для Ифемелу как в тумане: Адаму говорит, что у ворот репортер из газеты «Горожане», Ифемелу и Чикодили запихивают вещи в чемоданы, Обинзе выносит все в фургон, Дике болтается под ногами и фыркает. В комнатах наверху невыносимо жарко: внезапно перестали работать кондиционеры, словно вместе решили воздать должное концу всего.

Глава 7

Обинзе хотел поступать в университет Ибадана из-за стихотворения.

Он прочитал это стихотворение Ифемелу – «Ибадан» Дж. П. Кларка⁷² – и помедлил на словах «текучий выплеск ржавчины и злата».

– Ты серьезно? – переспросила она. – Из-за этого стишка?

– Он такой красивый.

Ифемелу покачала головой с насмешливой, преувеличенной растерянностью. Но и она хотела в Ибадан, потому что там училась тетя Уджу. Они вместе заполнили анкеты ЕПК⁷³, сидя за обеденным столом, а мама Обинзе нависала над ними и приговаривала:

– Вы правильным карандашом заполняете? Все проверяйте как следует. Я слыхала о таких ошибках, уму непостижимо.

Обинзе сказал:

– Мамуля, мы с большей вероятностью заполним все без ошибок, если ты помолчишь.

– Нсукку, по крайней мере, пометьте как второй вариант, – сказала мама. Но Обинзе не хотел в Нсукку – хотел удрать от привычной жизни, а для Ифемелу Нсукка – глухомань и замшелость. И они вместе решили, что второй вариант – университет Лагоса.

Назавтра мама Обинзе упала в обморок в библиотеке. Ее обнаружил какой-то студент – простертой на полу, словно тряпица, на голове небольшая припухлость, и Обинзе сказал Ифемелу:

– Слава богу, что мы еще не подали анкеты в ЕПК.

– В смысле?

– Мама возвращается в Нсукку в конце этого семестра. Мне нужно быть рядом с ней. Врач сказал, что такое еще будет случаться. – Он примолк. – Сможем видетсья на длинных выходных. Я буду приезжать в Ибадан, а ты – в Нсукку.

– Ну ты и шутник, – сказала она ему. – *Бико*⁷⁴, я тоже выбираю Нсукку.

Такая перемена пришлась ее отцу по сердцу. Воодушевляет, по его словам, что она будет учиться в университете на землях игбо, всю жизнь перед этим проведя на западе страны. Мама же пригорюнилась. Ибадан всего в часе езды, а Нсукка – это целый день на автобусе.

– Ничего не день, мамуль, а семь часов, – возразила Ифемелу.

– И какая разница между днем и этим? – взъелась мама.

Ифемелу хотелось убраться из дома, хотелось независимости своего собственного времени, и ее утешало, что Раньинудо с Точи тоже собираются в Нсукку. Эменике – туда же, он спросил Обинзе, можно ли жить с ним в одной комнате, в мальчуковой части дома Обинзе. Обинзе согласился. Ифемелу это не понравилось.

– Есть в Эменике что-то... – сказала она. – Ну да ладно, лишь бы уходил, когда нам надо потолковать.

Позднее Обинзе спрашивал полувсерьез, не думает ли Ифемелу, что мамин обморок был намеренным, проделкой, чтобы удержать его рядом. Он еще долго рассуждал об Ибадане с тоской – пока не навестил тамошний студгородок во время турнира по настольному теннису, после которого вернулся и сказал ей робко:

– Ибадан напомнил мне Нсукку.

⁷² Джон Пеппер Кларк (р. 1935) – нигерийский поэт, драматург и публицист.

⁷³ Единая приемная комиссия (с 1978) – учреждение, отвечающее в Нигерии за прием в высшие учебные заведения страны.

⁷⁴ Я тебя умоляю; пожалуйста (*игбо*).

* * *

Отъезд в Нсукку означал, что Ифемелу наконец увидит дом Обинзе, коттедж на участке, заросшем цветами. Ифемелу представляла себе, как Обинзе рос, как ездил на велосипеде по холмистым улицам, как возвращался домой из начальной школы с ранцем и бутылочкой воды. И все же в Нсукке она терялась. Город казался ей слишком маленьким, пыль – слишком красной, люди – слишком довольными малостью собственной жизни. Но Ифемелу постепенно полюбила Нсукку, хоть любовь эта была поначалу неохотной. Из окна в ее общежитской комнате, где в пространстве на двоих было втиснуто четыре койки, ей был виден вход в Беллохолл⁷⁵. Высокие гмелины раскачивались на ветру, а под ними толпились торговцы, сторожили лотки с бананами и земляными орехами, окады⁷⁶ тесным рядком, мотоциклисты болтают и хохочут, но каждый держит ухо остро – на клиентов. Свой угол она обклеила ярко-голубыми обоями, а поскольку слыхала байки о сваргах между соседками по комнате – одна выпускница, поговаривали, вылила в шкафчик первокурснице керосин за то, что та показала ей «нахалкой», – считала, что ей с соседками повезло. Ей достались люди легкие, и вскоре Ифемелу уже делилась с ними и одалживала у них то, что быстро заканчивалось, – зубную пасту и порошковое молоко, лапшу «Индоми» и помаду для волос. По утрам она чаще всего просыпалась под рокот голосов из коридора – студенты-католики молились по четкам, и Ифемелу спешила в туалет – набрать воды себе в ведро, пока не перекрыли, и присесть на корточки в уборной, пока не лилось через край. Иногда Ифемелу опаздывала, уборные уже кишели опарышами, и тогда она шла домой к Обинзе; даже если его там не оказывалось, дверь ей открывала домработница Аугустина, и Ифемелу говорила:

– Тина-Тина, как оно? Я пришла попользоваться уборной.

Обедала она часто у Обинзе, или же они вместе отправлялись в город, к Оньекаозулу, садились на деревянные скамьи в сумраке ресторана, ели с эмалированных тарелок нежнейшее мясо и вкуснейшие похлебки. Время от времени Ифемелу оставалась на вечер у Обинзе на мальчуковой половине дома, валялась на его матрасе на полу, слушала музыку. Иногда танцевала в одном белье, виляла бедрами, а он подначивал ее, что, дескать, попа у нее маленькая:

– Тряхнуть бы, да нечем.

Университет был просторным и складчатым, там было где спрятаться, ой было где: Ифемелу не ощущала, что чужая здесь, поскольку был широкий выбор, с чем сродняться. Обинзе пошучивал, какая она уже популярная: у нее в комнате даже в первом семестре толпился народ, мальчишки с последнего курса заглядывали, рвались испытать удачу, пусть и висел у нее над подушкой громадный фотопортрет Обинзе. Эти ребята ее забавляли. Приходили, усаживались к ней на кровать и торжественно предлагали «показать ей студгородок», и она воображала, как те же самые слова в том же тоне они адресовали первокурснице в соседней комнате. Один, впрочем, был иным. Звали его Одеин. Его к ней в комнату занесло не лихорадкой первого семестра: он пришел обсудить с ее соседками дела студсоюза и после заглядывал навестить ее, поздороваться, иногда приносил с собой суюю, горячую, острую, обернутую промасленной газетой. Его общественничество удивляло Ифемелу: слишком он благовоспитанный, слишком крутой для студсоюза, – но это ее и впечатляло. У него были толстые, безупречно очерченные губы, одинаковые по толщине, что верхняя, что нижняя, губы вдумчивые и одновременно чувственные, и, когда он говорил: «Если студенты не объединены, нас никто не будет слушать», Ифемелу воображала, как целует его, в том же смысле, в каком она представляла себе что угодно, чем наверняка не стала бы заниматься. Это из-за него она участвовала в демонстрации

⁷⁵ Один из учебных корпусов Нсуккского университета.

⁷⁶ Мототакси, распространенные в Нигерии.

– и втянула Обинзе к тому же. Они выкрикивали: «Ни света! Ни воды!» и «Ректор козел!» – и оказались в конце концов вместе с ревущей толпой перед домом ректора. Били бутылки, подожгли чью-то машину, и тогда появился ректор – крошечный, втиснутый между двумя телохранителями – и заговорил в пастельных тонах.

Позднее мама Обинзе сказала:

– Я понимаю беды студентов, но мы – не враги. Враги – военные. Они нам месяцами зарплату не выдают. Как можно учить, если есть нечего?

Позднее по студгородку разлетелась новость, что преподаватели объявили забастовку, студенты собрались в фойе общежития, шетинясь от известного и неизвестного. Всё правда, подтвердил завобщежитием, все вздохнули, осмысляя внезапные нежеланные каникулы, и разошлись по своим комнатам – собирать вещи: общежитие назавтра закроют. Ифемелу услышала, как одна девушка рядом сказала:

– У меня нет десяти кобо домой доехать.

* * *

Забастовка затянулась. Ползли недели. Ифемелу, взвинченная, не находила себе места, каждый день слушала новости, надеясь узнать, что забастовка окончена. Обинзе звонил ей через Раньинудо: Ифемелу приходила за несколько минут до времени разговора и сидела у серого дискового аппарата, дожидаясь звонка. Она ощущала себя отрезанной от него, они жили и дышали в разных пространствах, он скучал и унывал в Нсукке, она скучала и унывала в Лагосе, и все прокисло от безделья. Жизнь стала скучным, затянутым фильмом. Мама спрашивала, не хочет ли Ифемелу ходить на занятия по шитью при церкви, чтобы хоть чем-то заняться, а отец сказал, что из-за таких вот бесконечных университетских забастовок молодежь подается в вооруженные бандиты. Забастовка стала общенародной, все друзья Ифемелу разъехались по домам, даже Кайоде – он вернулся на каникулы из своего американского университета. Она ходила по гостям и вечеринкам и жалела, что Обинзе не в Лагосе. Иногда Одеин, у которого была машина, забирал ее и катал, куда ей надо.

– Везет этому твоему другу, – говорил он, Ифемелу смеялась, заигрывала с ним. Все еще воображала, как это – целоваться с этим волооким, толстогубым Одеином.

Как-то раз в выходные Обинзе приехал и поселился у Кайоде.

– Что такое происходит с этим Одеином? – спросил Обинзе у Ифемелу.

– Что?

– Кайоде говорит, он тебя домой отвозил после вечеринки у Осахона. Ты мне не сказала.

– Забыла.

– Забыла...

– Я тебе говорила, что он меня подвозил недавно, правильно?

– Ифем, что происходит?

Она вздохнула:

– Потолок, ничего. Он мне просто любопытен. Ничего никогда не произойдет. Но мне любопытно. Тебе же любопытны другие девушки, верно?

Он смотрел на нее, глаза испуганные.

– Нет, – сказал он холодно. – Не любопытны.

– Давай по-честному.

– Я по-честному. Беда в том, что ты думаешь, будто все такие же, как ты. Думаешь, что ты – это норма, но все не так.

– В каком смысле?

– Ни в каком. Выброси из головы.

Он больше не хотел об этом говорить, но воздух меж ними потемнел и оставался возмущенным не день и не два, даже после того как Обинзе уехал домой, и потому, когда забастовка завершилась («Преподаватели завязали с этим! Слава богу!») – однажды утром проорала Четачи у них в квартире) и Ифемелу вернулась в Нсукку, они с Обинзе первые дни обращались друг с другом осторожно, разговаривали на цыпочках, обнимались урезанно.

Ифемелу удивилась, до чего соскучилась по самой Нсукке, по привычному неспешному ритму, по сборищам друзей у нее в комнате до глубокой ночи, по безобидным сплетням, повторенным не раз, по лестницам, по которым восходишь и нисходишь, будто постепенно просыпаясь, – и по утрам, выбеленным харматаном. В Лагосе харматан – это всего лишь вуаль дымки, а в Нсукке – ярящееся верткое присутствие: утра зябкие, ранние вечера пепельные от жара, а ночи неведомые. Пыльные вихри возникали вдали – очень красивые; они крутились, пока все вокруг не укрывалось бурым. Даже ресницы. Все жадно всасывало влагу: фанерное покрытие парт отставало и выгибалось наружу, хрустели страницы учебников, одежда высыхала через минуты после того, как ее вешали после стирки, губы растрескивались и кровоточили, все держали «Робб» и «Ментолатум»⁷⁷ под рукой, в карманах и сумках. Кожа у всех блестела от вазелина, а то, что намазать забывали – между пальцами или на локтях, – делалось тусклого пепельного цвета. Ветви деревьев оголяло вчистую, и в них, облетевших, появлялось некое гордое отчаяние. Базары у церкви питывали воздух ароматами, стелился дым обильной стряпни. В некоторые вечера жар ложился, как толстое полотенце. А в иные вечера прилетал резкий холодный ветер, Ифемелу бросала свою комнату в общежитии и, свернувшись рядом с Обинзе на матрасе, слушала, как воют снаружи казуарины, там, в мире, что внезапно уязвим и хрупок.

* * *

У Обинзе ломило мышцы. Он лежал на животе, Ифемелу сидела на нем верхом, массируя ему спину, шею и бедра – и пальцами, и костяшками кулаков, и локтями. Он весь был болезненно напряжен. Она встала на него, осторожно опустив стопу на тыльную сторону одного бедра, затем – другого.

– Нормально?

– Да. – Он стонал от приятной боли. Она нажимала понемногу, его кожа грела ей ступни, тугие узлы мышц расплетались. Она оперлась рукой о стену и вбуравила пятки поглубже, двигаясь по дюйму, а Обинзе кряхтел: – Ай! Ифем, да, вот там. Ай!

– Растяжки надо делать после игры в мяч, господин мужчина, – сказала она, ложась сверху ему на спину, щекоча подмышки и целуя в шею.

– У меня есть предложение о массаже получше, – сказал он. Раздевая ее, он не остановился, как прежде, на белье. Он снял и его, Ифемелу подняла ноги, помогая ему.

– Потолок, – сказала она неуверенно. Останавливать его не хотелось, но она представляла это иначе, решила для себя, что они сделают из этого тщательно продуманную церемонию.

– Я выну, – сказал он.

– Ты же знаешь, что это не всегда помогает.

– Не поможет – примем Младшенького.

– Перестань.

Он посмотрел на нее:

– Но, Ифем, мы же все равно поженимся.

– Ты глянь на себя. Я, может, встречу богатого красивого дядю и брошу тебя.

– Невозможно. Мы уедем в Америку, когда окончим учебу, и вырастим превосходных детей.

⁷⁷ «Mentholatum» (с 1894) – бальзам от кашля, разработанный одноименной американской компанией.

– Ты скажешь что угодно, потому что мозги у тебя сейчас между ног.

– Да они у меня всегда там!

Оба рассмеялись, а затем смех утих, уступил место новой, неведомой серьезности, скользкому единению. Для Ифемелу все оказалось блеклой копией, бессильной тенью того, что она себе про это навоображала. Он вышел из нее, содрогаясь, пытая и держась из последних сил, а ее снедало беспокойство. Ифемелу до самого конца была напряжена, не смогла расслабиться. Представляла себе, что за ними наблюдает его мать: этот образ навязался ей – и, что еще страннее, оказался двойным, мама и Онъека Онвену, обе смотрели за ними не мигая. Ифемелу знала: никак не сможет она рассказать матери Обинзе, что произошло, хотя и обещала, и верила, что сможет. Но теперь совершенно не понимала как. Что сказать? Какими словами? Ожидает ли мама Обинзе подробностей? Они с Обинзе должны были продумать все как следует, и тогда она бы знала, как об этом докладывать его матери. Внезапность произошедшего несколько потрясла ее – и немного разочаровала. Показалось, что оно в конечном счете того не стоило.

Когда через неделю с чем-то Ифемелу проснулась от боли – резкого жжения в боку и жуткой болезненной тошноты, охватившей все тело, – она запаниковала. Затем ее вырвало, и паника усилилась.

– Это случилось, – сказала она Обинзе. – Я беременна. – Они встретились, как обычно, у столовой Экпо после утренней лекции. Студенты шли мимо. Рядом курила и смеялась компания ребят, и на миг почудилось, что смеются они над ней.

Обинзе наморщил лоб. Он, казалось, не понимал, о чем она говорит.

– Но, Ифем, не может быть. Слишком рано. Кроме того, я же вышел.

– Я тебе говорила, это не помогает! – воскликнула она. Он внезапно показался ей маленьким растерянным мальчиком, и он беспомощно смотрел на нее. Паника Ифемелу возросла. Повинуясь внезапному порыву, она махнула проезжавшему мимо окаде, запрыгнула на багажник и велела мотоциклисту ехать в город.

– Ифем, что ты делаешь? – спросил Обинзе. – Куда ты?

– Звонить тете Уджу, – ответила она.

Обинзе сел на следующего окаду и вскоре нагнал ее, они прокатились мимо университетских ворот к конторе НИТЕЛ⁷⁸, где Ифемелу выдала человеку за облезлой конторкой бумажку с американским телефоном тети Уджу. Говорила Ифемелу шифрованно, придумывая шифр на ходу, – из-за людей, болтавшихся вокруг: кто-то ждал звонка, кто-то просто ошивался без дела, но все с бесстыжим открытым интересом слушали чужие разговоры.

– Тетя, думаю, то, что случилось с тобой, перед тем как явился Дике, случилось и со мной, – сказала Ифемелу. – Мы поели неделю назад.

– Всего неделю? Сколько раз?

– Один.

– Ифем, успокойся. Вряд ли ты беременна. Но надо сдать анализы. В студгородке в поликлинику не ходи. Езжай в город, где тебя никто не знает. Но сначала успокойся. Все будет хорошо, *инуго*?⁷⁹

Позднее Ифемелу сидела на шатком стульчике в приемной медлаборатории, окаменелая, безмолвная, не обращая внимания на Обинзе. Злилась на него. Несправедливо злилась – и понимала это, но все равно. Когда Ифемелу отправилась в грязный туалет с маленьким контейнером, который ей выдала местная девушка, он спросил, поднимаясь:

– Мне сходить с тобой?

Она рывкнула в ответ:

⁷⁸ Нигерийская телефонная компания.

⁷⁹ Слышишь? (*игбо*)

– Сходить со мной – зачем?

И ей захотелось стукнуть девчонку из лаборатории. Эта желтоликая дылда оскалилась и покачала головой, еще когда Ифемелу произнесла «анализ на беременность», будто у нее в голове не умещался этот очередной случай безнравственности. А теперь она смотрела на Ифемелу с Обинзе, ухмылялась и безобидно напевала себе под нос.

– Есть результат, – сказала она чуть погодя, протягивая незапечатанный в конверт листок, лицо разочарованное – отрицательный. Ифемелу поначалу слишком потрясло, и потому она не ощутила облегчения, а затем ей понадобилось еще раз помочиться. – Людям лучше уважать себя и жить по-христиански, чтоб не было беды, – сказала девушка им вслед.

В тот вечер Ифемелу опять вырвало. Она была в комнате у Обинзе, читала лежа, общалась с ним все еще ледяным тоном, и тут рот ей затопило соленой слюной, Ифемелу вскочила и помчалась в туалет.

– Должно быть, я что-то съела, – сказала она. – Ту ямсовую похлебку, которую я купила у Мамы Оверре.

Обинзе сходил в главный дом и вернулся со словами, что его мать повезет Ифемелу к врачу. Был поздний вечер, маме не понравился молодой врач, оказавшийся на дежурстве в медцентре, и она повезла Ифемелу домой к доктору Ачуфуси. Когда миновали начальную школу, окруженную подстриженными казуаринами, Ифемелу вдруг вообразила, что и впрямь беременна и что девушка в той сомнительной лаборатории применила просроченные реактивы. Она выпалила:

– У нас был секс, тетя. Один раз.

Почувствовала, что Обинзе напрягся. Мама посмотрела на нее в зеркальце заднего обзора.

– Давай сначала покажемся врачу, – сказала она.

Доктор Ачуфуси, добродушный приятный мужчина, прощупал Ифемелу бок и объявил:

– Это все ваш аппендикс, очень воспален. Нужно его срочно удалять. – И обратился далее к матери Обинзе: – Могу назначить ей операцию на утро.

– Спасибо вам большое, доктор, – сказала мама Обинзе.

В машине Ифемелу произнесла:

– Меня никогда не оперировали, тетя.

– Ерунда, – бодро отозвалась мама Обинзе. – У нас очень хорошие врачи. Сообщи родителям, скажи, пусть не волнуются. Мы о тебе позаботимся. Когда выпишут, поживешь у нас, пока не наберешься сил.

Ифемелу позвонила маминой коллеге, тете Бунми, и попросила передать маме сообщение – и домашний телефон Обинзе. В тот же вечер мама позвонила, голос у нее был задыхливый.

– Все во власти Божьей, моя драгоценная, – сказала мама. – Благодарим Господа за твою подругу. Благослови Боже и ее, и ее маму.

– Это он. Мальчик.

– Ой. – Мама примолкла. – Пожалуйста, поблагодари их. Господь их благослови. Мы первым же автобусом выезжаем завтра в Нсукку.

Ифемелу запомнила медсестру, жизнерадостно брившую ей лобок, грубое трение лезвия, запах антисептика. Потом была пустота, стертость в сознании, а когда она всплыла, пришибленная, все еще на грани памяти, услышала, как ее родители разговаривают с мамой Обинзе. Мама Ифемелу держала ее за руку. Позднее мама Обинзе пригласила их переночевать у нее дома – незачем тратить деньги на гостиницу.

– Ифемелу мне как дочка, – сказала она.

Перед отъездом родителей в Лагос отец сказал Ифемелу – с робким благоговением, какое питал к хорошо образованным людям:

– У нее первоклассный лондонский бакалавриат.

А мама добавила:

– Очень уважительный мальчик этот Обинзе. Хорошо воспитанный. И город их не так далеко от нас.

* * *

Мама Обинзе подождала несколько дней – возможно, давала Ифемелу набраться сил, – после чего позвала их обоих, усадила перед собой и попросила выключить телевизор.

– Обинзе и Ифемелу, люди совершают ошибки, но некоторых промахов можно избежать.

Обинзе молчал. Ифемелу сказала:

– Да, тетя.

– Вы обязаны всегда пользоваться презервативами. Если желаете вести себя безответственно – вы более не под моей опекой. – Тон у нее посуровел, сделался запретительным: – Если решили вести половую жизнь – решите и предохраняться. Обинзе, возьми карманные деньги и купи презервативы. Ифемелу, и ты. Мне нет дела до твоей стеснительности. Отправляйся в аптеку и купи. Никогда не предоставляй этому мальчику заботиться о твоей же безопасности. Если он не хочет пользоваться презервативами, значит, он недостаточно о тебе печется, и тогда тебе здесь не место. Обинзе, беременеть не тебе, но если это случится, в твоей жизни все изменится и ничего потом не исправишь. И я прошу вас обоих: пусть это будет строго между вами двоими. Болезни всюду. СПИД – это взаправду.

Все помолчали.

– Вы меня слышите? – спросила мама Обинзе.

– Да, тетя, – сказала Ифемелу.

– Обинзе? – переспросила мама.

– Мамуля, я тебя услышал, – произнес Обинзе и резко добавил: – Я не ребенок! – После чего встал и решительно вышел из комнаты.

Глава 8

Забастовки сделались постоянными. Университетские преподаватели перечисляли свои жалобы в газетах, сообщали о соглашениях, втоптаных в грязь людьми из правительства, у которых дети учились за рубежом. Студгородки пустовали, аудитории обезлюдели. Студенты надеялись, что забастовки будут недолгими, поскольку на то, что их не будет вовсе, надеяться не приходилось. Все разговоры – об отъезде. Даже Эменике уехал в Англию. Никто не понимал, как он раздобыл визу.

– Он даже тебе не сказал? – спросила Ифемелу у Обинзе, тот ответил:

– Ты ж знаешь Эменике.

У Раньинудо в Америке жила двоюродная сестра, Раньинудо подала документы на визу, но ей отказал черный американец, который, по ее словам, был простужен и куда увлеченнее сморкался, чем рассматривал ее бумаги. Сестра Ибинабо начала устраивать по пятницам Всеночные Чуда студенческой визы – собрания молодежи, у каждого в руках конверт с посольской анкетой, на которые сестра Ибинабо налагала благословляющую длань. Одна девушка, с выпускного курса университета Ифе⁸⁰, получила американскую визу с первой попытки, что, вся в слезах, засвидетельствовала в церкви.

– Даже если в Америке придется начинать заново, я по крайней мере буду точно знать, когда окончу, – сказала она.

В один из тех дней позвонила тетя Уджу. Объявлялась она теперь нечасто: прежде они разговаривали по телефону в доме Раньинудо, если Ифемелу была в Лагосе, или тетя Уджу звонила домой к Обинзе, если Ифемелу училась. Но эти разговоры поредели. Тетя Уджу вкалывала на трех работах – ее все еще не допускали до врачебной практики. Рассказывала об экзаменах, которые необходимо сдать, о всяких хлопотах, означавших всякое, чего Ифемелу не понимала. Когда б мама Ифемелу ни предлагала попросить тетю Уджу прислать им что-нибудь из Америки – мультивитамины, обувь, – отец Ифемелу отказывался: пусть тетя Уджу сначала встанет на ноги, а мама возражала с налетом ехидства в голосе, что четыре года – достаточный срок, чтоб встать на ноги.

– Ифем, *кеду*? – спрашивала тетя Уджу. – Я думала, ты в Нсукке. Только что звонила домой Обинзе.

– У нас забастовка.

– А, а! Не закончилась еще?

– Нет, та, последняя, закончилась, мы вернулись учиться, но началась следующая.

– Что за ерунда такая? – сказала тетя Уджу. – Вот честно, надо тебе ехать сюда и учиться тут, уверена, ты запросто получишь стипендию. И поможешь мне с Дике. Честное слово, то небольшое, что я зарабатываю, все уходит няньке. И боже ты мой, когда приедешь, я уже сдам все экзамены и начну врачебную практику. – Говорила тетя Уджу бодро, но расплывчато: пока сама про это не сказала – толком и не задумывалась.

Ифемелу, может, так бы этот разговор и оставила – мысль поплавала бы сколько-то да затонула, если б не Обинзе.

– Надо ехать, Ифем, – сказал он. – Терять тебе нечего. Сдавай SAT⁸¹ и пытайся добыть стипендию. Гиника тебе поможет с подачей документов. Есть тетя Уджу, хоть какая-то опора для начала. Мне бы так, но я не смогу просто взять да уехать. Лучше мне тут получить свою

⁸⁰ Университет Обафемии Аволово – государственный вуз федерального уровня, расположен в древнем городе Иле-Ифе, к северу от Ибадана. Обафемии Аволово (1909–1987) – нигерийский политик, традиционный вождь йоруба, один из создателей Конгресса профсоюзов Нигерии (1943), позже основал политическую партию «Группа действия».

⁸¹ SAT Reasoning Test (Scholastic Aptitude Test, Scholastic Assessment Test) – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения США.

первую степень, а затем ехать в Америку в магистратуру. Для магистратуры иностранным студентам можно получить финансовую поддержку.

Ифемелу не вполне поняла, что все это значит, но с виду складно, поскольку исходило от Обинзе, специалиста по Америке, который запросто произносил «магистратура» вместо «аспирантура». И она принялась мечтать. Вообразила себя в доме из «Шоу Козби», на занятиях, где у студентов учебники – о чудо – не потрепанные и не мятые. Сдала экзамены в одном из заведений в Лагосе, забитом тысячами людей, все бурлили американскими надеждами. Гиника, окончившая колледж, подавала анкеты в вузы от имени Ифемелу и звонила ей доложить:

– Ты имей в виду: я сосредоточиваюсь на районе Филадельфии, поскольку сама там училась. – Будто Ифемелу знала, где вообще эта Филадельфия. Для нее Америка – это Америка.

Забастовка завершилась. Ифемелу вернулась в Нсукуку, влилась в жизнь студгородка и время от времени грезила об Америке. Когда позвонила тетя Уджу и сообщила, что начали приходить письма о приеме и одно предложение стипендии, Ифемелу грезить перестала. Слишком боялась надеяться – все вдруг стало казаться возможным.

– Заплети тоненькие-тонюсенькие косички, чтоб хватило надолго, тут заплетаться очень дорого, – наказала тетя Уджу.

– Тетя, дай я визу получу сперва! – отозвалась Ифемелу.

Подавала документы на визу, не сомневаясь, что какой-нибудь грубиян-американец отвергнет ее анкету, как это часто случалось, но седовласая женщина с булавкой Общества св. Викентия де Поля⁸² на лацкане улыбнулась ей и произнесла:

– Приходите за визой через два дня. Удачи в учебе.

В тот вечер, когда забирала паспорт с бледной визой на второй странице, Ифемелу устроила парадную церемонию, знаменовавшую начало ее новой заграничной жизни, – раздел личного имущества среди подруг. Раньинудо, Прийе и Точи сидели у нее в спальне, попивая колу, на кровати горой высилась одежда, и все трое первым делом потянулись к ее оранжевому платью – любимому, подарку тети Уджу: в этом платье-трапеции с молнией от ворота до подола Ифемелу всегда ощущала себя утонченной и опасной. «Вот мне все просто-то», – говаривал Обинзе, медленно расстегивая его. Это платье Ифемелу хотелось оставить себе, но Раньинудо сказала:

– Ифем, ты же понимаешь, что в Америке заведешь себе какое пожелаешь платье, и когда мы снова увидимся, ты станешь серьезной американхой.

Мама сообщила, что Иисус поведал ей во сне, будто Ифемелу в Америке будет процветать, а отец сунул ей в руку тощий конвертик и сказал:

– Жалко, что больше нету. – И Ифемелу с печалью осознала, что он, скорее всего, эти деньги одолжил. На фоне всеобщего воодушевления она вдруг почувствовала себя вялой и напуганной.

– Может, лучше мне остаться и доучиться, – сказала она Обинзе.

– Нет, Ифем, надо ехать. Кроме того, тебе и геология-то не нравится. В Америке сможешь учиться чему-нибудь еще.

– Но стипендия не полная. Где я возьму денег, чтобы заплатить остаток? Работать мне по студенческой визе нельзя.

– Найдешь себе в вузе что-нибудь по программе «работай и учись». Разберешься. Семьдесят пять процентов скидки – не шутки.

Она кивнула, волна его веры несла ее вперед. Она навестила его маму – попрощаться.

⁸² Общество св. Викентия де Поля (с 1833) – международное католическое движение, занято благотворительной деятельностью, основано юристом и преподавателем Сорбонны блаженным Фредериком Озанамом (1813–1853). Св. Викентий де Поль (1581–1660) – католический святой, основатель конгрегации лазаристов и конгрегации дочерей милосердия.

– Нигерия выгоняет лучшие кадры, – смиренно проговорила мама Обинзе, обнимая Ифемелу.

– Тетя, я буду скучать. Спасибо вам огромное за все.

– Будь здорова, дорогая моя, успехов тебе. Пиши нам. Непременно оставайся на связи.

Ифемелу кивнула, на глазах слезы. Когда уходила, уже отодвинув занавеску на входной двери, услышала вслед:

– И вы с Обинзе всегда держите в голове план. Пусть обязательно будет план.

Ее слова, такие неожиданные и такие верные, взбодрили Ифемелу. План у них таков: он уедет в Америку в ту же минуту, как завершит учебу. Найдет способ добыть визу. Может, к тому времени Ифемелу уже сможет ему помочь.

В следующие годы, даже после того как связь с ним оборвалась, Ифемелу вспоминала слова его матери – «всегда держите в голове план», – и ее это утешало.

Глава 9

Мариама вернулась с запятнанными маслом бурными бумажными пакетами из китайского ресторана, таща за собой в душную парикмахерскую запах жира и специй.

– Кино кончилось? – Она глянула на пустой экран телевизора, покопалась в стопке дисков и извлекла еще один.

– Извините, пожалуйста, поем, – сказала Аиша Ифемелу. Присела на краешек стула в углу и принялась есть руками жареные куриные крылышки, уперев взгляд в телевизор. Новый фильм начался с трейлеров – грубо нарезанных сцен, перемежавшихся вспышками света. Каждой вдогонку звучал мужской голос нигерийца, нарочитый и громкий: «Срочно берите себе!» Мариама ела стоя. Сказала что-то Халиме.

– Я сначала закончу и ем, – ответила Халима по-английски.

– Если хотите – поешьте, – сказала клиентка Халимы, молодая женщина с высоким голосом и приятными манерами.

– Нет, я закончу. Мало-мало еще, – сказала Халима. На голове ее клиентки остался лишь клочок волос спереди, торчал, как звериный мех, а все остальное уже было заплетено опрятными микрокосичками, что ниспадали по шее.

– У меня еще час, а потом надо ехать за дочками, – сказала клиентка.

– У вас сколько? – спросила Халима.

– Две, – ответила клиентка. На вид – лет семнадцать. – Две красотки.

Началось новое кино. Экран заняло широко улыбавшееся лицо актрисы средних лет.

– О-о, да! Мне нравится она! – сказала Халима. – погоди! С ней шуток плохо!

– Вы ее знаете? – спросила Мариама у Ифемелу, показывая на экран.

– Нет, – ответила Ифемелу. Чего они заладили спрашивать, знает ли она голливудских актрис? В парикмахерской слишком воняло едой. Душный воздух смердел жиром, и все же из-за этого Ифемелу немного захотелось есть. Она погрызла свою морковку.

Клиентка Халимы покрутила головой перед зеркалом и сказала:

– Большое вам спасибо, роскошно!

Когда она ушла, Мариама сказала:

– Очень маленькая девочка, и уже двое детей.

– Ой-ой-ой эти люди, – сказала Халима. – Когда девочке тринадцать, она уже все позы знает. То ли дело в *Африке*!

– То ли дело! – согласилась Мариама.

Обе обратились взглядами к Ифемелу – за согласием, одобрением. Ждали его, в этом общем пространстве африканскости, но Ифемелу ничего не сказала и перелистнула страницу своего романа. Они и ее обсудят, несомненно, когда она уйдет. Эта нигерийская девица вся из себя важная из-за Принстона. Гляньте на ее пищевой батончик, настоящую еду уже не употребляет. Посмеются ехидно – однако насмешка будет мягкой: она же все равно им сестра-африканка, пусть и чуть заблудшая. Новая волна жирной вони затопила зал: Халима открыла свой пластиковый контейнер с едой. Она ела и разговаривала с телевизором:

– Ох, тупой человек! Она заберет твои деньги!

Ифемелу смахнула с шеи липкие волоски. В зале кипел жар.

– Можно дверь не закрывать? – спросила она.

Мариама открыла дверь, подперла ее стулом.

– Жара эта ужас дурная.

* * *

Каждый приход жары напоминал Ифемелу тот, первый, в лето ее приезда. В Америке лето, Ифемелу про это было известно, однако всю свою жизнь она думала, что «за рубежом» – холодное место шерстяных пальто и снега, а раз Америка – это «за рубежом», а заблуждения Ифемелу – сильнее некуда, никаким здравым смыслом их не развеешь, и потому она купила в поездку самую толстую кофту, какую смогла найти в «Теджуошо-маркете»⁸³. Надела ее в дорогу и, под гул моторов, застегнула ее в салоне самолета до самого горла, а расстегнула, когда они с тетей Уджу выбрались из здания аэропорта. Раскаленный зной смутил ее – смутила и старая пятидверная «тойота» тети Уджу с пятном ржавчины на боку и полопавшейся тканью сидений. Ифемелу тарасилась по сторонам, мимо летели дома, автомобили и рекламные щиты, все блеклые, разочаровывающе блеклые: в пейзажах ее воображения все будничное в Америке было покрыто глянцевым лаком. Но больше всего ее потрясло, когда она увидела у кирпичной стены подростка в бейсболке – голова склонена, тело подалось вперед, руки между ног. Обернулась глянуть еще раз.

– Ты видела того мальчишку! – воскликнула она. – Я не знала, что в Америке люди так делают.

– Ты не знала, что люди в Америке писают? – переспросила тетя Уджу, едва покосившись на мальчика, и продолжила смотреть на светофор.

– А, а, тетя! В смысле, что они на улице это делают. Вот так.

– Нет, не делают. Тут не как у нас дома, где все так поступают. Его за это арестовать могут, но тут и район не лучший, – коротко пояснила тетя Уджу.

Что-то в ней было иначе. Ифемелу заметила это сразу, еще в аэропорту: грубо заплетенные волосы, в ушах никаких серег, объятия быстрые, между делом, словно с их расставания не годы прошли, а неделя.

– Мне надо срочно к книгам, – сказала тетя Уджу, уперев взгляд в дорогу. – Экзамены на носу, сама понимаешь.

Ифемелу не знала, что впереди еще один экзамен, – думала, что тетя Уджу ждет результатов. Но сказала:

– Да, понимаю.

Их молчание весило немало. Ифемелу казалось, что ей надо извиниться, хотя не вполне понимала за что. Быть может, тетя Уджу жалела, что Ифемелу уже здесь, у нее в машине, приехала.

У тети зазвонил телефон.

– Да, это Юджу. – Она произнесла свое имя так, а не «Уджу».

– Ты теперь так себя называешь? – спросила Ифемелу погодя.

– Они меня так называют.

Ифемелу проглотила слова «Ну так это же не твое имя». Сказала вместо этого на игбо:

– Я не знала, что здесь так жарко.

– У нас волна жары, первая за лето, – сказала тетя Уджу, будто Ифемелу должно быть понятно, что это такое – «волна жары».

Никогда прежде зной не казался ей таким *жарким*. Обволакивающий, безжалостный зной. Ручка двери, когда они прибыли на место, оказалась теплой на ощупь. Дике вскочил с ковра в гостиной, заваленного игрушечными машинками и солдатиками, и обнял ее, будто помнил.

⁸³ Ультрасовременный торговый центр, расположенный в Йабе, небольшом городе в предместьях материковой части Лагоса.

– Альма, это моя двоюродная сестра! – сказал он нянечке, бледнокожей женщине с усталым лицом, черные волосы стянуты в хвост на затылке.

Если б Ифемелу повстречала Альму в Лагосе, решила бы, что та белая, но позднее узнала, что Альма – из латиноамериканцев, что в Америке, как ни странно, одновременно есть и этническая, и расовая принадлежность, и через много лет она вспомнила Альму, когда сочиняла для своего блога текст под названием «Как черному неамериканцу понять Америку: что такое “латиноамериканец”».

Латиноамериканцы – частые спутники черных американцев в рейтингах нищеты; они чуть выше черных американцев на расовой лестнице Америки. Это шоколаднокожая женщина из Перу, коренной житель Мексике. Это народ из Доминиканской Республики, на вид – принадлежащий к двум расам сразу. Это люди из Пуэрто-Рико, посветлее. Это и светлый голубоглазый парень из Аргентины. Достаточно быть испаноговорящим, но не из Испании, – и вуаля, твоя раса называется «латиноамериканец».

Но в тот вечер она почти не заметила ни Альму, ни гостиную, меблированную лишь диваном и телевизором, ни велосипед, прислоненный в углу, – ее захватил Дике. Последний раз она видела его в день поспешного отбытия тети Уджу из Лагоса, он тогда был годовалым малышом, беспрестанно ревел в аэропорту, словно понимал, какой переворот только что произошел в его жизни, и вот он, первоклассник, с безукоризненным американским выговором, бодрый донельзя: такой ребенок не усидит спокойно и минуты – и ему никогда не грустно.

– А чего ты в кофте? Тут слишком жарко! – сказал он, хихикнув, все еще держа ее в объятиях.

Она рассмеялась. Он такой кроха, такой невинный, и все же была в нем и зрелость не по годам, пусть и солнечная: никаких темных замыслов против взрослых в его мире он не вынашивал. В ту ночь, после того как он с тетей Уджу отправился спать, а Ифемелу устроилась на одеяле на полу, он сказал:

– Почему она спит на полу, мам? Мы все тут поместимся, – будто чувствовал, каково ей. Ничего плохого в такой договоренности не было – спала же Ифемелу на циновках, когда навещала бабушку в деревне, – но здесь наконец-то Америка, достославная Америка наконец-то, и Ифемелу не ожидала, что спать будет на полу.

– Все в порядке, Дике, – сказала она.

Он встал и принес ей свою подушку:

– Вот. Она мягкая и удобная.

Тетя Уджу сказала:

– Дике, иди сюда, ложись. Дай тете поспать.

Но Ифемелу не спалось, ум слишком бодрила новизна всего, и она дождалась, пока тетя Уджу не засопела, после чего выскользнула из комнаты и включила свет в кухне. Толстый таракан сидел на стене рядом со шкафчиками и слегка подрагивал, точно переводил дух. Будь она в кухне у них дома в Лагосе, она бы нашла веник и прибила его, но американского таракана трогать не стала, замерла у кухонного окна. Эта часть Бруклина называлась Флэтлендз, сказала тетя Уджу. Улицы внизу скверно освещены, по обочинам не деревья с густой листвой, а близко наставленные машины, совсем не как миленькие улочки в «Шоу Козби». Ифемелу простояла долго, тело не уверено в себе, напитано новизной. Но ощутила Ифемелу и трепет предвкушения, жажду открыть Америку.

* * *

– Думаю, лучше всего будет, если ты присмотришь летом за Дике и побережешь мне деньги на няню, а потом начнешь искать работу – когда окажешься в Филадельфии, – объявила тетя Уджу наутро. Она разбудила Ифемелу, по-быстрому объяснила, что к чему с Дике, и сказала, что после работы пойдет в библиотеку заниматься. Слова сыпались горохом. Ифемелу хотелось, чтобы тетя слегка сбавила обороты. – Со студенческой визой ты работать не сможешь, а «работать и учиться» – это чушь, заработок никакой, и тебе придется платить за жилье и покрывать разницу в стоимости учебы. Я потолковала кое с кем из друзей, не знаю, помнишь ли ты ее, – Нгози Оконкво? Она теперь американская гражданка и уехала ненадолго в Нигерию, начать свое дело. Я ее упростила – она тебе даст поработать по своей карточке соцобеспечения.

– Как? Я буду под ее именем? – спросила Ифемелу.

– Ну естественно, – сказала тетя Уджу, вскинув брови, будто едва не спросила Ифемелу, не дура ли она. У нее в волосах застряла белая капелька крема для лица, у самого основания одной косы, и Ифемелу собралась сказать ей об этом, но раздумала, промолчала, наблюдая, как тетя Уджу устремляется к двери. Упрек тети Уджу уязвил ее. Словно меж ними внезапно исчезла былая близость. Из-за раздраженности тети, из-за этой ее новообретенной колючести Ифемелу чудилось, будто есть много чего, что ей полагается уже знать, а она из-за каких-то личных промахов все никак не освоит. – Есть солонина, можешь сделать сэндвичи на обед, – сказала тетя Уджу, будто это в порядке вещей и не требовало шуточной присказки, что американцы едят хлеб на обед.

Но Дике не хотел сэндвич. Он показал Ифемелу все свои игрушки, они посмотрели несколько серий «Тома и Джерри», он хохотал от восторга, потому что она их все смотрела еще в Нигерии и рассказывала ему, что случится дальше, а потом Дике открыл холодильник и сказал, что нужно приготовить.

– Хот-доги.

Ифемелу осмотрела интересные длинные колбаски и принялась заглядывать в буфет в поисках масла.

– Mamочка говорит, чтоб я звал тебя тетя Ифем. Но ты же мне не тетя. Ты мне двоюродная сестра.

– Ну и зови меня кузиной.

– Ок, куз, – сказал Дике и рассмеялся. Смех у него был такой задумчивый, такой открытый. Ифемелу обнаружила растительное масло. – Масла не надо. Просто свари хот-дог в воде.

– В воде? Как это – готовить колбаску в воде?

– Это хот-дог, а не колбаска.

Разумеется, это колбаска, хоть зови ее этим нелепым «хот-дог», хоть нет, и она поджарила две штуки на той же капле подсолнечного масла, какой хватало когда-то на жарку сосисок «Сатиз»⁸⁴. Дике смотрел на это с ужасом. Она выключила плиту. Дике сдал назад и сказал: «Буэ». Они глядели друг на друга, между ними – тарелка с булочкой и два сморщенных хот-дога. Тут-то она и поняла, что надо было послушать Дике.

– Можно мне сэндвич с джемом и арахисовым маслом тогда? – спросил Дике. Она последовала его указаниям: сначала намазала на хлеб арахисовое масло, давась смехом от того, как он пристально за нею наблюдал, будто она того и гляди решит и сэндвич поджарить.

Когда вечером Ифемелу рассказала тете Уджу историю с хот-догом, тетя Уджу проговорила без всякого веселья, какое ожидала Ифемелу:

– Это не колбаски, это хот-доги.

⁸⁴ Популярная в Нигерии марка мясных продуктов и полуфабрикатов.

– Все равно что говорить, будто бикини – это не нательная одежда. Гость из космоса разницу заметит?

Тетя Уджу пожалала плечами; она сидела за кухонным столом, ела гамбургер из мятого бумажного пакета, перед глазами – медицинский учебник. Кожа сухая, вокруг глаз тени, настроение обесцвеченное. Казалось, она смотрит на книгу, а не читает ее.

* * *

В продуктовой лавке тетя Уджу не покупала ничего из того, что хотела, – только то, что распродала, и заставляла себя это хотеть. Взяла пеструю листовку при входе в «Ки-Фуд» и отправилась искать продукты, включенные в распродажу, прочесывала ряд за рядом. Ифемелу катила тележку, Дике шел рядом.

– Мамоочка, мне эти не нравятся. Возьми синюю, – сказал Дике, когда тетя Уджу клала в тележку упаковки овсяных хлопьев.

– Эту можно купить одну, а вторую получить в подарок, – сказала тетя Уджу.

– Они невкусные.

– Они по вкусу такие же, как обычные хлопья, Дике.

– Нет. – Дике снял с полки синюю коробку и поспешил к кассе.

– Эй, мальчуган! – Кассирша была дебелая и радушная, щеки красные, шелушившиеся от солнца. – Помогаешь мамочке?

– Дике, положи на место, – сказала тетя Уджу с гнусавым скользящим акцентом, какой она применяла в разговорах с белыми американцами, в присутствии белых американцев, заслышав белых американцев. «Па-ажи на-а-места». И с этим акцентом проступала и новая личина – виноватая и застенчивая. С кассиршей она вела себя чрезмерно подобострастно. – Простите, простите, – сказала она, копаясь в поисках дебетовой карты в кошельке.

Поскольку кассирша наблюдала за ними, тетя Уджу разрешила Дике взять ту коробку с хлопьями, но в машине схватила его за левое ухо, крутнула, дернула.

– Я тебе говорила никогда ничего в продуктивном не брать? Ты меня слышишь? Или хочешь, чтоб я тебя шлепнула, и тогда услышишь?

Дике прижал ухо рукой.

Тетя Уджу обратилась к Ифемелу:

– Вот как в этой стране плохо ведут себя дети. Джейн даже говорила мне, что ее дочка угрожает позвонить в полицию, когда Джейн ее бьет. Вообрази. Девочка не виновата, ее привезли в Америку, и ее тут научили, что можно звонить в полицию.

Ифемелу погладила Дике по коленке. Он не посмотрел на нее. Тетя Уджу вела машину чуточку слишком быстро.

* * *

Дике позвал из ванной, куда его отправили чистить зубы.

– Дике, *и мечаго?*⁸⁵ – спросила Ифемелу.

– Прошу тебя, не разговаривай с ним на игбо, – сказала тетя Уджу. – Он в двух языках запутается.

– Ты о чем вообще, тетя Уджу? Мы росли на двух языках.

– Тут Америка. Другое дело.

⁸⁵ Ты закончил? (*игбо*)

Ифемелу промолчала. Тетя Уджу закрыла учебник и уставилась в пустоту перед собой. Телевизор выключили, из ванной доносился звук бегущей воды.

– Тетя, что такое? – спросила Ифемелу. – Что стряслось?

– В смысле? Ничего не стряслось. – Тетя Уджу вздохнула. – Я провалила последний экзамен. Результаты получила как раз перед твоим приездом.

– Ох.

– Ни единого экзамена за всю жизнь не провалила. Но они не знания проверяли, а способность отвечать на хитрые вопросы с тремя вариантами ответов, которые не имеют никакого отношения к учебным знаниям. – Она встала и ушла в кухню. – Я устала. Я так устала. Думала, что теперь-то все для нас с Дике станет получше. Мне тут никто не помогал, а деньги кончились так быстро, уму не постижимо. Я училась и пахала на трех работах. И продавщицей в магазине, и лаборанткой, даже в «Бургер Кинге» по несколько часов.

– Все наладится, – беспомощно проговорила Ифемелу. И понимала, насколько это пустые слова. Все незнакомое. Она не могла утешить тетю Уджу, потому что не знала как. Когда тетя Уджу заговорила о своих подругах, приехавших в Америку раньше и сдавших экзамены, – Нкечи из Мэриленда прислала ей обеденный сервиз, Кеми из Индианы купила для нее кровать, Озависа из Хартфорда собрала для нее посуду и одежду, – Ифемелу произнесла «Боже, благослови их», но и эти слова показались неуклюжими и бестолковыми у нее во рту.

По разговорам с тетей Уджу по телефону Ифемелу решила, что тут все неплохо, но теперь осознала, до чего расплывчато тетя Уджу всегда говорила о «работе» и «экзаменах», без всяких подробностей. Или, может, потому что Ифемелу и не спрашивала о подробностях, считая, что ничего в них не поймет. И подумала, глядя на тетю Уджу, что прежняя тетя Уджу никогда бы не стала носить такие неопрятные косы. Никогда б не потерпела вросших волос, торчавших теперь у нее на подбородке, или затасканных брюк, что мешком висели у нее между ног. Америка усмирила ее.

Глава 10

То первое лето оказалось для Ифемелу летом ожидания: она чувствовала, что настоящая Америка – сразу за углом, осталось свернуть. Казалось, чего-то ждут даже дни, соскальзывавшие один в другой, вялые и прозрачные, с долгим вечерним солнцем. У жизни Ифемелу появилось это свойство оголенности, тлеющей пустоты, ни родителей, ни друзей, ни дома, ни знакомых предметов пейзажа, делавших ее тем, что она есть. И она ждала, писала Обинзе длинные, подробные письма, время от времени звонила – звонки, впрочем, были кратки, поскольку тетя Уджу предупредила, что тратиться на телефонные карточки не может, – и сидела с Дике. Он всего лишь ребенок, но с ним она чувствовала родство, близкое к дружбе. Они вместе смотрели его любимые мультсериалы – «Спиногрызов» и «Фрэнклина»⁸⁶, вместе читали книги, и она приглядывала за ним, пока он играл с детьми Джейн. Джейн жила в соседней квартире. Они с мужем Марлоном происходили из Гренады и говорили с лирическим акцентом, словно того и гляди запоют.

– Они – как мы: у него хорошая работа, он целеустремленный – и они своих детей шлепают, – одобрительно сказала тетя Уджу.

Ифемелу с Джейн посмеялись, когда обнаружили, до чего похоже сложилось у них детство в Гренаде и в Нигерии, с книгами Энид Блайтон⁸⁷, учителями и отцами-англофилами, боготворившими «Всемирную службу Би-би-си». Джейн была старше Ифемелу всего на несколько лет.

– Я очень рано вышла замуж. Марлона все хотели, как тут откажешь? – рассказала она полусуто.

Они сидели на крыльце их дома, смотрели, как Дике и дети Джейн, Элизабет и Джуниор, катаются по улице на велосипедах туда-сюда, Ифемелу покрикивала Дике не уезжать дальше, дети вопили, бетонные тротуары сияли на жарком солнце, а летнюю тишь прерывали лишь всплески музыки из проезжавших машин.

– Тебе все тут, должно быть, пока еще чужое, – сказала Джейн.

Ифемелу кивнула.

– Да.

На улицу выкатился фургон мороженщика, а с ним – бубенцы мелодийки.

– Знаешь, я тут уже десятый год, а все равно будто обживаюсь только, – продолжила Джейн. – Самое трудное – растить детей. Ты посмотри на Элизабет, с ней приходится очень осторожно. Если в этой стране не осторожничать, дети становятся невесть кем. Дома все иначе, над ними там власть имеешь. А тут – нет. – У Джейн был безобидный вид, лицо простое, руки тряские, но под легко возникавшей улыбкой таилась льдистая бдительность.

– Сколько ей? Десять? – спросила Ифемелу.

– Девять, а она уже пытается изображать истеричку. Мы платим приличные деньги, чтобы она ходила в частную школу, потому что от государственных тут никакого проку. Марлон говорит, что скоро переедем в пригород, чтобы дети ходили в школу получше. Иначе она начнет вести себя как черные американцы.

– В смысле?

– Не волнуйся, со временем поймешь, – сказала Джейн и встала – сходить за деньгами, детям на мороженое.

⁸⁶ «Rugrats» (рус. прокатное название «Ох уж эти детки!», «Неугомонные детки», 1991–2004) – мультсериал на телеканале Nickelodeon. «Franklin» (1997–2004) – квебекский мультипликационный сериал, основанный на книгах Полетт Буржуа, на телеканале Nickelodeon.

⁸⁷ Энид Мэри Блайтон (1897–1968) – британская писательница, автор множества книг для детей и юношества.

Ифемелу с радостью ждала таких посиделок с Джейн на крыльце, пока однажды вечером Марлон не явился с работы и не сказал Ифемелу торопливым шепотом, после того как Джейн ушла за лимонадом для детворы:

– Я думаю о тебе. Хочу поговорить.

Джейн она ничего не сказала. Та считать виноватым Марлона не станет ни в какую – ее светлокожего Марлона со светло-кариими глазами, которого все хотели, и Ифемелу стала избегать их обоих, придумывать затейливые настольные игры, в которые они с Дике могли играть дома.

Как-то раз она спросила у Дике, чем он занимался в школе до лета, и он ответил:

– Кругами.

Их усаживали на пол в круг, и они рассказывали друг другу про то, что кому нравится.

Ифемелу ужаснулась.

– А ты делить умеешь?

Он посмотрел на нее странно:

– Я в первом классе, куз.

– Когда мне было как тебе, я уже знала простое деление.

У нее в уме засело убеждение, что американские дети в начальной школе ничему не учатся, и оно закрепилось, когда Дике рассказал ей, что их учитель иногда раздавал купоны на домашнюю работу: если тебе достался такой купон, можно в этот день домашку не делать. Круги, купоны на домашку – о каких еще глупостях она услышит? И Ифемелу взялась учить его математике – она именовала ее «матема», Дике говорил «мат», и они решили, что сокращать это слово не будут. Теперь она и не могла представить себе то лето, не вспоминая деление в столбик, наморщенный от растерянности лоб Дике, когда они сидели рядышком за обеденным столом, о своих колебаниях – подкупить его или наорать. Ладно, давай еще раз – и будет тебе мороженое. Не пойдешь играть, пока не сделаешь все без ошибок. Позднее, когда подросток, Дике сказал ей, что математика далась ему легко из-за того лета, в которое Ифемелу его мучила.

– Ты хочешь сказать – учила, – откликнулась она, и это стало постоянной шуткой, к которой они время от времени прибегали как к лакомству.

То было и лето еды. Ифемелу привлекало незнакомое: гамбургеры в «Макдоналдсе» с отрывистым кислым хрустом огурчиков, этот новый вкус, который ей нынче нравился, а завтра – нет, рапы, которые тетя Уджу притаскивала домой, мокрые от острого соуса, вареная колбаса и пеперони, от которых во рту оставалась соленая пленка. Она терялась от пресности фруктов, словно природа забыла приправить покрепче апельсины и бананы, но было приятно на них смотреть, трогать их. Бананы такие здоровенные, такие равномерно желтые, что она простила им травянистость. Однажды Дике сказал:

– А ты почему так делаешь? Ешь бананы с арахисом?

– Так едят в Нигерии. Хочешь попробовать?

– Нет, – ответил он решительно. – По-моему, Нигерия мне не нравится, куз.

Мороженое, к счастью, – неизменный вкус. Ифемелу загребала прямо из громадных лоханок «купи-одну-получи-вторую-даром» в морозилке, плюхи ванильного и шоколадного, и таранилась в телевизор. Она смотрела те же сериалы, что и в Нигерии, – «Новоявленного принца из Бель-Эйра», «Другой мир»⁸⁸, и обнаружила новые, неведомые – «Друзья», «Симпсоны», но завораживала ее реклама. Она тосковала по жизни, которую там показывали, жизни, полной блаженства, где любой беде находилась блестящий ответ в виде шампуней, автомобилей и полуфабрикатов, и у нее в голове они стали настоящей Америкой, – Америкой, которую она увидит, лишь когда осенью отправится учиться. Вечерние новости – этот поток пожаров и перестрелок – поначалу ошарашивали: она привыкла к новостям НТВ, где самодовольные

⁸⁸ «A Different World» (1987–1993) – американский комедийный телесериал на телеканале NBC, спин-офф «Шоу Козби».

военные перерезали ленточки или произносили речи. Но Ифемелу смотрела новости день за днем, на мужчин, уводимых прочь в наручниках, на несчастные семьи перед обугленными дымящимися домами, на обломки машин, разбитых в полицейских погонях, размытые записи магазинных ограблений, и тревога ее крепла. Она запаниковала из-за какого-то звука у окна, когда Дике укатился на велосипеде слишком далеко. Перестала выносить мусор в темноте – потому что снаружи мог притаиться человек с пистолетом. Тетя Уджу сказала, хохотнув:

– Будешь и дальше смотреть телевизор – решишь, что такое происходит постоянно. Ты знаешь, какая преступность в Нигерии? Может, потому, что мы не докладываем о ней так, как они тут?

Глава 11

Тетя Уджу возвращалась домой с сушеным лицом, напряженная, когда улицы были темны, а Дике – уже в постели, и спрашивала: «Почты мне не было? Почты мне не было?» Вопрос всегда повторялся, все ее существо – на опасной кромке, вот-вот опрокинется. Вечерами она иногда подолгу разговаривала по телефону, приглушенно, будто защищая что-то от пытливого внешнего мира. Наконец она рассказала Ифемелу о Бартоломью.

– Он бухгалтер, разведенный, хочет остепениться. Родом из Эзиовелле⁸⁹, совсем рядом. Ифемелу, потрясенная словами тети Уджу, смогла лишь выдавить:

– О, хорошо, – и ничего больше.

«Чем он занимается?» и «Откуда родом?» – такие вопросы задала бы ее мама, но когда это имело для тети Уджу значение – что родной город мужчины соседствует с ее?

Однажды в субботу Бартоломью приехал к ним из Массачусетса. Тетя Уджу приготовила потроха с перцем, припудрила лицо и встала к окну в гостиной – ждать, когда подъедет его машина. Дике наблюдал за ней, без настроения возясь с солдатиками, растерянный, но и взбудораженный – чувствовал ее предвкушение. Когда в дверь позвонили, она взволнованно велела Дике:

– Веди себя хорошо!

На Бартоломью были высоко поддернутые штаны-хаки, говорил он с американским акцентом, в котором зияли бреши, а слова путались так, что невозможно было разобрать. Ифемелу по его повадкам уловила жалкое провинциальное воспитание, которое он пытался уравновесить американским выговором, всеми этими «каэцца» и «хоцца».

Он глянул на Дике и проговорил почти безразлично:

– А, да, твой мальчик. Как дела?

– Хорошо, – промямлил Дике.

Ифемелу раздражало, что сын женщины, за которой Бартоломью ухаживает, ему совершенно не интересен, Бартоломью даже не прикидывается, что это не так. Он убийственно не подходил тете Уджу – и не был достоин ее. Человек поумнее осознал бы это и держался сдержаннее – но не Бартоломью. Гость вел себя чванливо, будто он – особый подарок, который тете Уджу повезло отхватить, а тетя Уджу ему потакала. Прежде чем отведать потроха, он сказал:

– Ну-ка поглядим, на что это годится.

Тетя Уджу рассмеялась, и у ее смеха был оттенок согласия, поскольку эти его слова: «Ну-ка поглядим, на что это годится» – были о том, хорошая ли она повариха, а значит, хорошая ли жена. Она вписалась в ритуалы, цвела улыбкой, какая обещала покорность ему, но не миру, бросилась подобрать его вилку, когда та выскользнула у него из рук, подала ему еще пива. Дике, сидя за столом, молча наблюдал, забросив игрушки. Бартоломью ел потроха и пил пиво. Говорил о нигерийской политике со страстью и пылом человека, наблюдавшего за ней издали, читавшего и перечитывавшего статьи в интернете.

– Смерть Кудират⁹⁰ – не зряшная, она подтолкнет демократическое движение так, как и жизнь-то не смогла! Я только что написал на эту тему статью в «Нигерийскую деревню»⁹¹.

Он говорил, а тетя Уджу кивала, соглашаясь со всем. Между ними часто зияло молчание. Они сели смотреть телевизор – теледраму, предсказуемую, со множеством ярко отснятых кадров, в одном из них – девушка в коротком платье.

⁸⁹ Маленький город значительно севернее Лагоса, но все еще на юге страны.

⁹⁰ Алхаджа Кудират Абиола (1951–1996) была убита, когда ее супруг Мошуд Абиола победил на выборах и вскоре после был задержан по приказу правительства Нигерии.

⁹¹ Судя по всему, речь о реально существующем портале «The Nigerian Village Square» (<http://www.nigeriavillagesquare.com/>, с 2003).

– В Нигерии девушки такие вот платья ни за что не наденут, – сказал Бартоломью. – Ты глянь. В этой стране никаких нравственных ориентиров.

Не стоило Ифемелу открывать рот, но имелось в Бартоломью что-то, делавшее молчание невозможным, такой он был чрезмерной карикатурой – с этим его забритым затылком, неизменным с тех пор, как он приехал в Америку тридцать лет назад, с этой его воспаленной нравственностью. Из тех людей, о ком у него в деревне, дома, сказали бы – «пропал». «Уехал в Америку и пропал, – говорили бы люди. – Уехал в Америку и отказался возвращаться».

– Девушки в Нигерии носят платья куда короче этого-о, – сказала Ифемелу. – В средней школе кое-кто из нас переодевался у подруг дома, чтобы родители не знали.

Тетя Уджу повернулась к ней, глаза предостерегающе сощурены. Бартоломью глянул на нее и пожал плечами, словно ей и отвечать-то не стоило. Неприязнь бурлила меж ними. До конца вечера Бартоломью не обращал на нее внимания. Не обращал он на нее внимания и в будущем. Она потом почитала его публикации в «Нигерийской деревне», все в кислом тоне, нахрапистые, все под псевдонимом Массачусетский бухгалтер-игбо, и ее удивило, как безудержно он пишет, как действительно проталкивает затхлые свои доводы.

В Нигерию он не ездил много лет и, вероятно, нуждался в утешении онлайн-сообществ, где и малые замечания перерастали в нападки, где люди бросались личными оскорблениями. Ифемелу представляла себе тех пишущих – в невзрачных домах по всей Америке, жизни их омертвели от работы, – их прилежные сбережения в течение года, чтобы в декабре можно было сгонять домой на недельку, и приезжали они туда с полными чемоданами обуви, одежды и дешевых часов и наблюдали в глазах родственников собственные сияющие образы. Потом они вернутся в Америку и продолжают воевать в интернете за свои мифы о доме, потому что дом теперь стал размытым местом, между «здесь» и «там», но хотя бы в Сети можно пренебрегать осознанием, до чего незначительными они теперь стали.

Нигерийские женщины приезжают в Америку и срываются с цепи, писал Массачусетский бухгалтер-игбо в одном из своих постов; неприятная истина, однако необходимо ее признать. Иначе как еще объяснить высокий уровень разводов среди нигерийцев в Америке и низкий – среди нигерийцев в Нигерии? Русалка-из-Дельты ответила, что для женщин в Америке попросту имеются законы, защищающие их интересы, и будь такие же законы в Нигерии, уровень разводов сравнялся бы со здешним. Отклик Массачусетского бухгалтера-игбо: «Тебе Запад мозги промыл. Постыдилась бы называться нигерийкой». Отвечая Эзе Хаустон, написавшей, что нигерийские мужчины – циники, они возвращаются в Нигерию и стремятся жениться там на медсестрах и врачах только для того, чтобы их супруги зарабатывали им деньги в Америке, Массачусетский бухгалтер-игбо пишет: «А что плохого в том, что мужчина хочет финансовой устойчивости от собственной жены? Женщины разве хотят не того же?»

После его отъезда в ту субботу тетя Уджу спросила Ифемелу:

– Ну что?

– Он отбеливающими кремами пользуется.

– Что?

– Ты не увидела? У него лицо странного цвета. Наверняка применяет дешевые, без противозагарных добавок. Что за мужик будет себе кожу отбеливать, *бико*?

Тетя Уджу пожалала плечами, будто не заметила зеленовато-желтый оттенок лица у этого мужчины – на висках и того хуже.

– Он неплохой. У него хорошая работа. – Она примолкла. – Я не молодею. Я хочу Дике брата или сестру.

– В Нигерии такой мужчина не набрался бы смелости даже заговорить с тобой.

– Мы не в Нигерии, Ифем.

Прежде чем отправиться в спальню, пошатываясь под тяжестью многих своих тревог, тетя Уджу сказала:

– Прощу тебя, молись, чтоб все получилось.

Ифемелу молиться не стала, но даже если бы взялась, не нашла бы в себе сил молиться за то, чтобы тетя Уджу сошлась с Бартоломью. Ее огорчало, что тетя Уджу согласилась на то, что попросту знакомо.

* * *

Из-за Обинзе Манхэттен пугал Ифемелу. Когда впервые проехала на метро от Бруклина до Манхэттена, с потными руками, она отправилась гулять по улицам, глазеть, впитывать. Женщина, похожая на сильфа, бежит на высоких каблуках, короткое платье плещется следом, она спотыкается, чуть не падает; пухлый мужчина кашляет и сплевывает на тротуар; девушка во всем черном вскидывает руку, ловя пролетающее мимо такси. Бесконечные небо-скребы устремляются в небо, а на окнах – грязь. Ослепительное несовершенство всего этого успокоило Ифемелу.

– Чудесно, однако не рай, – сказала она Обинзе. Не чаяла дожидаться, когда и он увидит Манхэттен. Воображала, как они гуляют, держась за руки, словно американские пары, каких она тут перевидала, как мешкают у магазинной витрины, застревают почитать меню на двери ресторана, останавливаются у тележки с уличной едой – купить ледяные бутылки холодного чая. «Скоро», – сообщил он в письме. Они часто говорили друг другу «скоро», и это «скоро» придавало их плану вес чего-то всамделишного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.